

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

**ВЕСТНИК
СТУДЕНЧЕСКОЙ НАУЧНОЙ СЕССИИ
ФАКУЛЬТЕТА ФИЛОСОФИИ
И ПСИХОЛОГИИ**

Выпуск 11

Воронеж
Издательский дом ВГУ
2016

УДК 009
ББК 6/8
В38

Редакционная коллегия:
Ю. А. Бубнов (отв. ред.), Е. В. Кривотулова,
И. В. Черниговских, С. С. Православский, О. М. Бабич

**Вестник студенческой научной сессии факультета философии и
В38 психологии** / отв. ред. Ю. А. Бубнов ; Воронеж. гос. ун-т. — Воронеж :
Издательский дом ВГУ, 2016. — Вып. 11. — 290 с.
ISBN 978-5-9273-2384-5

В сборнике опубликованы материалы студенческой научной сес-
сии факультета философии и психологии (апрель 2016 г.).

Материалы публикуются в полном соответствии с файлами-ори-
гиналами, представленными авторами.

Для студентов-заочников и всех интересующихся проблемами
философии, культурологии, психологии и педагогики.

УДК 009
ББК 6/8

ISBN 978-5-9273-2384-5

© Воронежский государственный
университет, 2016
© Оформление, оригинал-макет. Из-
дательский дом ВГУ, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ДОКЛАДЫ-ПРИЗЕРЫ

Гомозова Е. О. Современная постановка основного вопроса философии	1
Толстиков В.В. Иррациональные установки у инвалидов с психическими расстройствами	2
Крикля Н.Ю. Анализ видов страха у младших школьников	3

СЕКЦИЯ ФИЛОСОФИИ

Дронова А. В. Ресентимент как область философской рефлексии	21
Малик Ю.С. Образ философа-проповедника в позднеантичной традиции (на примере Аполлония Тианского).....	26
Авакян-Форер А.Г. Некоторые этические проблемы современной науки	29
Гаршин Н.А. Идеология и символическое в контексте феномена виртуализации	32
Кравчук В. Г. Человек и коммуникация, в свете информационного общества.....	35
Пономарева А.С. Трансцендентное в романе Роберта Музиля «Человек без свойств»	37
Алешина В.В. Одиночество в современном обществе: новые возможности или риски?	40
Соколова А.Ю. К вопросу о религиозно-философских основаниях ренессансного антропоцентризма	43
Альвовская В.В. Традиции и инновации в советской философии М.К. Мамардашвили.....	46
Виноградова С.В. Социально-философские аспекты современного феминизма	49

СЕКЦИЯ КУЛЬТУРОЛОГИИ

Рябов А. А. Формирование культурной политики США	53
Алиханова В. Л. Культурная идентичность в условиях глобализации	56
Болховитина Е.В. Состояние и перспективы развития экстремального туризма в России	59
Зубащенко Я. В. Социально-культурная роль студенческих отрядов воронежской области.....	63
Мельник В. Н. Охрана историко-культурного наследия как одно из направлений культурной политики России.	66
Мясникова А. О. Особенности культурной политики Франции	69
Ряскова А.С. Государственное регулирование киноиндустрии в России.....	72
Строков И.Г. Трансформация художественного сообщества эпохи Возрождения в Италии.....	75
Чайкина С. Н. Особенности проката авторского кино в России	77

СЕКЦИЯ ОБЩЕЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Азнаурьянц А.А. Смысло-жизненные ориентации у верующих и атеистов.....	80
Акунц Р. А. Гендерные аспекты лидерства.....	83
Баскаков Ф.Н. Сравнительный анализ понятий созависимость и межличностная зависимость	86
Бобрешова А.Г. Психологическая характеристика мотивации рождения ребенка у женщин и мужчин.....	88
Гончарова В.В. Психологические особенности доверия к военнослужащим у юношей и девушек с разным уровнем тревожности.....	91
Григорова К.Р. Психологические особенности виктимного поведения женщин в ситуациях изнасилования	93
Губанова И.С. Влияние неполной семьи на особенности поведения и развитие личности подростка.....	97
Денисова И.В. Образ матери и отца у подростков из полных и неполных семей	100

Донина О.В. Теоретические аспекты проблемы ценностных ориентаций личности.....	103
Ефанова Ю. С. Структура эмпатии у студентов-психологов с разным уровнем агрессивности	105
Ивашкина К.А. Коммуникативная компетентность матери и коммуникативные способности детей с синдромом раннего детского аутизма	107
Коновалова Н.Н. Специфика формирования жизненного сценария у детей, воспитывающихся в неполных семьях	110
Корнюшина Е. В. Причины агрессивного поведения детей....	113
Кривова Е.С. Характеристика образа тела у людей с нарушениями пищевого поведения.....	117
Лаптев А. О. Соотношение феноменов интернет-зависимости и интернет-активности в психологии.....	119
Лахно Т. В. Мотивация достижения курсантов с разной профессиональной идентичностью	123
Македонова Г.С. Склонность к виктимному поведению у лиц с разным уровнем социально-психологической адаптированности.....	125
Максименкова Л.О. Связь субъективного переживания одиночества со склонностью к виктимному поведению	127
Малеева О. Ю. Удовлетворённость браком у созависимых супругов с разным уровнем семейной тревоги	131
Матвиенко Я. А. Политическое лидерство как объект современной социальной психологии	134
Назарова Е. С. Типы личностей, склонных к суициду	136
Насири А. К вопросу о склонности к депрессии женщин	138
Подстрешная А. Н. Лидерские качества в подростковом возрасте.....	139
Пылаев А. А. Обзор теоретических представлений о формировании зависимости от психоактивных веществ.....	142
Романенко В.Н. Возрастная динамика представлений о смерти	145
Рыбасова Е.Н. Личностные особенности юношей, переживающих одиночество.....	148
Самофалова А.В. Профессиональное самоопределение в период ранней юности.....	150

Сапьян А. А. Интернет-зависимость у подростков с разным уровнем субъективного одиночества	153
Сафонов Д.С. Причины возникновения и методы коррекции страхов у детей дошкольного возраста	156
Седнева Н.В. Психологические особенности зависимой личности	158
Селляр А.В. Мотивация достижения соматически больных мужчин и женщин с разными типами отношения к болезни	161
Смирнова Э.В. Социально-психологические характеристики личности и психологические аспекты здоровья.....	164
Сушкова Е.В. Гендерные особенности защитных механизмов у юношей и девушек.....	167
Тарасова М.М. Представления об идеальном родительстве мужчин и женщин ранней взрослости.....	170
Тимофеева К.К. Условия и факторы гармоничного развития одаренных детей.....	173
Турищева Т.А. Конфликтные отношения между супругами в период взрослости	175
Царёва Л.В. Проблема стиля управления в психологии	179
Чуйкова Е.В. Понятие и причины суицида, склонности к нему у подростков.....	182
Шаталова Ю.Ю. Теоретический анализ чувства вины в психологии.....	184
Шевченко Н.А. Волевой компонент психологической готовности к браку	188
Шеляг И.А. Проблема самосознания в отечественной психологии.....	190
Шишкина Е. А. Представления о лжи у лиц с разным уровнем социального интеллекта	193
Щербатых Е. С. Личностные особенности девушек, испытывающих недовольство собственным телом.....	196
Ничуговский А. А. Негативные эмоциональные состояния у студентов в учебном процессе.....	198

СЕКЦИЯ ПЕДАГОГИКИ И ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Войщева С.А. Особенности эмоциональной сферы родителей детей с ограниченными возможностями здоровья.....	201
Алексеева М. В. Анализ феномена социального интеллекта детей дошкольного возраста с задержкой психического развития	204
Нежевенко К.В. Реализация эмотивной функции речевого общения неслышащими подростками.....	208
Колесникова М.А. Синдром дефицита внимания и гиперактивности и эмоциональная лабильность.....	212
Понявина В.О. Игровая деятельность как средство развития произвольной памяти младших школьников с задержкой психического развития	215
Першина Е.О. «Готовность к риску» как психологический феномен	218
Дробченко Т.П. Психолого-педагогические факторы саморазвития личности.....	221

СОВРЕМЕННАЯ ПОСТАНОВКА ОСНОВНОГО ВОПРОСА ФИЛОСОФИИ

Е. О. Гомозова, студентка 4 курса

lena.egozova@mail.ru

**Научный руководитель — канд. филос. наук,
доц. Д. Г. Кукарников**

Традиционно статус основного получал вопрос о первичности основания — духа или материи. Но долгое существование дилеммы предполагает детальную разработанность обеих её полюсов, а потому пониженный интерес к ней. Более того, эти предельные сущности были примирены в работах Анри Бергсона. Сам же Бергсон затронул более актуальный вопрос: о конечности человека. Под конечностью в данном контексте понимается не смертность, а ограниченность его когнитивных функций, творчества и прочих производных.

Тезис об ограниченности человека является «осью», которая связывает множество трудов в истории философии. Вопросом конечности занимался Кант. Согласно ему, разум является силой, способной распознать лишь то, что доступно правилам, заложенным в него — априорным формам. Возможность априорного знания свидетельствует о том, что вещь-в-себе не является важным предметом анализа. Субъективность человека оформляет доступный ему мир — феномены. У того же Ницше имплицитно содержится мысль о том, что выход к состоянию сверхчеловека невозможен из-за того, что он должен осуществляться принципиально иными способами. Выход к новому должен быть реализован новыми методами.

В философии науки человек не может выйти за рамки «естественного», потому всё якобы «искусственное», порождаемое им, не выходит за рамки законов природы. В этом смысле любое открытие является новшеством лишь для человека. Это понятие применяется по отношению к тому, что уже существовало до нас.

Возвращаясь к Бергсону стоит обратиться к изложению основных тезисов его теории в статье Елене Князевой «Проблема восприятия: А. Бергсон и современная когнитивная наука». Прибегнув к метафорической форме повествования можно сказать, что восприятие согласно Бергсону действует подобно ножницам: оно делает из окружающей среды, которую можно представить в виде ткани — выкройку. «Обрезки» ткани представляются здесь как те содержания, на которые мы не можем воздействовать. Именно в восприятии и примиряются идея и материя.

Восприятию как свойству человека, мир не дан непосредственно: он выстраивается заново каждым существом по заданным схемам. Более того, мы не способны помыслить сверх человеческого действия. Наш интеллект «отлит» по форме деятельности. Таким образом, все алгоритмы мышления соизмеримы с действием.

Другой стороной его учения является положение о том, что «Неживое есть неразборчивая тотальность восприятия, пассивная отданность воспринимаемому, как камушек на пляже отдан всем волнам и потокам»[4, с. 174]. В этом заложен некий оксюморон: неживое выступает более живым, так как у него отсутствует концентрация, а есть лишь включенность в мир. В подобном отношении снимаются субъектно-объектные отношения, но воспринимающий не способен выйти к этой открытости. Эта способность к концентрации и есть критерий наличия сознания, чем оно сложнее, тем более оно избирательно. Другими словами, сознание всегда соотнесено с выбором, как пишет уже сам Бергсон в «материи и памяти».

Но как относиться к данным об иной реальности, которые приводит в своей работе Князева? Не являются ли достаточным поводом для снятия проблемы конечности? Отвечая на поставленный вопрос, стоит отметить, что эти данные получаются человеком опосредованно, в косвенной форме. Потому в данном случае

люди взаимодействуют, скорее, со «следами» этих сущностей, их проявлением. Вырванное из контекста «логики мифа» Голосовкера утверждение о том, что физические частицы на деле являются для нас современной разновидностью апейрона, служит примером к этому. Более того, подобное знание становится доступным для нас лишь в силу наличия определённых каналов у человека и их усиления, трансформации (к примеру, использование микроскопа).

Но против выстраивания гносеологии по мере человеческих способностей (что было заложено упомянутым Кантом) выступили спекулятивные реалисты. В более широком смысле они критикуют тезис о тождестве бытия и мышления из-за его антропоцентризма. По их мнению, мышление не охватывает всё бытие. Собственно, возвращаясь к заявленной теме, следует упомянуть тезис родоначальника движения — Мейясу о том, что проблема разделения материализма и идеализма исчерпала себя, поскольку существует только корреляционизм.

Грэм Харман в своей работе «О замещающей причинности» протестует против гносеологического переворота и последующего ему — лингвистического. В качестве альтернативы он предлагает обратиться к идеям об инструментальности Хайдеггера и интенциональности Гуссерля. В их разработках заложена критика человеческого мышления как объективной возможности усмотрения мира. Главный интерес собственной теории Хармана в том, что различные сущности вступают в связь, минуя упомянутую корреляцию.

Дело в том, что в интенциональном отношении присутствуют и обладатель сознания, и чувственно воспринимаемый объект. При этом субъект и объект не совпадают в нём, образуя нечто новое и смешанное, что философ называет содержательностью. Но в интенции возникает связь, которая не сводима к её составляющим и потому обладающая автономностью. И в этой самостоятельности объект воздействует на воспринимающего, что свидетельствует об его обладании интенцией. «Я» здесь обретает значимость только в качестве воспринимающего, обращенного, а не через взгляд условного другого, то есть благодаря объекту, а не другому мыслящему субъекту. Для интенции важен объект как оказывающий влияние

на его контуры. В таком случае она обретает статус реального. Это отношение называется Харманом искренностью.

Но в интенции присутствует лишь чувственно воспринимаемый объект, что указывает на его зависимость от человека. Потому мы имеем дело с «замещающей причинностью», которая долгое время мешает развитию философии. Для Хармана важно существование реального объекта, который как бы находится за ним. Выход в признании конечности за каждым существом и предметом. Интенциональность признаётся им не только человеческим свойством, более того, чувственные объекты могут быть таковыми между собой. Но помимо подобных объектов Харман выделяет и другую категорию — реальных. Собственно подобный анализ и возможен благодаря существованию искренности между реальным и чувственно-воспринимаемым.

Логичным будет вопрос о том, как это состояние возможно, если у предметов нет сознания? Сам Харман отвечает на этот вопрос на примере с шариками, которые лежат на столе: «нас интересует не панпсихическое разыскание, обладают ли эти шарики какими-то зачатками мышления и чувств, но то, сталкиваются ли они, как реальные объекты, с поверхностью стола как с объектом, чувственно воспринимаемым» [10, с. 83]. Вступление в это отношение является важным в силу того, что интенциональность продолжает существовать, не смотря на изменение отдельных свойств или качеств объекта. Следовательно, она является чем-то более глубоким, чем поглощение.

Потому для описания реального объекта нужно сравнить его с чувственно воспринимаемым. Второй равен своей сущности (как совокупности качеств, делающих вещь вещью), как и все предметы, насыщающие доступный человеку мир. Но существует возможность изменения отдельных этих качеств, не приводящая к искажению образа закреплённой за объектом сущности. Это положение свидетельствует о содержаниях, не редуцируемых к этому понятию, но воздействующих на субъекта. Выходит, что имеется свойство, наделяющее качества принадлежностью к предмету, а не наоборот. Утверждение возможности обособленного существования чувственно воспринимаемого предмета и его качеств называется аллюр. Более того, существует дочувственная связь объектов, продолжающаяся вне нас. Для Хармана эта связь раскрывается в эстетике.

В принципе подобная позиция является, скорее, развитием агностицизма Канта, а не критикой его положений. Главным в контексте доклада является тезис о том, что существуют претензии на выход за рамки человеческого мышления.

Подобная проблематика существует и в социологии, но рассматривается с другого ракурса: предикат социального получают вещи, выходящие за его рамки. Данную тему развивает в своих работах Латур. Потому, представляя проблему ограниченности человека как метафилософскую, можно затронуть и социальную сторону вопроса. В ней наблюдается, напротив, обращение к сторонам, в которых его сознания представляется ограниченным. Прежде всего, это обращение к стереотипу — форме восприятия, которая позволяет сделать процесс мышления более экономным. Сужение когнитивных процессов может иметь закореневшую форму, а может использоваться извне.

Рационализацией стереотипа в современности является работа Хантингтона «Столкновение цивилизаций». Хантингтон абсолютизирует отношение «свой-чужой», и считает его нерушимым принципом построения социальных общностей. Для него это противостояние опирается на механизмы работы сознания, которое неминуемо формализует другие явления. Из-за этого тезиса публицист не описывает способы избегания социальных конфликтов, а легитимизирует их.

Потому в социальной проблематике важна не сама гибкость человеческого сознания, а «надстройка» над ним. Мы способны искоренять искусственные конструкты, которые используют идеи об ограниченности. Явления по типу нацизма возникали искусственно, что подтверждено такими авторами, как Ханной Арендт, Филиппом Лаку-Лабартом и Жаном-Люком Нанси. Дело в том, что представление о расе или представителе другой культуры не является «априорной» формой мышления. Потому теории неминуемого раскола общества являются лишь спекуляцией и являются возвращением к первобытному способу мышления. Но технологическая и культурная нагруженность современности — необратима. Поэтому в подобных спекуляциях социальная жизнь начинает мыслиться как уровни, не имеющие корреляции между собой.

Несмотря на то, что онтологический, когнитивный и социальный анализ не могут предоставить данные о выходе человека за свои пределы (которые на данный момент дают только мистически ориентированные практики или метафизические постулаты), сама разработка проблемы является шагом к её решению. Нам недоступны данные о преодолении человеком своих границ, но можно постулировать сущности за ними, а так же неосознанную возможность воздействия на «мир вне нас». Потому в социальном контексте проблема конечности приобретает статус опасности, а не онтологического спора.

Литература

1. *Арендт Х.* Истоки тоталитаризма / Х. Арендт. — М. : Центр-Ком, 1996. — 672 с.
2. *Бергсон А.* Собрание сочинений : в 4 т. — М. : Московский клуб, 1992. — Т.1 : Материя и память. — 336 с.
3. *Голосовкер Я.Э.* Логика мифа / Я.Э. Голосовкер. — М. : Наука. — 218 с.
4. *Князева Е.* Проблема восприятия: А. Бергсон и современная когнитивная наука // Логос. — 2009. — № 3. — С. 173—184.
5. *Лаку-Лабарт Ф.* Нацистский миф / Ф. Лаку-Лабарт, Ж.-Л. Нанси. — СПб. : Владимир Даль, 2002. — 78 с.
6. *Латур Б.* Пересборка социального : введение в акторно-сетевую теорию / Б. Латур. — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. — 382 с.
7. *Мейясу К.* После конечности : эссе о необходимости контингентности./ К. Мейясу. — Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2016. — 196 с.
8. *Ницше Ф.* Человеческое, слишком человеческое : книга для свободных умов / Ф. Ницше. — СПб. : Азбука, Азбука-Атрикус, 2015. — 384 с.
9. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. — М. : ООО «Издательство АСТ», 2003. — 603 с.
10. *Харман Г.* О замещающей причинности // Новое литературное обозрение. — 2012. — № 2. — С. 75—90.

ИРРАЦИОНАЛЬНЫЕ УСТАНОВКИ У ИНВАЛИДОВ С ПСИХИЧЕСКИМИ РАССТРОЙСТВАМИ

В.В. Толстикова, магистрант 1 курса
tomsoyer1993@mail.ru

Научный руководитель — канд. психол. наук,
доц. О.В. Тимофеева

Инвалидность — это сложный феномен, который является проблемой не только на уровне организма отдельного человека, но и на социальном уровне [1]. Под инвалидностью мы понимаем стойкое длительное или постоянное нарушение трудоспособности либо ее значительное ограничение, вызванное хроническим заболеванием, травмой или патологическим состоянием (врожденные дефекты сердечно-сосудистой системы, костно-суставного аппарата, органов слуха, зрения, центральной нервной системы и др.) [3].

По данным Федеральной службы государственной статистики по состоянию на 2015 год в нашей стране проживает около 13 тысяч инвалидов. И особое место занимает группа людей, получивших инвалидность вследствие наличия у них психического расстройства.

Психические расстройства являются одной из ведущих причин инвалидности в мире, занимают четвертое место, уступая лишь сердечнососудистым, злокачественным новообразованиям и травмам. Однако по длительности срока инвалидности психические заболевания занимают первое место. Большинство психических больных, утративших трудоспособность, становятся инвалидами в молодом и среднем возрасте (25 % в возрасте до 29 лет, 70 % — до 40 лет). Почти 95 % инвалидов, признанных нетрудоспособными в связи с психическим заболеванием, остаются на пенсионном обеспечении пожизненно. К тому же инвалидность по психическим заболеваниям характеризуется значительной тяжестью: 94,2 % психически больных инвалидов имеют I или II группу ин-

валидности [5]. По оценке О. И. Щепина, показатели распространённости в России всех психических болезней за последние 45 лет выросли в 10 раз [7].

Таким образом, на наш взгляд, группа инвалидов, страдающих психическими расстройствами, требует к себе особого внимания многих специалистов: врачей, психологов, социальных работников и педагогов. Важной задачей является максимально возможная адаптация данной группы инвалидов к социуму, ведь только при выполнении данного условия возможна их продуктивная образовательная и профессионально-трудовая деятельность, нормальная семейная жизнь, адекватное взаимодействие с другими людьми. И если у инвалидов, допустим, с патологией костно-мышечного аппарата, есть вполне объективные физические проблемы, которые могут усложнять процесс их социальной адаптации (отсутствие конечностей, нарушение зрения и т.д.), то в случае инвалидов с психическими расстройствами, как правило, соматические проблемы (если таковые имеются) находятся на втором плане. Здесь речь идёт скорее о проблеме, которую невозможно решить с помощью технических средств (инвалидные коляски, слуховые аппараты) или архитектурных решений (строительство пандусов, специальных дорожек) — социальной дезадаптации вследствие наличия тех или иных нарушений психики. К подобным нарушениям психики можно отнести: галлюцинаторно-бредовые и тревожно-фобические синдромы, депрессии, алкоголизм, наркомании, нарушения пищевого поведения (анорексия и булимия) и т.д.

Большую роль в коррекции данных психических расстройств играет современная медицина (в частности — психофармакология), которая часто даёт неоднозначные результаты. Например, лечение нейролептиками (антипсихотическими препаратами) или антидепрессантами, во-первых, не всегда способно эффективно купировать симптоматику расстройства, а, во-вторых, часто может давать множество нежелательных побочных эффектов, как со стороны психики, так и со стороны других систем организма (например, эндокринной, сердечно-сосудистой и т.д.). Также, необходимо признать тот факт, что в последнее время «неодолимая погоня за сверх-

прибылью привела к немыслимому подорожанию психотропных средств, в результате чего они стали менее доступны для широких слоев населения и, следовательно, к осложнению возможности проводить лечение, в том числе направленного и на профилактику психических заболеваний» [2, с. 4]. Также, важно понимать, что даже при адекватно проводимом медикаментозном лечении инвалидов с психическим заболеванием нуждается в психологической поддержке — психотерапии. «В 2/3 случаев наблюдений психотерапия с успехом могла бы заменить медикаменты» [2, с. 5].

В связи с вышеуказанной необходимостью более широкого введения психотерапевтических техник в процесс социально-психологической реабилитации инвалидов (в том числе — с психическими расстройствами), нами уже был проведён ряд исследований, в одном из которых [6] было установлено, что с помощью методов и техник когнитивно-поведенческой психотерапии можно добиться достаточно эффективных результатов в решении проблемы повышенной личностной тревожности. Вполне вероятно, что с помощью когнитивно-поведенческого вмешательства, возможно будет эффективно воздействовать и на другие негативные эмоциональные и поведенческие реакции у инвалидов. И на наш взгляд, в первую очередь именно группа инвалидов с психическими расстройствами требует проведения психотерапевтических мероприятий, направленных на коррекцию психопатологической симптоматики, которая выступает у них в качестве основной причины — как инвалидности, так и социальной и трудовой дезадаптации.

Психотерапевтические и психокоррекционные мероприятия, направленные на решение вышеуказанных проблем, по-видимому, должны проходить в русле *когнитивно-поведенческой психотерапии*. Это связано, во-первых, с тем, что данный вид вмешательства является наиболее эффективным средством лечения большинства психических расстройств, и, во-вторых, даёт положительные результаты в достаточно короткие сроки, по сравнению с другими видами терапии (в т.ч. фармакотерапии) [4].

С точки зрения когнитивно-поведенческой психотерапии негативные эмоции появляются у людей не вследствие

окружающих их событий, а вследствие их негативной интерпретации самими людьми из-за иррациональных убеждений, усвоенных с детства и в течение жизни. Все люди склонны к построению нелогичных, иррациональных мыслительных комбинаций и фактически все проблемы человека — это результат неэффективного мышления [4]. Когнитивная психотерапия побуждает человека осуществить когнитивные изменения — перестройку мышления и системы взглядов и убеждений, — чтобы добиться устойчивых эмоциональных и поведенческих улучшений.

Одним из способов, с помощью которого возможно свести к минимуму частоту проявления нежелательных эмоций и поведения является замена неверных, иррациональных когнитивных установок человека на более рациональные, логичные и верные. Но прежде чем приступать к коррекции этих иррациональных установок, необходимо, на наш взгляд, сначала выяснить, какие из этих установок в большей степени свойственны инвалидам с психическими расстройствами.

Для этого на базе Воронежского областного центра реабилитации инвалидов нами было проведено исследование, направленное на изучение иррациональных установок у инвалидов с психическими расстройствами. Исследование проводилось с помощью специальной методики диагностики иррациональных установок, предложенной А. Эллисом.

Методика А. Эллиса позволяет изучить 4 группы наиболее часто встречающихся иррациональных установок: установки должностования (в отношении себя и в отношении других), установки обязательной реализации своих потребностей (шкала фрустрационной толерантности), установки катастрофизации (шкала катастрофизации) и глобальные оценочные установки (шкала самооценки и общей рациональности мышления).

Объектом нашего исследования выступили 2 группы инвалидов: первая — люди, получившие инвалидность по психиатрическому диагнозу, вторая — инвалиды без психиатрического диагноза. Выборка составила 20 человек, по 10 в каждой из групп, мужчины и женщины в возрасте от 18 до 34 лет. Результаты, полу-

ченные нами в ходе проведения диагностики с помощью методике А. Эллиса, указаны в таблице.

Т а б л и ц а

Выраженность иррациональных установок у инвалидов, в %

№ группы	Иррациональные установки				
	Катастрофизация	Долженствование в отношении себя	Долженствование в отношении других	Самооценка и рациональность мышления	Фрустрационная толерантность
1	9,0 %	27,0 %	34,0 %	14,0 %	16,0 %
2	32,0 %	16,0 %	19,0 %	13,0 %	20,0 %

Таким образом, по результатам проведенной диагностики, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, существуют различия в выраженности иррациональных установок у инвалидов с психиатрическим диагнозом и у инвалидов без подобного диагноза. Для инвалидов с психиатрическим диагнозом наиболее выражены установки долженствования (как в отношении себя, так и в отношении других), для инвалидов без психиатрического диагноза характерна иррациональная установка катастрофизации.

Во-вторых, в связи с указанным выше, можно предположить, что для инвалидов с психическими расстройствами характерно следующее когнитивное содержание мыслительных процессов.

По-видимому, они убеждены в том, что другие люди должны каким-то определенным образом вести себя с ними, что-то определенное делать и говорить. «Это, естественно, является одним из мощнейших источников стресса, потому что никогда и ни у кого в жизни за всю историю человечества не было такого окружения, чтобы оно всегда и во всем оправдывало наши ожидания. И естественно, что когда мы сталкиваемся с человеком, который поступает «по отношению ко мне не так, как должен», то уровень психоэмоционального возбуждения стремительно возрастает» [5, с. 29].

Также, по-видимому, для инвалидов с психическими расстройствами характерно убеждение в том, что *они сами* каким-то

определённым образом должны вести себя с другими, что они должны делать что-то определенное для других. Они уверены в том, что что-то «должны» другим людям, что от них ожидают определенных действий, чувств и реакций. Это, естественно, также повышает уровень психоэмоционального напряжения.

Высокий уровень психоэмоционального напряжения, связанный с ситуациями общения с другими людьми, в свою очередь, может вести к формированию негативного опыта, связанного с межличностным взаимодействием и, далее — к избегающему поведению (социофобии). Также, отрицательные эмоции могут негативно влиять на состояние психики данной категории инвалидов — продуцировать усиление психопатологической симптоматики.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что, по-видимому, инвалиды с психическими расстройствами испытывают трудности в ситуациях, связанных с межличностным взаимодействием, что, в свою очередь, безусловно, мешает процессу их адаптации в социуме. Тогда психотерапевтическое вмешательство должно быть направлено на коррекцию иррациональных установок долженствования, и если это вмешательство будет успешным — можно ожидать позитивных изменений в социально-психологической и профессионально-трудовой адаптации инвалидов с психическими расстройствами.

Литература

1. *Атаев З. М.* Восстановительное лечение постгиподинамических состояний / З. М. Атаев, Т. Н. Крупина, С. Г. Воронина. — Москва, 1977. — 33 с.
2. *Гиндикин В. Я.* Психиатрия для клинических психологов и психотерапевтов / В. Я. Гиндикин. — Москва : Класс, 2001. — 280 с.
3. Методологические и организационные вопросы реабилитации инвалидов / под ред. В. П. Белова. — Москва, 1973. — 78 с.
4. *Прашко Я.* Когнитивно-бихевиоральная терапия психических расстройств / Я. Прашко. — Москва, 2015. — 1072 с.
5. *Соина А. Ю.* Особенности организации деятельности психоневрологического диспансера и современная реабилитация ин-

валидов с психическими расстройствами / А. Ю. Соина. — М., 2014. — Режим доступа: [http:// www.scienceforum.ru](http://www.scienceforum.ru).

6. Толстиков В. В. Психокоррекция уровня личностной тревожности у инвалидов методами когнитивно-поведенческой терапии / В. В. Толстиков // Молодежь в современном мире: гражданский, творческий и инновационный потенциал : материалы VII Всероссийской (заочной) научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. — Старый Оскол, 2016. — С. 226—230.

7. Щепин О. П. Общественное здоровье и здравоохранение / О. П. Щепин, В. А. Медик. — Москва, 2012. — 608 с.

АНАЛИЗ ВИДОВ СТРАХА У МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Н. Ю. Крикля, магистрант, 2 курс

kriklja-natalija@rambler.ru

Научный руководитель — д-р пед. наук, проф. Н.И. Вьюнова

Ребенку XXI века приходится «бороться» с такими страхами, каких не испытывали его сверстники прошлого века. Обновление и усложнение объема школьных программ, сообщения о катастрофах, разрушениях, бедствиях, транслируемые по телевидению фильмы ужасов, боевики, криминогенная обстановка — все это формирует психическое напряжение и тревожность, проявляющиеся в эмоциональных состояниях современных детей, что не может не влиять на развитие личности ребенка [2].

Проблемой страхов занимались многие отечественные ученые (В. А. Аверин; Л. С. Акопян; Ф. Б. Березин; М. И. Буянов; Л. С. Выготский; В.И. Гарбузов; А. И. Захаров; Е. П. Ильин; Н. И. Конюхов; Н. Д. Левитов; Н. И. Наенко; И. П. Павлов; О. А. Черников и другие).

По мнению А. И. Захарова [3], страх рассматривается как фундаментальная эмоция человека. Автор обращает особое внимание на то, что она возникает в ответ на действие угрожающего стимула. На протяжении всего периода развития человечества страх высту-

пал как организатор борьбы людей со стихией. Именно он позволял избежать опасности, так как играл и играет защитную роль. Поэтому А. И. Захаров считает, что страх можно рассматривать как естественное сопровождение человеческого развития. Страх — это эмоция, которая может возникнуть в любом возрастном периоде.

Ссылаясь на В. А. Аверина, ведущий страх младшего школьного возраста — страх «быть не тем», страх несоответствия общепринятым нормам поведения, требованиям ближайшего окружения, будь то школа, сверстники или семья. Наиболее частым видом страха несоответствия в этом возрасте является страх опоздать в школу. Как отмечает А. И. Захаров, это не столько страх самой школы, сколько страх расставания с родителями, к которым привязан тревожный, к тому же часто болеющий и потому гиперопекаемый ребенок. Другой причиной «школьных страхов» ребенка могут быть его конфликтные отношения с учителями, со сверстниками, боязнь их агрессивного поведения. Иногда сами родители провоцируют возникновение этого страха, когда в своем стремлении иметь ребенка-отличника постоянно «давят ему на психику» во время приготовления им уроков. Также со «школьными страхами» для этого возраста связан страх стихии: бури, наводнения, урагана, землетрясения. Все эти страхи, по мнению А. И. Захарова, есть продукты «магического мышления» школьника, его склонности верить в предсказания, суеверия. С одной стороны, это проявление внушаемости, с другой — проявление идущих из раннего детства страхов темноты, одиночества и замкнутого пространства, а с третьей — эгоцентрического мышления, блокирующего развернутые логические формы мышления [1]. Наше исследование проводилось в городе Воронеж, на базе Муниципального бюджетного общеобразовательного учреждения средней общеобразовательной школы № 88 с углублённым изучением отдельных предметов. В эмпирическом исследовании приняли участие 32 человека: 22 мальчика и 10 девочек в возрасте 10 лет. Для анализа и исследования особенностей страхов применялись следующие методики: проективная методика «Портрет моего страха» (А. И. Захаров), методика диагностики уровня школьной тревожности (Б. Н. Филлипс), методика «Страхи в домиках» (модифицированная беседа А. И. Захарова и тест «Красный дом, черный дом» М. А. Панфиловой).

В данной статье представлен анализ результатов по проективной методике «Портрет моего страха» А. И. Захарова, по результатам которой можно сказать, что для детей младшего школьного возраста наиболее выражены следующие страхи (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Выраженные страхи у детей младшего школьного возраста

Выраженные страхи	Показано в процентах
Страх смерти	34 %
Боязнь животных	9 %
Страхи сказочных персонажей	9 %
Страх темноты и кошмарных снов	9 %
Социально-опосредованные страхи	0 %
Пространственные страхи	37 %

Также мы получили результаты исследования по гендерным различиям восприятия страхов у детей младшего школьного возраста (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Гендерные различия восприятия страхов у детей младшего школьного возраста

Выраженные страхи	У девочек, %	У мальчиков, %
Страх смерти	15 %	18 %
Боязнь животных	6 %	3 %
Страхи сказочных персонажей	3 %	6 %
Страх темноты и кошмарных снов	6 %	3 %
Социально-опосредованные страхи	0 %	0 %
Пространственные страхи	9 %	28 %

По результатам методики «Портрет моего страха» А. И. Захарова можно сказать, что из 32 учеников наивысший процент был по пространственным страхам (*высоты, глубины, огня, замкнутых пространств*) — 37 %. Это может быть связано с эмоционально-

стью, впечатлительностью детей, а также влиянием сообщений о разных катастрофах, разрушениях, бедствиях, транслируемых по телевидению, влиянием фильмов ужасов, боевиков, криминогенной обстановки. Все это формирует психическое напряжение и тревожность, проявляющиеся в эмоциональных состояниях современных детей.

Также следует отметить, что социально опосредованные страхи (*людей, детей, наказаний, опозданий, одиночества*) ни у одного из учеников не было выявлено. Это можно объяснить тем, что в настоящее время уделяется большое внимание защите прав ребенка, обстановка в школах становится более демократичной, учебно-воспитательный процесс направлен на развитие свободной личности школьника.

При исследовании гендерных особенностей можно отметить, что у мальчиков получен высокий процент по пространственным страхам (*высоты, глубины, огня, замкнутых пространств*) — (28 %). Полагаю, что это связано с тем, что мальчики уже в младшем школьном возрасте ассоциируют себя с представителями таких экстремальных профессий как летчики, монтажники, подводники, пожарники и т.д. В них уже заложено мужское начало быть по жизни защитником.

А вот у девочек наивысший результат — по страху смерти (*своей, родителей*) — (15 %). Это может означать, что девочки в большей степени в этом возрасте привязаны к семье, родителям. Они эмоциональнее мальчиков и поэтому этот страх у них выражен сильнее. Выявленные особенности позволяют разработать программу коррекции страхов у детей младшего школьного возраста с учетом гендерных особенностей.

Литература

1. *Аверин В. А.* Психология детей и подростков: учеб. пособие / В. А. Аверин. — СПб. : Изд-во Михайлова В.А., 1998. — 379 с.
2. *Акопян Л. С.* Психология эмоциональных состояний и их регуляции у детей младшего школьного возраста (на материале детских страхов) : автореф. дис. ... д-ра психол. наук / Л. С. Акопян. — Самара, 2011. — 53 с.
3. *Захаров А. И.* Как преодолеть страхи у детей / А. И. Захаров. — М. : Педагогика, 1986. — 112 с.

РЕСЕНТИМЕНТ КАК ОБЛАСТЬ ФИЛОСОФСКОЙ РЕФЛЕКСИИ

А. В. Дронова, студентка 4 курса
dronova1993s@mail.ru

Научный руководитель: д-р филос. наук С. Н. Жаров

Смысл настоящей работы в том, чтобы ввести тему ресентимента в новое поле философской рефлексии: осмыслить ее возможности и перспективы. Для этого нужно разобраться, что такое ресентимент и проследить основания его преодоления. Данная тема освещена, главным образом, у двух мыслителей: Ницше и Шелера. Шелер берет за основу концепцию Ницше, но вносит определенные поправки и дополняет ее.

Что такое ресентимент? Определение появляется у Ницше в контексте противопоставления двух типов морали — морали рабов и морали господ: «Восстание рабов в морали начинается с того, что *ressentiment* сам становится творческим и порождает ценности: *ressentiment* таких существ, которые не способны к действительной реакции, выразившейся бы в поступке, и которые вознаграждают себя воображаемой мстью»; «Ресентимент обнаруживается прежде всего в "повороте оценивающего взгляда": взгляд с необходимостью обращается «вовне, вместо обращения к самому себе»; «мораль рабов всегда нуждается для своего возникновения прежде всего в противостоящем и внешнем мире, нуждается, говоря физиологическим языком, во внешних раздражениях, чтобы вообще действовать, — ее акция в корне является реакцией» [1, с. 424]. Философ связывает формирование ресентимента с появлением христианства, которое уравни-

нивает всех: знатного и простолюдина, богатого и бедного, хозяина и раба: «господа» упразднены; победила мораль простолюдина. Если соизволят сравнить эту победу с отравлением крови (она смешала расы), — я не буду ничего иметь против; несомненно, однако, что интоксикация эта удалась. «Спасение» рода человеческого (именно от «господ») на верном пути; все заметно обиудеивается, охристианивается, оплебеивается (разве слова тут что-то меняют!)» [2, с. 252]. Данные процессы произошли из-за зависти плебса, который не мог ничего противопоставить знати, кроме количества. Не имея силы, статуса, таланта и индивидуальности массы объединились в мощное движение, использовавшее «духовное» оружие — высокомерие христиан и стали «жалеть» господ. Христианское движение уравнило всех. Те, кто не был согласен — стали врагами: «Представьте же теперь себе «врага», каким измышляет его человек ressentимента, — вот где его деяние, его творчество: он сочинил «злого врага», «злого» как раз в качестве основного понятия, уже исходя из которого, в качестве копии и антипода, он выдумывает и «доброе» — самого себя!..» [2, с. 256].

Ницше плотно связывает ressentимент и христианство. Последнее выступает причиной и корнем первого. Ressentимент обладает только негативными коннотациями. Заметна общая разочарованность Ницше, как в христианском движении, так и в положении современного ему человека. Но концепция философа незамкнута и содержит направления для последующей рефлексии. Она не только констатирует обнаруженный философом тип морали, но содержит перспективы выхода из данной ситуации: «Воля освобождает: таково истинное учение о воле и свободе — ему учит вас Заратустра» [3, с. 61]. Основанием преодоления ressentимента является воля. Ницше иррационалист и четких инструкций «как преодолевать» не дает, но воля есть то условие, благодаря которому это принципиально возможно.

Что мы видим у Шелера? Он признает открытие Ницше ressentимента самым глубоким в области происхождения моральных оценок, но не соглашается с предшественником относительно христианства. Шелер считает ошибочным специальный тезис о том, что христианская любовь — «утонченнейший цветок ressentимента» [4, с. 11]. В самом общем смысле философ понимает под ressentиментом «самоотравление души, имеющее вполне определенные причины и след-

ствия» [4, с. 14]. Оно возникает в ответ на систематический запрет выражать определенные эмоции и аффекты, являющиеся нормальными и относящиеся к основному содержанию человеческой натуры.

Важнейший исходный пункт образования ресентимента — импульс мести. Каждому желанию мести предшествует обида, нападение или оскорбление. Тем не менее, если животное подвергается нападению и кусает — это нельзя считать мезтью; прямой удар в ответ на пощечину — тоже не мезть. Для последней характерны две вещи: сначала это торможение моментальной ответной реакции, затем перенос ответной реакции на более удобное время. Мезть по Шелеру всегда удел человека в некоторой степени «слабого». Но все это еще не ресентимент. Мстителю, который мстит, ненавистник, наносящий вред противнику, завистник, пытающийся получить объект зависти, не подвержены ресентименту. Последний появляется, если импульс мести, ненависти, зависти не выходит наружу. Ресентимент формируется у стороны, находящейся под чьим-то господством при относительном равноправии обеих [4, с. 14—18]. Как это работает?

У раба нет ресентимента к господину, потому что «быть рабом» единственное понятное и известное состояние. Раб и господин изначально не мыслятся равными. Только формальное равенство при реальном неравенстве формирует ресентимент [4, с. 18—21].

Вторым важным пунктом происхождения ресентимента является зависть. Она рождается там, где попытка достичь чего-то обычными способами не увенчивается успехом, тогда как у другого человека это есть. Желание обладать превращается в ненависть к самому обладателю желаемого. Ресентимент возникает после осознания собственного бессилия. Поэтому зависть, формирующая самый сильный ресентимент — зависть к самому способу жизни другого. Этот тип ресентимента возникает от сравнения. Человек не может увидеть в себе достоинство, но видит достоинства и недостатки других, сравнивая себя с ними. Достойный человек, по Шелеру, способен искренне признать, что есть те, кто лучше его в ряду качеств, а может, и во всех сразу [см. 4, с. 24—36].

Философ выделяет много ресентиментных типов, из которых, на мой взгляд, наиболее любопытны четыре:

Карьерист — это тот, у кого на первый план вышло желание быть и значить больше по сравнению с другими. Значимость профессии

отодвигается на второй план. Тот, для кого любое дело — всего лишь одинаково безразличный повод освободиться от угнетающего чувства «меньшей» значимости по сравнению с другими, которое неизбежно возникает при установке на сравнение [4, с. 30—34].

Старые девы — женщины, у которых подавлены инстинкты нежности, полового влечения и продолжения рода. То, что называется «чопорностью» — одна из форм полового ресентимента. Постоянное выискивание в окружении всего, что имеет отношение к сексу, ставшее для многих старых дев установкой — превращенная форма сексуальности [4, с. 39—40].

Отступник — человек, радикально изменивший взгляды. Он еще не успел заменить старое мировоззрение новым, но первое уже перестало удовлетворять. Возникает ситуация, в которой он чувствует неудовлетворенность жизнью. Носители старого мировоззрения начинают раздражать. Они еще находят смысл, а отступник уже нет. Нового смысла тоже нет. Возникает ненависть и зависть к мировоззренческому комфорту других [4, с. 46—48].

Романтик — человек, недовольный эпохой, в которой живет. Он хочет жить в прошлом или будущем. Не потому, что реальность действительно плоха, а из-за неадекватных запросов и требований к миру [4, с. 48—50].

Заслуга Шелера не только в переосмыслении понятия ресентимент, но во введении и описании ресентиментных типов. Однако он, как и Ницше, видит в ресентименте некое ненадлежащее состояние, которое нужно изменить, преодолеть. У Ницше основанием такого преодоления служит воля, у Шелера — Бог. Осознание человеком собственного достоинства возможно через открытие в себе и другом *ordo amoris* («Строй [порядок] любви (лат.)» [5]), что обеспечивает стремление к раскрытию собственного потенциала. Сверхчеловек Ницше — существо по ту сторону добра и зла, способное создавать собственную мораль, нацеленное на развитие творческих импульсов и доведение их до совершенства. Религиозный вариант Шелера решает данную проблему полностью, но подходит не для всех. Указанные концепции представляют человека способным действовать свободно, не принуждаемым импульсами мести и зависти: вне ресен-

тимента. Они имеют основания «выхода» из проблемы. Есть ли такие основания в современности?

Представим — установка на соревновательность снята. Люди свободны от сдерживания импульса мести и зависти: нет больше карьеристов, романтиков, старых дев. Получаем общество людей, не имеющих направленности на деятельность или познание: не завидующие, не желающие ничего большего, чем имеют, довольные любым положением в обществе. У такого человека нет причин развиваться, кроме, как ни парадоксально, ресентимента. Таким образом, исследователи этой проблемы должны учитывать, для выдвижения тезиса о возможности и необходимости преодоления ресентимента, нужно указывать основание данного преодоления. Его поиск создает новое проблемное поле для философской рефлексии.

Если основания нет или оно не выявлено, теория ресентимента может быть использована, как минимум, в качестве инструмента этико-философского и нормативно-этического анализа: «Но в чем еще может выразиться согласие с оценкой Шелером Ницшевым открытия, если не в готовности инкорпорировать понятие «ресентимент» в этико-философские диспозиции, а вместе с ним и ресентиментологический подход в этико-философские, а в еще большей степени в нормативно-этические рассуждения? Под инкорпорированием в данном случае имеется в виду, как включение, так и признание — принятие концепта "ресентимент" в качестве одного из инструментов анализа. Причем критическое признание — непременно опосредствованное верификацией, как самого понятия, так и метода» [6, с. 30]. Как это использовать?

Можно дополнять и расширять философский категориальный аппарат, чтобы проникнуть вглубь некоторых явлений. Например: проанализируем самообъективацию. Это явление хорошо заметно в пространстве интернета, в частности, в социальных сетях. Профиль, создаваемый пользователем — способ самопрезентации и самообъективации: «Человек стремится трансцендировать себя в виртуальной вечности не для существования после смерти, а для сохранения в сложных информационных сетях, в искусственной памяти. Притязание на потенциальное существование, желание

быть презентированным на экранах и в программах — эта страсть является магической...» [7, с. 40]. Колоссальные силы уходят на «облагораживание» профиля: имеется множество фотографий, записей, заметок, выражающих знания, моральные оценки, мысли. Все это направлено на создание образа, обладающего привлекательностью для круга других пользователей. Даже отрицательная привлекательность профилей (с использованием ненормативной лексики или фотографий антиэстетического характера) несет определенный посыл, отражающий то, чем пользователь хочет казаться. Это внешнее явление, в том смысле, что направлено на оценку других лиц. Но в ближайшем рассмотрении оказывается, что самообъективация связана с внутренним — оценкой самого себя. Пользователь, вкладывающий силы в создание привлекательного образа, с одной стороны, показывает другим улучшенный вариант себя, а с другой — транслирует это себе самому. Данная практика рождает комплекс несоответствия образа себе. В этом случае, образ отчуждается и оказывается внешним по отношению к человеку. Этот образ — всегда улучшенная версия пользователя, так как его цель — соблазнить: «Соблазнить — значит умирать как реальность и рождаться в виде приманки. При этом попадают на собственную приманку — и попадают в зачарованный мир» [8, с. 131]. Тот факт, что имеется не только идентификация, но и самоидентификация профиля с конкретным человеком, порождает такое явление, как саморесентимент.

Под саморесентиментом можно понимать зависть к своему образу в интернете. Такая форма ресентимента практически неустранима в современных реалиях. Неустранима в той мере, в какой пользователь стремится «приукрасить» себя. Улучшенный образ оказывается предметом зависти. Следовательно, саморесентимент как зависть к постоянно изменяемому и совершенствуемому образу самого себя, одна из современных форм ресентимента, которую стоит учитывать.

В качестве вывода отмечу, что теории ресентимента актуальны: они создают особое проблемное поле, связанное с основанием преодоления ресентимента в современном мире, новые методы исследований и их объекты.

Литература

1. Ницше Ф. К генеалогии морали / Ф. Ницше // Соч. : в 2 т. — М. : Мысль, 1990. — Т. 2. — С. 407—534.
2. Ницше Ф. Полн. собр. соч.: в 13 т. / Ф. Ницше. — М. : Культурная революция, 2012. — Т. 5. — 480 с.
3. Ницше Ф. Так говорил Заратустра / Ф. Ницше // Соч. : в 2 т. — М. : Мысль, 1990. — Т. 2. — С. 5—237.
4. Шелер М. Ресентимент в структуре моралей / М. Шелер. — СПб. : Наука : Университетская книга, 1999. — 231 с.
5. Шелер М. Избр. произведения / М. Шелер. — М. : Гнозис, 1994. — 490 с.
6. Апресян Р. Г. Ресентимент и историческая динамика морали / Р. Г. Апресян // Этическая мысль. — М. : Ин-т философии РАН, 2001. — Вып. 2. — С. 27—40.
7. Бодрийяр Ж. Америка / Ж. Бодрийяр. — СПб. : Владимир Даль, 2000. — 204 с.
8. Бодрийяр Ж. Соблазн / Ж. Бодрийяр. — М. : Ad Marginem, 2000. — 319 с.

ОБРАЗ ФИЛОСОФА-ПРОПОВЕДНИКА В ПОЗДНЕАНТИЧНОЙ ТРАДИЦИИ (НА ПРИМЕРЕ АПОЛЛОНИЯ ТИАНСКОГО)

Ю. С. Малик, студент 3 курса

Malik304qwe@rambler.ru

Научный руководитель — канд. филос. наук, доц. А. А. Цуркан

В этой статье мы постараемся подробно рассмотреть личность Аполлония Тианского, как одного из ярких представителей среди философов-проповедников в Римской империи в период поздней античности, и его схожесть с личностью Иисуса Христа.

Аполлоний Тианский является представителем философской школы неопифагореизма, которая сочетает в себе эклектический синтез, как философии пифагорейцев, так и философии Платона и Аристотеля, и большинства стоиков. Если верить Флавию Филострату, афинскому писателю-мифологу, то «Отечеством Аполлония была Теана, эллинский город в области каппадокийцев» [2, с. 7]. Сам Аполлоний происходил из богатой и знатной семьи, однако, эта роскошь была ему чужда. После смерти отца, он тратил его наследство на нуждающихся, больных и немощных, сам не желая богатства. Будучи «скромным в роскоши», Аполлоний был таковым и в употреблении пищи: он считал неприемлемым утолять голод мясом животных и пить вино, говоря, что это туманит ясность мысли. Зато сухофрукты, хлеб и чистую воду он считал достойной пищей философа.

Кроме того Аполлоний Тианский был против жертвоприношений — они, по его мнению, были глупы и неприемлемы, ведь если боги правосудны и всеведущи, то значит, они всемогущи и не нуждаются в животной крови. Также философу-проповеднику приписывались и чудотворные мистические качества, как например, изгнание демонов или воскрешение мертвых. Завидев похоронную процессию, он молвил собравшимся: «Опустите гроб на землю, и я высушу слезы, которые вы проливаете над этой девушкой». Стоило ему дотронуться до молодой женщины и произнести пару слов, как она сразу же возвратилась к жизни. Здесь стоит вспомнить воскрешение Лазаря Иисусом Христом. В Евангелие от Иоанна (XI, 1—44) говорится о том, что жил некто Лазарь из Вифании и был болен, после чего вскоре умер. Спустя четыре дня, с намерением убедить учеников своих, Иисус, разведя руками и воззвав к небу, начал молить Бога о милости, чтобы ученики уверовали в то, что Христос — Сын Божий. «Сказав это, Он воззвал громким голосом: Лазарь! иди вон. И вышел умерший, обвитый по рукам и ногам погребальными пеленами, и лице его обвязано было платком... » [3, с. 210].

Эти схожие сюжеты демонстрируют нам то, что личность Аполлония могла обладать, если верить Филострату, таким же авторитетом, как и личность Христа. Но если для Христа Богом был Небесный отец, Всепрощающий Бог, то убеждения Аполлония на этот

счёт разнятся. Будучи эллином, Аполлоний веровал в богов Эллады, в частности, почитая Асклепия, бога врачевания в Древнем Риме.

Аполлоний Тианский много путешествовал, бывал в Индии, в Египте. Именно связь с последним интересна нам больше всего. Аполлоний отвергает звероголовый культ египтян, считая его необоснованным и недостойным статуса обожествления, однако, согласно Филострату, он упоминает в качестве божественного атрибута — Солнце. Для него Солнце — это некий единый живой организм, видимый образ Творца и движущей силы Космоса. Вполне вероятно, что Аполлоний мог заинтересоваться единым монотеистическим культом Бога солнца Атона, который ввёл фараон Эхнатон в Древнем Египте, приблизительно в 1375—1336 г. до н.э. Атон представлял из себя солнечный диск, с простирающимися лучами-ладонями. Атон был не антропоморфен в отличие от прежних богов египтян. Несмотря на то, что культ Атона перестал существовать с воцарением Тутанхамона, задатки атонизма возможно оказали влияние как на Аполлония, так и на его современников. Флавий Филострат пишет, что еще до рождения, матери Аполлония во чреве явился египетский Бог Протей. На вопрос: «Кого ей предстоит родить?», Протей ответил: «Меня».

Рассматривая это повествование, мы приходим к выводу, что если Аполлоний и не был Богом воплоти, то вполне вероятно мог считаться сыном божьим, подобно Христу. При сравнении этих личностей российский философ А. Ф. Лосев неслучайно подтверждает, что в начале 19 века, многие исследователи выделяли одной из главных причин мифологизации образа Аполлония — именно антипод росту христианских вероучений и личности Христа.

Советский историк Е. М. Штаерман рассматривает точку зрения о том, что роман Флавия Филострата был написан из-за политических побуждений, «против тирании». Именно поэтому образ Аполлония мифологизирован и так красочно нам представлен. Однако она не отрицает, что «главное в его образе — боговдохновенная мудрость, проникновение в тайны мироздания...»[1, с. 164]. Несмотря на то, что Аполлоний не приносит нам никаких новых истин и продолжает действовать именно в «лоне» пифагореизма, тем не менее, акцент на практическое применение его философии колоссален.

Аполлоний говорит о богопознании и богопочитании, но, несмотря на это, своим примером показывает, как нужно жить и к чему стоит стремиться. Больные люди, приходившие к нему за советом, получали исцеление, хотя его наставления были довольно просты. Скорее всего, именно в этой простоте и кроится истинный смысл его философии: жизнь соразмерно своим желаниям и принципам, отсутствие пристрастия к чему-либо и ясность мысли.

Аполлония также как и Христа судили, хотели казнить, однако, по словам Флавия Филострата, ему удалось избежать смерти. Аполлония обвиняли в колдовстве, шарлатанстве, однако сам философ с легкостью мог оправдать себя и словом и делом. Так Филострат пишет, что Тианский с легкостью освобождал себя от тюремных кандалов, мог выпрыгнуть из них и вернуться обратно. Когда его упрекали, почему люди называют его Богом, Аполлоний совершенно спокойно отвечал, что каждый добрый человек имеет право так называться.

Помимо всего прочего, Аполлоний Тианский был знаком с другими философскими учениями, а именно стоицизмом и кинизмом, которым отдавал большее предпочтение. Учение киников было гораздо ближе к тому аскетизму, которого старался придерживаться Аполлоний. Особенно это касается ограничений в пище и безбрачия мудреца. Конечно, Аполлоний Тианский, вероятнее всего, был сторонником превосходства человеческого духа над плотью, и, как и все пифагорейцы, верил в переселение душ, однако предостерегал от любопытства к этим таинствам, отдавая им некую дань уважения.

В заключении, стоит ответить на главный вопрос: почему личность Аполлония Тианского уступила личности Иисуса Христа?

Если не брать в расчёт все чудеса, которые были приписаны как Аполлонию, так и Иисусу, то мы должны понимать, что Иисус Христос — это «Бог для народа, Бог для простых людей», тот, кого называют Спасителем. Вселюбящий и всепрощающий Бог. Однако Аполлоний Тианский был эллином по натуре и по природе. У него невозможно было отнять присущего ему эстетизма, возвышенности над земными проявлениями жизни. Аполлоний Тианский — это Бог для философов, чей образ жизни должен был стать примером для подра-

жания. Но сам Аполлоний не хотел никого учить и спасать во вселенском масштабе. Он был странствующим философом и говорил о том, что сам еще учится и хочет продолжать учение. В каком-то смысле, считается, что вся его жизнь была стремлением к познанию и открытию чего-то нового. Вероятно, что образ Аполлония Тианского если и был частично мифологизирован, то значимость его «практического» способа философствования актуальна и по сей день.

Литература

1. *Авдиев В. И.* История Древнего Востока / В.И. Авдиев. — М., 1953.
2. *Лосев А. Ф.* История античной эстетики : поздний эллинизм / А. Ф. Лосев — М. : Искусство, 1980.
3. Новый Завет и Псалтырь. — М. : Санкт-Майкл Принт ; Финляндия : Гедеон, 2012.
4. *Штаерман Е. М.* Кризис античной культуры / Е. М. Штаерман — М. : Наука, 1975.
5. *Филострат Ф.* Жизнь Аполлония Тианского / Ф. Филострат. [перевод и комментарии Е. Г. Рабинович]. — М. : Наука, 1985.

НЕКОТОРЫЕ ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ

А. Г. Авакян-Форер, магистрант 1 курса

E-mail: arminavrn@mail.ru

Научный руководитель — д-р филос. наук, проф. Е. Н. Ищенко

С момента возникновения современной науки, с эпохи Нового времени и до середины XX века, наука, ее достижения, считались несомненным благом. Исторические этапы формирования науки подробно изложены в труде А. С. Кравца «Наука как феномен культуры». В работе указывается, что «Европейская цивили-

зация Нового времени создает возможности для формирования науки, как самостоятельного вида культуры. Из «свободных» занятий дилетантов и любителей мудрости наука превращается в сложноорганизованную целостную культуру — духовное производство знаний. Поэтапно возникает «мир науки». И этот «мир науки» всегда развивался под лозунгом всеобщего человеческого блага» [2, с. 7—22]. В настоящее время в связи с целым рядом проблем, связанных с вторжением науки в природу человека, с целью ее изменения, равно и с рядом экологических проблем, вызванных экспансией научного творчества, оценка науки перестала быть однозначно положительной.

Один из парадоксов научного творчества заключается в том, что улучшая качество жизни человека и улучшая ее количественные характеристики, наука одновременно создает условия для самоистребления субъекта, каковым является человек. Это вызвано экспансией искусственного в отношении естественного во всех ее формах и проявлениях.

Поскольку современная наука генетически восходит к естественной магии и магии вообще, движущая сила научного творчества это всегда стремление к расширению возможностей человека, расширению его власти. Лозунг «Знание — сила» является наиболее полным и емким выражением этой установки. Наука проникает в такие области человеческой жизнедеятельности, которые способствуют наращиванию силы, создают для этого новые возможности. Поэтому происходит слияние науки и бизнеса, коммерциализации научного творчества.

В свою очередь этика восходит к системе религиозных норм и запретов, то есть является производной иной формы культуры. Это становится очевидно, если учесть, что магия и религия не тождественны друг другу. Магия основана на преодолении ограничения (запрета), религия, напротив, содержит в себе ограничение (запрет) в качестве отличительной особенности. Поэтому производные от них, то есть науку и мораль, так трудно гармонично сочетать. Наука оказывается автономной, самодовлеющей силой, имеющей внутреннюю логику развития. Этика часто используется ученым сообществом для создания имиджей (имиджмей-

кинг), приемлемых для общественного мнения, для того, чтобы заручиться одобрением и поддержкой не только обывателей, но и представителей властных структур. Иногда за «положительным имиджем» скрываются такие цели, которые могут даже идти в разрез с гуманистическими ценностями и правами человека.

Возьмем, например, одно из великих открытий последних лет в молекулярной биологии — расшифровку генома человека. «Это событие сразу породило множество проблем этического и правового порядка, и прежде всего, собственности на полученную информацию: кому она должна принадлежать — всему человечеству или компаниям, которые ее открыли» [4, с. 63]. Помимо этих проблем, возникли и другие. С одной стороны это и генная терапия — лечение наследственных заболеваний на генетическом уровне, и терапевтическое клонирование, цель которого «выращивание» из клеток клонированного эмбриона здоровых тканей и органов для замены ими больных органов донора. С другой стороны очевидны и возможные отрицательные последствия расшифровки генома. Это, прежде всего, возможность манипулирования ДНК человека, и даже более того, генофондом человечества в «нужном» (для властных структур) направлении.

Или другой пример: С развитием нейрофизиологии стало понятно, что внедряясь в человеческий мозг, можно вылечить массу болезней, но можно и повлиять на характер, привычки, ментальность человека. Американский нейрофизиолог, доктор Брюс Миллер из Калифорнийского университета был убежден, что все дело в анатомии: превратить примерного семьянина и прихожанина церкви в атеиста, грабителя и сексуального маньяка можно движением скальпеля. По мнению Натальи Бехтеревой, российского нейрофизиолога, научного руководителя Института мозга человека, подобные эксперименты над личностью человека, по меньшей мере, аморальны. Она считала, что пользы было бы больше, если ученые научились управлять творческими способностями человека. При решении этой проблемы гениальность уже не была столь редким феноменом, а человечество сделало качественный скачок в своем развитии.

Безусловно, жизнь современного человека не мыслима без науки и ее достижений. В то же время наука не мыслится без мо-

рали, так как в противном случае, если наукой будут заниматься люди аморальные, все ее свершения, достижения могут быть уничтожены.

Когда речь заходит о судьбах человечества, мы рискуем услышать оценку, аналогичную той, которая была дана физиком—теоретиком Э.Ферми: узнав об «успешном» взрыве атомных бомб над японскими городами, Ферми воскликнул: «Какой красивый эксперимент!». Справедливости ради следует сказать, что этот пример не типичен. Известны благородные усилия Н. Бора, пытавшегося убедить властные структуры отказаться от монополии на владение секретом атомного оружия. Или достаточно вспомнить о деятельности Эйнштейна, выступившего совместно с Расселом с манифестом, в котором ученые предупреждали об опасности атомного оружия для мира.

«Результатом роста самосознания науки явилось не только зарождение этики науки и различных движений ученых всего мира за разоружение, но и организация в научной среде этических комиссий и комитетов, так называемых общественных трибуналов по этике и ответственности в науке, цель которых — обсуждение и осуждение нарушений этических принципов в той или иной области научного исследования, особенно в области генетики и психологии» — пишет М. Г. Лазар [3]. К сожалению, мы должны признать, что подобные комитеты, этические комиссии не состояниии сформировать в сознании ученых определенную систему гуманистических ценностей. «Да, науке внутренне присущи важные этические ценности, но не следует ожидать, что они смогут дать нам адекватную социальную этику или снабдить мотивацией для этического выбора в другой, личной сфере» — писал И. Барбур[1, с. 36—37]. Отсюда возникает вопрос — возможно ли эффективное использование моральных запретов для коррекции научного творчества? И если да, то, каким образом?

Выводы: Полного и эффективного синтеза науки и морали не удастся достичь никогда. Но это не означает, что не надо предпринимать никаких усилий. По нашему мнению, есть эффективный способ снижения коэффициента автономии науки, а также угроз связи с ее бесконтрольным развитием. Единственный, по-видимому, способ

разрешения данной проблемы — попытаться сформировать некий внутренний моральный цензор ученого, который позволял бы ему достичь большего самоконтроля в научных исследованиях. Речь идет, прежде всего, об ученом-естественнике. Практически это может быть достигнуто через расширение и углубление сетки гуманитарных дисциплин в модели профессиональной подготовки ученого. Нужно изменить модель образования, резко расширяя гуманитарный диапазон образовательного процесса будущего ученого (химика, биолога, физика и т. д.). Если, проучившись в высшем образовательном учреждении, ученый физик будет иметь мощное гуманитарное образование и впитывать гуманистические идеи через музыку, поэзию, литературу, философию, ему будет сложнее дистанцироваться, абстрагироваться от общечеловеческих ценностей, от морали. Если, к примеру, биолог, работающий с ДНК, с изменениями человеческой природы, будет гуманистом, в хорошем смысле этого слова, ему будет сложнее вторгаться в «святая святых», ему будет сложнее испытывать соблазн к разрушению естественного во всех смыслах этого слова в пользу искусственного. Запреты должны быть выработаны внутри, а не вовне. Если сознание человека не содержит в себе кантовский категорический моральный императив внутри, то никакие внешние Проповеди, Декларации, Манифесты, Конференции никогда не сформируют этот императив внутри сознания самого человека. Все дело в формировании личности, а формирование личности достигается, прежде всего, с помощью профессионального образования.

Литература

1. *Барбур И.* Этика в век технологии / И. Барбур. — М.: Библейско-Богословский институт св. Апостола Андрея, 2001. — 381 с.
2. *Кравец А. С.* Наука как феномен культуры / А. С. Кравец. — Воронеж, 1998. — 92 с.
3. *Лазар М. Г.* Этика науки как новое направление в социологии науки / М. Г. Лазар // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2001. — Том IV, № 3. — 153 с.
4. *Лопатин П. В.* Биоэтика / П. В. Лопатин, О. В. Карташова. — М., 2011. — 272 с.

ИДЕОЛОГИЯ И СИМВОЛИЧЕСКОЕ В КОНТЕКСТЕ ФЕНОМЕНА ВИРТУАЛИЗАЦИИ

Н.А. Гаршин, магистрант 1 курса

E-mail: garshnick@mail.ru

Научный руководитель — канд. филос. наук, доц.

Д. Г. Кукарников

Проблема виртуализации в конце XX — начале XXI века стала одной из наиболее обсуждаемых в философском дискурсе. Виртуализация вошла в самые разнообразные сферы общественной жизни: в политику и экономику, науку и искусство, проникла в семейные и межгрупповые коммуникации. Не обошла виртуализация и сферу идеологического, которая, несмотря на тесную связь с политикой, полностью политикой не исчерпывается.

Целью данной работы будет изучение изменения роли идеологии в информационном обществе, тесно связанным с феноменом виртуального, ее положения в мире, где господствует культура постмодерна. Постановка данных целей предполагает решение следующих задач: анализ связи кризиса символического и идеологического, выявление роли виртуального пространства в современной политике.

Актуальность данной проблемы состоит в том, что в эпоху постмодерна, идеология, и так находившаяся в непрестом положении из-за кризиса символического, под влиянием виртуализации окончательно теряет свои позиции, утрачивает возможность выполнять свои функции.

Обратившись к первоисточникам, мы можем найти самые разнообразные коннотации и дефиниции идеологии, однако постаравшись выделить нечто общее, структурно определяющее идеологию, мы придем к тому, что идеология есть совокупность ценностей, норм и идеалов социальной группы, социального слоя, исторической эпохи в целом, отражающая представления данного социального субъекта о должном и пути достижения должного как цели.

В своей структуре идеология имеет как когнитивные смыслы, подвергнутые той или иной оценке, так и ценности, которые, по сути своей достаточно изменчивы и не стабильны, ибо принимаются обществом конвенционально. Однако идеология, для выполнения своих основных функций — мобилизации людских масс, убеждению их принять те или иные ценности — использует символы, которые из-за засилья постмодерна переживают кризис и заменяются симулякрами. Сравним символ и симулякр. Символ, согласно философскому словарю — «СИМВОЛ (от греч. σύμβολον — знак, сигнал, признак, примета, залог, пароль, эмблема) — 1) синоним понятия «знак» (напр., в лингвистике, информатике, логике, математике); 2) знак, предметное значение которого обнаруживается только бесконечной интерпретацией самого знака. <...> В отличие от образа символ не самодостаточно и «служит» своему денотату (предмету), требуя не только переживания, но также проникновения и толкования» [3, с. 495]. Из этого определения следует, что символ тесно связан с бытием, с денотатом, и, таким образом, отражает и несет в себе истину, или как минимум, стремится это сделать. Символ всегда стремится через себя открыть нам подлинность бытия в некоей более доступной нам форме.

У симулякра такой функции нет. Как отмечает Ж. Бодрийар в своем труде «Символический обмен и смерть»: «Симулякр — это истина, скрывающая, что ее нет. Более чем «миф», «видимость», «подобие». Это не просто вырожденная копия, в нем кроется позитивная сила, которая отрицает и оригинал, и копию, и модель, и репродукцию.» [1, с. 37]. Симулякр, в отличие от символа, не только не приближает нас к подлинному бытию, он стремится, наоборот, как можно сильнее одурманить нас, заполнить социальную реальность и бытие человека избыточным количеством означающего, без всяких отсылок к означаемому. Это характеризует саму суть культуры постмодерна. Можно сказать, что культура и символ через симулякр становятся отчужденными от человека, что они отрицают его, отсюда и мотивы антропологии XX—XXI вв.: заброшенность, неуместность, бессмысленность существования. Идеология как феномен культуры, основанный на символах и существующий в рамках символического пространства, также становится отчужденной от человека. Дело в том, что идеологи и политики имеют смысл,

лишь в случае если им верят, если они легитимны. А в ситуации постмодерна, политика, экономика, искусство — все это в большей или меньшей степени превращено в некое реалити-шоу: мелькают лица на экранах, произносятся умные слова, которые тут же опровергаются другими, но народ никому не верит, а просто смотрит на это как на некий бесконечный сериал. В этом всеобщем смещении заключена большая проблема и опасность, поскольку шоу всегда выдуманы, всегда не подлинны, а от деятельности политиков и экономистов зависит благополучие страны и ее граждан. Как пишет Д.И. Иванов, описывая особенности виртуализации политики и изменение идеологии: «Собственно политический процесс покинул заседания партийных и правительственных комитетов, составляющих программы реформ, распределяющих функции и контролирующих их выполнение. Покинул он и межфракционные переговоры, и партийные митинги. Политика ныне творится в PR-агентствах, в телестудиях и на концертных площадках. Управление и политика в конце XX в. разошлись точно так же, как разошлись производство и экономика. Следствием становится изменение характера политического режима — массовой демократии. В ходе выборов больше не происходит сколько-нибудь существенная смена чиновников-экспертов, которые осуществляют рутинную работу по управлению в «коридорах власти» » [2, с. 37].

Подобное происходит и с ценностными ориентациями граждан. Утратив веру в нарративы, в идеологов, массы потеряли ориентацию в социальном пространстве. В новом, постмодерническом мире, как отмечает Бодриар: «Пропаганда и реклама сливаются в едином процессе маркетинга и мерчандайзинга вещей и идей, овладевающих массами» [1, с. 138]. Не желая верить ни рекламе ни пропаганде, люди замыкаются в себе, но, если для интеллектуальной элиты имеющей мощный культурный бэкграунд или базис, подобная ситуация менее болезненна, то малообразованные массы теряют себя среди наплыва знаков, информации, кодов. При этом, с учетом виртуализации, человек, в обычной жизни замыкаясь внутри себя, приходит к множественности масок: для работы, для себя, для семьи для интернета. В итоге, сам человек становится ничем большим, чем просто знак. Стоит отметить, что упоение вседозволенностью, разрушение сферы

должного на первых порах увлекает массы своим гедонистическим настроением, отсутствием довлеющих норм, сладостью анонимности виртуального, однако потом наступает ужас, ибо человек не знает, куда и зачем ему идти, кому и во что верить. Все не подлинно и ложно, все есть одна сплошная симуляция, и человек, не зная, куда себя деть, «пускается во все тяжкие грехи» или вступает в секты. В лучшем случае он или просто работает, не обращая внимания на происходящее вокруг него, стоически терпя, или идет в обычную церковь, способную дать ему некую понятную систему ценностей. Однако это тоже опасно, как мы видим на примере исламизации европейского населения, основания ИГИЛ, и так далее.

Идеология, же в таких условиях становится не способной мобилизовать людей, направлять их деятельность в нужное русло. Это связано с тем, что все символы, обратившись в симулякры и утратив связь с подлинной реальностью, по сути дела, превратив саму реальность в знак, не способны больше выполнять роль несущей конструкции идеологического. Идеология в таком контексте теряет еще одну свою функцию — мобилизовать и мотивировать людей (первая, напомним, — функция оценивания и создания иерархии ценностей), а это две ее основные функции. Идеология в условиях засилья постмодерна и потери своей социокультурной ниши, утрачивает и свою уникальность, становясь, по замечанию Бодриера, в один ряд с рекламой и пропагандой. Перестав выполнять свои функции, в связи с крушением символического оставшись без своей опоры, идеология на нынешнем этапе развития культуры стоит на краю пропасти — таков основной этап исследования связи идеологического и символического в контексте виртуализации социального.

Литература

1. Бодриер Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодриер. — М. : Добросвет, 2015. — 138с.

2. Иванов Д. В. Виртуализация общества. Версия 2.0 / Д. В. Иванов // СПб. : Петербургское востоковедение, 2000. — 224 с.

3. Словарь философских терминов / под ред. В. Г. Кузнецова. — М. : ИНФРА-М, 2010. — 731 с.

ЧЕЛОВЕК И КОММУНИКАЦИЯ, В СВЕТЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

В. Г. Кравчук, магистрант 1 курса
kravchuk8888888@mail.ru

Научный руководитель — канд. филос. наук, доц. Д.Г. Кукарников

Жизнь человеческого сообщества сегодня все больше и больше зависит от информации. Ее потоки буквально затапливают нас, оставляя анклавов, спасающие людей от полного погружения в глобальное коммуницирующее целое, не знающее идентичности. Такими анклавами для нас становятся наши собственные сознания.

Социум погружается в постоянно изменяющийся информационный мир, отчуждая в знаках все, что тормозит коммуникацию: религию, мораль, ценности, он трансформируется в информационное общество, указывающее каждому человеку его место в коммуникации. В свою очередь, люди занимают эти места, причем добровольно, так как взамен им предлагается новый притягательный способ жизни — комфорт. Как пишет Г. Маркузе: «В обмен на удобства, наполняющие их жизнь, индивиды продают не только свой труд, но и свое свободное время. Улучшенные условия жизни — компенсация за всепроникающий контроль над ней» [5, с. 91].

Комфорт не обязывает ни к чему, не несет в себе запрета, либо одобрения, он есть выход из любого положения, так как он может быть найден при любых обстоятельствах. Не удивительно, что: «Маркузе поддерживает фрейдовскую мысль о том, что комфорт, то есть независимость от природной необходимости испытывать холод, голод, страдания, для их современника оказывается предпочтительнее индивидуальной, внутренней свободы» [1, с. 74].

Человек, устремленный к комфорту, по сути, ищет не «что», а «как», он ищет такой способ существования, который позволил бы оправдать его бытие вне зависимости от условий, преподносимых ему на жизненном пути, но при этом он не пытается отыскать свое истинное бытие, индивид реагирует на изменения, но не создает ситуаций.

Так как коммуникация образуется информацией, которую, в свою очередь, «возможно толковать, по существу, как отрицание ее энтропии и как отрицательный логарифм ее вероятности», то сознание человека нашего времени все чаще и чаще сталкивается с реальностью через призму бесконечного ряда альтернативных возможностей, а не непосредственным образом, формируя для себя устоявшиеся факты [2, с. 17]. Поэтому, граждане современного общества постоянно пребывают в своеобразном конвульсивном движении, меняя свои убеждения, взгляды, идеи так быстро, что для поиска их истинного бытия не остается возможностей, поскольку им не за что уцепиться, не в чем найти опоры для осуществления саморазвития, преобразования окружающего мира нет. Здесь можно процитировать М. Хайдеггера: «само-отдача открытости вместе с самой открытостью — это, собственно, и есть бытие как оно есть» [6, с. 204]. Комфортная жизнь губительна для поиска истинного бытия, ведь в ней нет качества. Она продиктована лишь количеством, которое вносит дифференциацию относительного каждого в рамках глобальной коммуникации.

Интернет, как всеохватывающая сеть информации, становится реальным способом, позволяющим человеку избавиться от последнего тормоза на пути к комфорту — телесности. Любые потребности, количественно ограниченные в реальности, в силу своей физической природы, в Сети заменяются знаками, устраняя проблему их доступности. Если в информационном обществе человек теряет «трепет», то в Интернете он теряет «страх», ведь последствия его действия как знака не несут для него физических последствий в сетевом мире [См. 3]. Однако, если индивид пытается повлиять посредством Интернет на физический мир, в реальности он все же может быть призван к ответу за последствия своих действий, что наводит на очевидный вывод о полной ориентации людей на осуществление деятельности лишь в рамках Сети, «коммуницировать может только коммуникация и ...только в сети таких коммуникаций производится то, что мы понимаем как действие» [4, с. 1].

Очевидно, что данный процесс лишь усиливает возможности глобальной коммуникации, при этом, все больше отдаляя человека от своего истинного бытия, последним оплотом к осуществлению поиску которого остается лишь тело. Тело становится единственным знаком,

репрезентирующим устойчивый смысл, то есть оно становится символом, а это значит, что на основании смысла, символизируемого телом, может работать человеческое сознание, происходить экзистирование.

Литература

1. *Вершинин С. Е.* Концепция социальной деструкции Франкфуртской школы (историко-философский анализ) / С. Е. Вершинин, Г.А. Борисова. — Екатеринбург : ГОУ ВПО «Рос. гос. проф.-пед. ун-т», 2009. — 126 с.
2. *Винер Н.* Человек Управляющий / Н. Винер. — СПб. : Питер, 2001 — 288 с.
3. *Кьеркегор С.* Страх и трепет (сборник из трех произведений) / С. Кьеркегор ; пер. с дат. Н. В. Исаева, С. А. Исаев. — М. : Культурная революция, 2010. — 488 с.
4. *Луман Н.* Что такое коммуникация? / Н. Луман ; [пер. с нем. Д. В. Озирченко] // Социологический журнал. — 1995. — № 3. — С. 114—125.
5. *Маркузе Г.* Эрос и цивилизация. Одномерный человек : исследование идеологии развитого индустриального общества / Г. Маркузе. — М. : АСТ, 2003. — 526 с.
6. *Хайдеггер М.* Время и бытие : статьи и выступления / М. Хайдеггер ; [пер. с нем. В. Бибихина]. — М. : Республика, 1993. — 447 с.

ТРАНСЦЕНДЕНТНОЕ В РОМАНЕ РОБЕРТА МУЗИЛЯ «ЧЕЛОВЕК БЕЗ СВОЙСТВ»

А. С. Пономарева, магистрант 1 курса

As-ponomareva@yandex.ru

Научный руководитель — д-р филос. наук, проф. А. С. Кравец

Акты трансценденции на протяжении многих веков находили свое художественное воплощение преимущественно в религиозной литературе. Таким образом, светская литература была долгое время

© Пономарева А. С., 2016

лишена прерогативы изображать этот бытийный уровень, а когда наконец она получила такое право, выяснилось, что на самом деле ее возможности по изображению трансцендентного весьма ограничены. Эта дисфункция вылилась в немногие попытки описать потустороннее в качестве объективно существующего мира, населенного разными фантастическими существами и воспринимаемого главным героем как своеобразное испытание и/или вознаграждение в зависимости от того, какую логику развития выбрал для его сюжетной линии автор.

Очевидно, что дать видение трансценденции, основанной на философском базисе, без включения в нее фантастических элементов, мог лишь писатель, долгое время осмысливающий способы человеческого существования и в конечном итоге решивший построить вокруг вопроса о трансцендентном все здание своего экспериментального романа. Блокнотные записи Музиля содержат указание на смыслообразующий центр романа, феномен «иногостояния», которое притягательно для его главных героев возможностью выйти за пределы социальной системы, построить утопию собственного, истинного, бытия. Как минимум трижды Музиль дарует своим персонажам возможность выйти за рамки посюстороннего.

Первый, и самый последовательный, переход совершается в сюжетной линии Моосбругера. Здесь механизм трансцендирования подготовлен, если так можно выразиться, долгим и интенсивным переживанием чувства абсурда, вызванного разрывом между самоощущением персонажа и внешними условиями его существования.

Экстатическое переживание, каким его представляет Музиль, противоположно акту разделения мира и его последующей трактовке в терминах ограничения и определения. На языке художественной условности категориальная сетка, которую человек «набрасывает» на мир, получает наименование «резинок», или «тесемок». Нарушение субъект-объектных отношений описывается следующим образом: «Позади каждой вещи или твари, когда она хочет вплотную приблизиться к другой, есть резинка, которая натягивается. А то бы вещи стали проходить друг через друга. И в каждом движении есть резинка, мешающая человеку сделать целиком то, что ему хочется. И вот этих резинок не стало. Или не стало только стесняющего чувства как бы от резинок?» [1, с. 485]. Для Моосбругера больше

не существует дуализма «Я» и внешнего мира, в своей камере он переживает экстаз, природа которого наиболее близка плотиновскому экстазу опрощения, когда «Я» сливается с сущим в некое общее «одно» и не перерастает первичной трансценденции.

Вот каким образом сам основатель неоплатонизма описывает экстаз опрощения: «...В такой созерцании есть налицо созерцающий и созерцаемое, две стороны, а не одна, однако, как ни смело это покажется, но можно сказать, что созерцатель тут, собственно, не созерцает, ибо сам становится тем, что есть созерцаемое. Он не усматривает, не различает, не воображает никакого двойства, став совсем иным, перестав быть тем, чем был, ничего не сохранив от прежнего себя. Поглощенный созерцаемым, он становится едино с ним...» [2, с. 368]. И этим интуициям вторит Музиль, когда характеризует «снятие двойства»: «Стол был Моосбругером. Стул был Моосбругером. Окно с решеткой и запертая дверь были им самим», «Он просто был внутри и снаружи» [1, с. 485].

Если говорить об аффектах, сопровождающих данное состояние, то стандартный перечень характеристик опять-таки восходит к Плотину: это прилив сил, жажда единения, напряжение духа и, наконец, полнейшее успокоение. В главе «Моосбругер пляшет» экстатическое переживание описывается как беззвучный танец, происходящий под музыку, которая переходит в самоуглубление и сон. Способность переживать «иное состояние» у героя проявляется ввиду некой особой экзистенциальной предрасположенности, которая изначально лишена всякого контроля со стороны разума. В то же время этот экстаз не выводит за пределы сущего, абсурдная реальность вновь властно заявляет о себе.

Вокруг поисков «иного состояния» строится линия другого персонажа, человека «без свойств» Ульриха. Впервые герой встречается с трансцендентным, которое не опознается им, в возрасте двадцати лет, и этот выход на иной онтологический уровень связан с любовью к «госпоже майорше», жене воинского начальника. Любовная болезнь трактуется тут как «мягкое падение покровов с мира, его нежное самообнажение» [1, с. 148]. Констатируя перемены в своем отношении к миру, Ульриху приходится признать и перемены, произошедшие в нем самом. Фигура майорши и их скоротечный

роман представляют собой только бледные декорации, важным является то, что Ульрих внезапно открыл в себе возможность жить ради великой любви. Этот экзистенциальный прорыв совершился вне зависимости от его желания, и его главное значение, по-видимому, состояло в обнаружении Ульрихом нового облика жизни.

Искушение трансцендентным заставляет героев искать все новые экзистенциальные возможности. Во втором томе «Человека без свойств» эксперименту трансцендирования отводится особое место. На похоронах отца Ульрих встречает свою сестру, жизнью которой он до некоторых пор не интересовался. Обнаружив свое внешнее и внутреннее сходство с ней, он видит в этой запретной нарциссической любви возможность экстатического переживания. Последняя вышедшая при жизни Роберта Музиля глава, «Дыхание летнего дня», показывает стремление героев остановить мгновение экстаза. Рассматривая этот эпизод как логически выверенную часть целого, читатель в конечном итоге выводит крах «иного состояния» и возвращение к формам социальной жизни.

Попытки Ульриха конституировать «иное состояние» обречены на провал прежде всего потому, что трансцендентное нельзя вызвать к жизни путем рационального теоретизирования. Здесь проявляет себя философская мысль о том, что трансцендентное представляет собой самостоятельное начало, не нуждающееся в человеческих попытках его присвоить.

Подводя итоги, заметим, что тема трансцендентного может и должна получить освещение в светской художественной литературе. Успешную попытку представить трансцендентное предпринял в своем романе Роберт Музиль, чье видение этого онтологического уровня приближено к философскому пониманию. В первую очередь значимость этого эксперимента для нас состоит в музильевском понимании того, что трансцендентное не представляет собой некую дверь, через которую мы можем вступить в иной мир. Трансцендентное дает возможность жить по-иному в наличном мире. Потом, согласно Музилю, каждое переживание «иного состояния» мимолетно, что также отражает взаимопереход двух уровней бытия. Наконец, погоня за трансцендентным оборачивается неудачей и ведет только к возникновению оторванных от реальности мысленных

допущений. Настоящее экстатическое переживание, показывает автор, имеет внерациональный исток. Эти философские интуиции пронизывают музильевское видение трансцендентного и позволяют считать эксперимент по представлению философского видения трансцендентного уровня в светской литературе состоявшимся.

Литература

1. *Музиль Р.* Человек без свойств / Р. Музиль ; [пер. с нем. С. Апт]. — Т. 1. — СПб. : Амфора, 2013. — 831 с.
2. *Плотин.* Эннеады : пер. с древнегреч. и англ. / Плотин ; сост. и ответ. ред. С. И. Еремеев. — Киев : УЦИИМ-ПРЕСС, 1995. — 390 с.

ОДИНОЧЕСТВО В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ИЛИ РИСКИ?

В. В. Алешина, магистрант 1 курса
aleshina09@gmail.ru

Научный руководитель — д-р филос. наук, проф. Е. Н. Ищенко

Проблема одиночества существовала во все времена и по сей день она не утратила своей актуальности. Более того, эта проблема в современном мире достигает глобальных масштабов и затрагивает самые разные слои населения. Современный образ жизни, характеризующийся динамичными социальными модификациями, заставляет «мутировать» вместе с тем и социальные проблемы [1]. Изменилась ли в современном контексте проблема одиночества? Ее суть осталась без перемен, а вот форма, через которую она раскрывается, теперь стала иной. Раз форма одиночества изменилась, то есть ли необходимость говорить о нем как о проблеме?

Чтобы проследить, в чем же заключается «преображение» проблемы одиночества в современном мире, необходимо начать с самого понятия одиночества, с его сути. В данном случае наилуч-

шим образом подходит раскрытие понятия одиночества немецким философом XIX века Артуром Шопенгауэром.

Для Шопенгауэра состояние одиночества расценивается как истинное благо, потому что только оно способно дать человеку свободу. «Кто не любит одиночества, не любит и свободы» [3, с. 223]. Человек-одиночка перестает ощущать зависимость от окружающих людей и наслаждается обществом самого себя. «Одиночество — свое собственное общество» [3].

Еще один безусловный плюс, который Шопенгауэр находит в состоянии одиночества, это возможность быть самим собой. «В одиночестве каждый видит в себе то, что он есть на самом деле» [3]. Когда человек находится сам с собой наедине, ему не нужно ни на кого производить впечатление и играть какую-то роль, он может не думать о том, что о нем скажут в обществе. В этом можно найти определенного рода комфорт и удовольствие. Размышляя над природой одиночества, Шопенгауэр отталкивается оттого, что субъективность всегда предпочтительнее объективного, т.е. то, что содержится внутри самого человека намного важнее того, что приходит к нему извне. Внешние обстоятельства лишь косвенно влияют на человека, они переменчивы, а вот от своего внутреннего мира человеку некуда сбежать. «Проще говоря, человек так и не может вылезти из своего сознания, как из своей шкуры, и непосредственно живет только в нем; потому-то так трудно помочь ему извне» [3, с. 13]. Шопенгауэр видит в этом свою прелесть. Он считает, что главное условие человеческого счастья — это наша личность. Свою позицию он аргументирует тем, что личность — это то, что сохраняется у нас при любых обстоятельствах, и никто у нас не может ее отнять.

Такой ход мысли приводит Шопенгауэра к тому, что одиночество — это удел личности, причем высокоинтеллектуальной и благородной. Единственное, что может пошатнуть положительное мнение об одиночестве — это скука. Однако Шопенгауэр делает акцент на том, что умному человеку никогда не будет скучно наедине с собой, он всегда найдет себе занятие. «Умный в одиночестве найдет отличное развлечение, а смена собеседников и спектаклей не уберезет глупца от скуки» [3, с. 18].

Таким образом, размышления об одиночестве приводят нас к антисоциальности. Если человеку хорошо с самим собой, то зачем

ему нужны остальные люди? В обществе одиночество расценивается как проблема и внушает людям страх, но стоит ли его бояться? «Общительность людей основана не на любви к обществу, а на страхе перед одиночеством» [3, с. 380].

В современном обществе проблема одиночества имеет место быть, но нужно ли ее расценивать как проблему? Может, современное общество подобно Шопенгауэру видит в одиночестве благо? В современном социуме с каждым днем все сильнее нарастает разобщенность людей — это видно невооруженным глазом. Каждый из нас старается всеми способами отгородиться от остальных. В этом людям помогают развивающиеся технологии [2]. Сейчас компьютер с выходом в интернет есть у каждого в доме, мало того, у большинства есть возможность выйти во всемирную сеть вне дома через беспроводное устройство. Человек, таким образом, не воспринимает остальных людей, следовательно, коммуникация в обществе снижается. И вот мы получили индивида, который находится в социуме, но при этом одинок и вполне доволен этим своим состоянием.

Очевидно, что страха перед одиночеством у современного человека не наблюдается, более того, он сам ищет уединения, он сам пресекает любую коммуникацию с остальными людьми и предпочитает проводить время один.

Современные технологии позволили приблизиться к тому, о чем так настойчиво говорил нам Шопенгауэр. Одиночество перестало быть чем-то угнетающим, оно стало расцениваться как благо. Современному человеку предпочтительнее остаться дома и провести вечер в блуждании по интернету, чем сходить в парк со своими друзьями. Даже если он и встретится с друзьями, все равно его внимание будет приковано к экрану телефона, нежели к собеседнику. Также современному человеку удобнее поговорить с собеседником не лично, а через все ту же электронную сеть, потому что он сможет высказывать свои мысли анонимно, а следовательно, может не играть какую-то роль, не думать о том, какое впечатление он производит на других людей. В этом интернет-пространстве он может быть самим собой.

Стоит подчеркнуть, что информационные технологии снижают уровень коммуникации между людьми, но здесь подразумева-

ется личное общение. Люди продолжают общаться, но общение это происходит в виртуальном пространстве. С одной стороны, это дает большие преимущества. Стало возможным общаться с человеком, который находится далеко за океаном, есть возможность не только услышать, но и увидеть его в реальном времени. Но с другой стороны общение в виртуальном пространстве может вытеснить личное общение. Некоторые люди не видят смысла приходить на встречу тет-а-тет, когда есть возможность поговорить, не выходя из дома. Да, это бесспорное преимущество, но комфортно ли людям общаться в таких условиях постоянно? Одно дело, если мы говорим о вынужденной временной коммуникации через интернет (например, если человек уехал в командировку и хочет пообщаться с семьей) и совершенно другое положение дел, если для человека исключительно виртуальный вид коммуникации является приемлемым, и никакой больше.

Проанализировав современный социум, мы пришли к тому, что сейчас в обществе процветает то самое одиночество, которое так восхвалял Шопенгауэр. Но осталась непроверенной одна деталь — являются ли современные социальные одиночки благородными и высокоинтеллектуальными личностями? Современные технологии, в частности интернет, отдаляют людей друг от друга. Всемирные сети могут нам дать в миллионы раз больше информации, чем собеседник, знания которого являются ограниченными. Но вырос ли морально человек до такого уровня, чтобы грамотно пользоваться этой информацией?

Чтобы ответить себе на этот вопрос, вернемся к Шопенгауэру. Человек становится высокоинтеллектуальной, умной и благородной личностью лишь постольку, поскольку сам наполняет себя знаниями и развивается без помощи остальных людей. Применительно к современному человеку в его тесном союзе с информационными технологиями, трудно ответить, развивается он в своем одиночестве или деградирует. Интернет дает нам абсолютную информационную свободу. Поэтому, перед человеком встает проблема выбора — на что ему обратить внимание в первую очередь, когда абсолютно любая информация доступна для него. Этот выбор определяет траекторию развития человека. Таким образом, если выбор будет сделан верно, мы получим разобщенный социум, в котором каждый индивид — это почти гений, либо мы придем к обществу, в котором упадок интеллектуальности достиг

своего пика. Человек сам волен выбирать, что ему делать в интернете — впитывать научную информацию или смотреть развлекательное шоу. Таким образом, всемирная сеть дарит человеку свободу и одновременно наделяет его ответственностью за свой выбор.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что одиночество в современном обществе имеет место быть, но оно уже не воспринимается как проблема. Человек в своем стремлении к одиночеству приходит к ответственности за свой выбор. Ответ за свой выбор он держит перед социумом, т.к. от него зависит, каким он будет — высокоразвитым или отсталым.

Литература

1. *Корющенко-Ермолаева Н. С.* Одиночество и формы отчуждения человека в современном мире // Н. С. Корющенко-Ермолаева, Вестник Томского государственного университета. — 2010. — № 332. — С. 40—43.

2. *Рогова Е. Е.* Одиночество в условиях социальной трансформации современного общества (концептуальный анализ) / Е. Е. Рогова // Теория и практика общественного развития. — 2009. — № 3—4. — С. 68—77.

3. *Шопенгауэр А.* Афоризмы житейской мудрости / А. Шопенгауэр. — М., 2011. — 384 с.

К ВОПРОСУ О РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИХ ОСНОВАНИЯХ РЕНЕССАНСНОГО АНТРОПОЦЕНТРИЗМА

**А. Ю. Соколова, студентка 2 курса
asokolova783@gmail.com**

**Научный руководитель — канд. филос. наук, преп.
С. С. Православский**

Удивительно, как резко и в то же время незаметно, плавно, меняются парадигмы. Человечество порой меняет точки зрения

на мир, на различные категории, а в том числе и на самого себя с парадоксальной противоположностью. Так произошло и в эпоху Раннего Возрождения, когда центральное место бога занял так долго благоговевший перед ним человек. Это явление смещения человека в центр мироздания именуется антропоцентризмом. Парадоксальным фактом возникновения антропоцентризма, на мой взгляд, является зарождение его именно в лоне христианства, которое он впоследствии и будет критиковать.

Согласно представлениям христиан, человек считался высшим и наиболее совершенным из божественных творений, образом и подобием Бога, что и дало ему основания возвыситься и над остальными «тварями божьими». А затем и вовсе перейти дозволенную черту — покуситься на звание Бога, творца.

Христианство, открывая человеку его свободный творческий дух, будто змей искуситель из Эдемского сада, протягивает человеку тот самый запретный плод, получив который человек осознает свою свободу воли, избавляется от предзаданности и предопределенности судьбы — теперь он сам ее творец. Именно эта интуиция, как я думаю, и приходит в эпоху ренессанса на смену средневековому теоцентризму, и путем развития мысли, воцаряется антропоцентризм, порождая фундаментальные философские концепции, где уже человек, благодаря своей мыслительной деятельности, становится творцом. «Антропоцентризм выступает в качестве мировоззренческой основы для развертывания картезианского *cogito*, пантеизма Спинозы, монадологии Лейбница, трансцендентального субъекта Канта метафизических систем «абсолютного Я» Фихте, тождества субъекта и объекта Шеллинга, бытия и мышления Гегеля», пишет в своей работе «Ренессансные основания антропоцентризма» К. А. Сергеев [1]. Теперь Бог если не отрицается, то уходит на второй план, уступая главенствующее место человеку — творцу.

И действительно, все факторы, явления, окружающие человека, в той или иной мере, указывают ему на его обособленность как некоего совершенного вида. Для него невозможно было бы творить, развиваться и осуществлять себя в том мире, где он не являлся бы вершиной творения, идеальным существом. В противном случае, этот мир перестает быть для человека «своим», внутри

такого мира ему становится тесно, в нем он чувствует себя чужим и бессмысленным. Подобные настроения можно было наблюдать в период позднего эллинизма, что способствовало актуализации христианства, а также в эпоху раннего Ренессанса. Особенно ярко идея «человека как средоточия вселенной» раскрыта в «Платоновской теологии» Марсилио Фичино.

На базисе этой смены парадигм возникает не менее важный переворот в системе представления о вселенной и мироздании, осуществленный Джордано Бруно. Его революционное предположение, о том, что Вселенная не имеет границ, открыло горизонты для восприятия материи космоса как самодвижущейся. Это в свою очередь повлекло за собой отход на второй план Бога как перводвигателя, поскольку движение теперь осуществляется и без него.

На ставшее вакантным место вседержителя человек ставит себя, чувствуя свою власть во Вселенной, стремясь ее преобразовывать. В результате такой антропологизации стирается восприятие мира как божественной гармонии, и на смену вере приходит разум, воцаряется рациональное мышление. Мифы и теологические спекуляции сменяются научными трактатами и размышлениями, которые теперь необходимо подкреплять эмпирическими экспериментами.

Рассмотрев феномен антропоцентризма и его обусловленность, перед нами может возникнуть вполне ожидаемый вопрос морального характера: имеет ли человек право покушаться на звание Бога?

Если рассматривать Бога лишь как предмет человеческого воображения, то было бы в принципе абсурдным задаваться таким вопросом, ибо как можно считать себя ниже плода своей фантазии. Но если рассмотреть Бога с позиции морально нравственного идеаладанное притязание человека может предстать весьма неправомерным.

Феномен теомахии актуализирует выражение Протагора о «человеке как мере всех вещей», ставшее крылатым. Замаскированный под гуманизм антропоцентризм Ренессанса можно рассматривать с двух сторон: как воспевающий свободу и достоинство человека, так и с позиции амморализмаи мифологии призрачного человеческого могущества. Антропоцентризм, в отличие от гуманизма, ставит человека не в центр ценностей, но в центр самого бытия. Отсюда следует,

что Вселенная создана исключительно для человека, вокруг которого все вращается. Интересно также проанализировать суть антропоцентризма с психологической точки зрения. Фрейд трактует это как «видовой нарциссизм». Однако с позиции рационального мышления эту интуицию сложно принять. Где те основания, на которых человек присваивает себе столь привилегированный статус? Ответ на этот вопрос не может дать ни религия, в рамках которой антропоцентризм и зародился, как уже было отмечено выше, ни даже критицизм, основанный на антропоцентризме гносеологического толка.

Попыткой вернуть человека в центр мироздания, откуда его вытеснил научный прогресс, я так же считаю «коперниканский переворот» Иммануила Канта. Он, посредством свободной воли, представил человека в качестве конечной цели творения. «Что такое человек?» — вот центральный вопрос философии, к которому сводятся все остальные, по мнению Канта.

Рассуждал на эту тему и Фрейд. В «Опытах прикладного психоанализа» он выделяет три нарциссические травмы, нанесенные человеку научным прогрессом: «коперниканская революция, т. е. подлинная революция, совершенная Коперником, в результате которой человек оказался изгнан из центра Вселенной (космологическое унижение); эволюционизм Дарвина, указавший человеку на его место в животном царстве (биологическое унижение); наконец, сам психоанализ, доказавший, что «мое "я" не является хозяином в собственном доме» (психологическое унижение)». Это доказывает тот факт, что научный прогресс определенно выступал против антропоцентризма.

Реакцией на это последовало то, что антропологический нарциссизм стал укореняться в разнообразных нишах, подыскивая себе альтернативные виды существования в области философии (Кант, Гуссерль), в области науки (антропогенный принцип), в психоанализе. Интуиции о том, что «Я» человека не властно над самим собой, наличие «второго я» — бесконтрольного, порой, подсознания дали человеку основания полагать, что в нем содержится таинственная глубина и сложность, бездна смыслов и не распутанных переживаний, наложивших свой отпечаток в далеком прошлом. Психоанализ из нарциссической травмы трансформируется в нарциссическое утешение, еще более самовлюбленное,

чем прочие. Однако, этот, пусть и утрированный, интерес к себе имеет порой своим результатом излечение.

Таким образом, проанализировав все вышесказанное можно отметить, что феномен антропоцентризма являет собой как положительное влияние, так и элементы негативного. Но тем не менее, это мировоззрение породило немало выдающихся и актуальных на сегодняшний день теорий.

Литература

1. Ренессансные основания антропоцентризма / К. А. Сергеев ; Санкт-Петербург. гос. ун-т. — СПб. : Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 1993. — 258 с.

2. Дж. Бруно и герметическая традиция / Ф. А. Йейтс ; пер. Г. Дашевского. — М. : Новое литературное обозрение, 2000. — 585 с.

3. Философский словарь / А. Конт-Спонвиль ; пер. с фр. Е. В. Головиной. — М. : Этерна, 2012, — 1120 с.

4. *Фрейд З.* Введение в психоанализ : лекции / З. Фрейд; пер. с нем. Г. В. Барышниковой ; под ред. Е. Е. Соколовой и Т. В. Родионовой. — СПб. : Азбука : Азбука-Аттикус, 2013. — 280 с.

ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В СОВЕТСКОЙ ФИЛОСОФИИ М.К. МАМАРДАШВИЛИ

В. В. Альвовская, магистрант 1 курса

E-mail: alvovskaia.vict@yandex.ru

Научный руководитель — д-р. филос. наук, проф. Е.Н. Ищенко

Среди исследователей отечественной философии до сих пор идут споры о самом существовании такого феномена как «советская философия». Некоторые признают такое явление, и не ставят под сомнение факт существования советской философии как самобытные и уникальное явление. Другие же (С.С. Хоружий), наоборот, утвер-

ждают, что «С высылкой (события 1922 года) кончилась философия в России; и то, что с тех пор у нас называлось этим именем, в действительности лишь одна из служб тоталитарной машины» [1, с. 337]. Но нельзя забывать слова Гегеля о том, что философия — дочь своей эпохи, и так как мы признаем, что была советская эпоха, то почему мы должны отрицать факт бытия советской философии?

Целью данной работы будет изучение отличительных черт в философии М.К. Мамардашвили от догматической философской традиции советского периода.

Постановка данных целей предполагает решение следующих задач: рассмотрение феномена советской философии, выявление причин появления новых подходов в способе философствования учёных 60-х годов, анализ философских взглядов М.К. Мамардашвили, его диалог с французскими философами.

Актуальность данной проблемы состоит в том, что в философии М.К. Мамардашвили можно проследить характерный для отечественной и мировой философской мысли антропологический поворот, особенно заметный с 60-х годов XX века, — объяснение всего и вся с позиций человека, а также увидеть те инновации, которые зарождались в философской мысли Советского Союза, подрывающие догматические устои и закостенелость науки этого периода.

Отечественная философия советского периода весьма противоречивое и сложное явление. Возможно, из-за того, что формировалась под влиянием нескольких основополагающих линий, иногда противоречащих друг другу. Первая из них — это явление марксизма, который был перенят с западного опыта. Вторая — это та философская традиция, которая уже существовала в дореволюционной России, весьма своеобразная и самобытная. Явление марксизма же содержит в себе весьма интересную особенность, он может трансформироваться, при этом сохраняя свою основную сущность. Так и произошло в советской России. Нельзя отрицать того факта, что советский вариант марксизма по своей сущности был весьма догматичен. Возможно, истоки этого нужно усматривать в духовной традиции, существовавшей в России до кардинальных изменений. Это во многом объясняет специфическую религиозную модель философствования, которая склоняется к жестко-догматическим, детерминированным методам.

Но нельзя сказать, что утверждение догм не сопровождалось противостоянием. Именно на этой почве формируются философские изыскания учёных 50—60-х гг.

Системные кризисы 60—80-х гг. вызвали изменения в способе философствования. В этот период появляются учёные и философы, которые предлагают свой — альтернативный марксизму подход. Ослабление партийно-государственного контроля в указанный период (1960—1980-е гг.) во многом способствовало развитию философской мысли, и устранения пафосных положений догматичного марксизма, которые стали казаться нелепыми.

Мераб Константинович Мамардашвили относится как раз к таким философам, разрушающих догматизм советской философии. Для этого пришлось отказаться от общепринятого философского языка, ввести ряд ключевых понятий, создать метафоричность мысли. Главным деятелем его социальной философии становится философ, способный благодаря мыслительному усилию к преобразованию не только самого себя, но и окружающей его действительности. Постоянное держание различных событий, процессов, явлений, самого себя в поле мыслительного усилия позволяет человеку «прикоснуться к бессмертию», создать ситуацию жизни после смерти, почувствовать свободу собственного существования. Личное самостроение и саморазвитие невозможны без свободы социальной и политической, и наоборот, гражданское общество и демократия невозможны без актов личного самостроения и саморазвития. Мераб Мамардашвили всегда возвращается к идее необходимости постоянных усилий по изменению самого себя, «держания» самого себя в ситуации свободы.

Сам стиль философствования М. К. Мамардашвили настолько своеобразен, что требует отдельной темы для рассмотрения. Философ как бы вьет паутинку мысли, создает пространство для этой формирования и бытия этой мысли, которые заранее предполагает наличие Другого, диалога и «впадение» в состояние мысли. Некая оппозиционность философского кредо Мераба Мамардашвили по отношению к общепринятым нормам и социально-политическому строю в СССР во многом обостряла и обостряет интерес к творчеству мыслителя.

Мамардашвили начал одним из первых свою полемику с экзистенциализмом и с французским марксизмом. Можно даже сказать, что он был проводником в 1950-е и 1960-е годы советской философии за рубеж, ведь редко кому удавалось туда попасть, а Мераб Константинович служивший тогда в журнале «Проблемы мира и социализма» Праге, имел командировки в Париж, где как раз познакомился и встречался с Сартром и Альтюссером, с которыми вел полемику не только устную, но и письменную.

Весьма интересна работа Мамардашвили «Категория социального бытия и метод его анализа в экзистенциализме Сартра». Это статья является критикой статьи Ж.-П. Сартра «Критика диалектического разума», где Сартр основывается на основных положениях учения К. Маркса о материализме. Сартр разрабатывает оригинальную концепцию общества и человека. В своей статье Ж.-П. Сартр говорит о том, что вся сфера индивидуальных человеческих отношений рождается из материальных условий. Все творчество, деятельность, общение, кооперация это «внеисторические» и «внечеловеческие» структуры. Человек всегда пассивная жертва того самого материализма, который исходит из самого человека, его индивидуальных, психологических действий. В центре анализа Мамардашвили была теория личности и отчуждения, которая отвергла концепцию Сартра природы, материи как чуждого и враждебного в общественно-исторической жизни. «Беря за отправную точку феноменологический анализ, Сартр видит в манифестациях социальной «материи (т.е. того факта, что в обществе существуют силы и отношения, независимые от индивидов и их сознания) только сверхчеловеческую и мистическую силу, которая околдовывает людей и их отношения, сплетая их вместе с нитью фактической (настоящей) истории»[2, с. 159]. Нельзя сказать, что Мамардашвили не понял замысла Сартра, который видимо попытался соединить марксизм и экзистенциализм, но Мамардашвили критикует Сартра за извращенное понимание Маркса. Но критика самого экзистенциализма уже не совсем уместна и похожа скорее на выхолащивание экзистенциализма и непринятие его иррациональной тематики. Да, у экзистенциализма есть своя специфическая черта, свои определенные темы, но это не исключает, что есть и рациональная, сугубо научная тематика. Наоборот, присущие черты той или иной философии как раз и отличает ее от дру-

гой. Возьмем к примеру того же Сартра, Камю, Симону де Бовуар, во Франции, и Ясперса, Хайдеггера в Германии. Они создали свою, научную основу, базу экзистенциализма, сомневаться в научности и строгости которой не приходится.

Таким образом, можно отметить, что М.К. Мамардашвили был ярким представителем философов от советской эпохи, которые в 60-е гг. пытались ввести в традиции догматического марксизма инновации, состоявшие в элементах живой философской мысли, поиска новых интересных проблем и метода их изучения, которые были актуальны не только в пределах республики, но и по всему миру.

Литература

1. Как я понимаю философию : избр. ст., докл., выступ., интервью. — Третье изд. — М. : Прогресс, 1999.

2. Категория социального бытия и метод его анализа в экзистенциализме Сартра // Современный экзистенциализм : крит. очерки. — М., 1966. — Разд. 2 : Французский экзистенциализм. — С. 149—204.

3. *Хоружий С. С.* После перерыва. Пути русской философии / С. С. Хоружий. — СПб. : Алетейя, 1994. — 448 с.

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОГО ФЕМИНИЗМА

С.В. Виноградова, студентка 1 курс
vinogradovasv13@gmail.com

Научный руководитель — канд. филос. наук, преп.

А. В. Погорельчик

Бесправие женщин в прошлом является очевидным. На протяжении практически всей истории человечества женщина являлась крайне несамостоятельной. Она была неравной мужчине, прези-

ралась. К примеру, в Древней Греции она являлась чем-то средним между женщиной и рабом, она была бесправна и предназначена только для рождения детей, а также выполняла роль прислуги. При этом практически во всех культурах существовал образ прекрасной абстрактной дамы, настолько совершенной, что ни одна другая женщина не могла стать в полной мере ее воплощением, а потому не заслуживала всего того восхищения, восторга и почитания. Получается, что существование такого, казалось бы, положительного явления в культуре, как идеализированный абстрактный женский образ, вызывающий восторг, никак не влияло на реальное положение женщин в обществе, которые все так же находились в угнетении. «Есть ли у них добродетели, должна ли женщина быть скромной, мужественной и справедливой?.. И если обоим этим существам должно быть свойственно совершенство, то почему одно из них предназначено раз и навсегда властвовать, а другое — быть в подчинении? И это отличие не может основываться на большей или меньшей степени совершенства, присущего тому и другому существу, так как сами понятия «быть в подчинении» и «властвовать» отличаются одно от другого в качественном, а не количественном отношении.» [1, с. 399]. Так Аристотель обосновывает существующее в ту эпоху положение женщин в обществе и объясняет природу отношений между женщиной и женщиной. И такой уклад жизни сохраняется на протяжении еще многих веков.

Но для человеческого общества свойственна изменчивость. Достигнув определенного этапа развития, появилось осознание того, что при существующем положении дел дальнейшее развитие будет затруднительно. Так в XVIII веке все больше внимания стало уделяться проблеме положения женщины в обществе. Фурье был убежден, что «расширение прав женщин — это главный источник социального прогресса». Таким образом новые идеи постепенно стали овладевать умами людей, подготавливая почву для появления феминизма как организованного движения за права женщин. В этот период было написано довольно много текстов, показывающих необходимость решения женского вопроса. Например, в этот период Олимпией де Гуж была написана «Декларация прав женщины и гражданки». Основная идея «Декларации» заключалась в

том, что женщина изначально рождена свободной, и поэтому имеет право быть равной мужчине. Так появляется суфражизм, который можно считать феминизмом «первой волны».

Хорошо иллюстрирует желания феминисток тех лет фраза Олимпии де Гуж: «Если женщина имеет право взойти на эшафот, то она должна иметь право подняться на трибуну». Из этого высказывания следует, что главными требованиями суфражисток являлись политические и социально-экономические права женщин. В результате движения суфражисток женщина обрела колоссальную свободу, немыслимую ранее. Это было большим шагом на пути к эмансипации женщины. Но все же, это была только первая волна феминизма. Чего же хотели женщины XX века? В 1963 году вышла в свет знаменитая книга журналистки Бетти Фридан «Загадка женственности». Она была призвана показать, что женщины до сих пор были угнетаемы мужчинами, даже после такой успешной деятельности суфражисток. Теперь основной проблемой считалась жизнь «счастливых домохозяек», которые были счастливы только на словах. На деле же они были прислугой для своих мужей, измученные нервозами, деградирующие, не имеющие возможности для самореализации, несчастные домохозяйки страдали, живя в золотой клетке. Чтобы наглядно проиллюстрировать это, Фридан приводит пример «Руководства для хорошей жены», которое было опубликовано в одном из американских журналов в 1955 году.

Современные феминистки выступают с критикой нуклеарных семей. Они считают их средой, в которой рождается насилие над женщиной. В какой-то мере это так. Но будет нелепо утверждать, что ее положение осталось таким же, что и у американских домохозяек 50-х годов. Исходя из этого, мы имеем характерную черту современного феминизма, а выражается она в том, что требования феминисток наших дней находятся между объективными причинами и абсурдным стремлением любым способом доказать свое превосходство.

Само понятие феминизма очень размыто. В литературе содержится более 300 толкований этого термина. В общем и целом, все современные определения феминизма говорят о равенстве между мужчиной и женщиной, устранении дискриминации по половому

признаку и о том, что высшей ценностью следуют считать прежде всего человека. Об этом же говорил и Бердяев в «метафизике пола и любви» «Пол — это то, что должно быть преодолено, пол — это разрыв. Пока остается этот разрыв — нет индивидуальности, нет цельного человека. Но преодоление пола есть утверждение пола, а не отрицание, есть творческое соединение полов, а не отворачивание от полового томления. Нужно утвердить пол до окончательного его преодоления, до исчезновения полов, до соединения в единый дух, в единую плоть.». Но современный феминизм перешел ту тонкую грань в своих требованиях между реальностью и абсурдом. В существующем на данный момент виде феминизм представляет собой в большей степени мужененавистничество, и никакого равенства и главенства сакрального понятия «человек» здесь нет. Син Сэйерс, анализируя сложившуюся ситуацию, пишет: «Мое мнение базируется на интересе к проблеме того, что феминистки оспаривают мораль, в таком радикальном направлении, что нам стоит шагать по земле с большой осторожностью, принимая их точку зрения» [4, с. 69]. Так какие требования выдвигают современные феминистки? В своей борьбе за права женщины достигли головокружительных высот. Но тем не менее создание «цельного человека» не состоялось. Женщины, имея ныне широкое поле для самореализации до сих пор не могут реализоваться в плане личностных и профессиональных качеств.

В большинстве случаев деятельность женщин оценивается предвзято. Образ абстрактной дамы никуда не исчез, но трансформировался, и теперь он выполняет несколько другие функции. Этот собирательный образ проецируется на всех женщин без исключения, не позволяя объективно оценивать их. Из этого факта следует широкое обсуждение в феминистских кругах такого феномена, как объективация. Подчинение женщины перешло в более латентную форму по сравнению с тем открытым подчинением, что существовало несколько веков назад. Эта проблема не нова и своими корнями уходит в далекое прошлое. К ее решению феминизм не придет за несколько десятилетий, потому что ее причина заключается не только в желании мужчин наделить женщину определенными качествами, она во многом инертна,

тянется из прошлого и завязана на существующих традициях и стереотипных моделях поведения, одобряемых обществом. Подводя итог, можно сказать, что проблемы современного феминизма во многом надуманны. В настоящее время феминизм сильно исказился, он больше не является носителем идей равенства между мужчиной и женщиной, в нем все больше укрепляются идеи дискриминации в отношении мужчин. Бесспорно, положение женщин в современном обществе не безупречно, но все же в решении такого рода проблем людям стоит быть максимально объективными.

Литература

1. *Аристотель*. Политика. Книга первая // *Аристотель*. Сочинения : в 4 т. — Т. 4. — М. : Мысль, 1984.
2. *Бердяев Н. А.* Метафизика пола и любви / *Н. А. Бердяев* // *Эрос и личность : философия пола и любви*. — М., 1989.
3. *Бовуар де С.* Второй пол / *С. де Бовуар*. — М. : Прогресс ; СПб. : Алетейя, 1997.
4. *Robin Truth Goodman*. World, Class, Women: Global Literature, Education, and Feminism // *Routledge, London and New York, 2006*.
5. *Sean Sayers*. Socialism, feminism and philosophy // *Routledge, London and New York, 2006*.

ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ США

А. А. Рябов, студент 3 курса

slavyanin36@mail.ru

Научный руководитель — канд. филос. наук,

доц. И. В. Черниговских

Каждая страна разрабатывает свою собственную культурную политику в соответствии со своими национальными, историческими, политическими, географическими, экономическими и другими особенностями. В Соединенных Штатах культурная политика имеет свои особенности. США еще относительно молодая страна. Как нация американцы по-прежнему сохраняют свою основную черту, связанную с верой в индивидуализм.

Особенностью культурой политики США является отсутствие полного контроля со стороны правительства. Отдельные штаты, города, частный сектор действуют в соответствии с их целями и задачами, независимо от Вашингтона. Официальной политикой является то, что каждый волен иметь свою политику.

Преобладание частного сектора в сфере культуры в США было юридически закреплено в начале XX века законом 1917 г., согласно которому лица, осуществлявшие благотворительность, освобождались от уплаты части налогов (на сумму пожертвований). Эта инициатива со стороны американских политиков была направлена на сохранение и стимулирование активности частных предпринимателей в области культуры, а также на то, чтобы исключить возможность диктата со стороны государства в сфере культурной политики.

Первая серьезная попытка сформировать и осуществить комплексную культурную политику в Америке на государственном уровне произошла во время «великой депрессии», когда возникло опасение полного краха частного сектора в экономике. «Федеральные культурные программы «нового курса» представляли собой интересные модели децентрализованного развития сферы культуры, проектировавшиеся так, чтобы отвечать американской мультикультурной среде. Они были направлены на охват как можно большей части населения и затрагивали наиболее актуальные в то время, противоречивые и болезненные вопросы» [1]. Несмотря на активное участие государства в реализации внутренней и внешней культурной политики в этот период, продолжалось усиление взаимодействия правительства с частным сектором, на долю которого уже тогда приходилась организация многих культурно-образовательных программ и обменов.

1950-е гг. ознаменовали возникновение нового подхода к культурной политике, охарактеризовавшегося двумя основными чертами: узкая заинтересованность в профессиональных учреждениях и акцент на частных лицах в определении направлений и приоритетов. В то же время, с середины 50-х гг. XX в. начала четко прослеживаться тенденция взаимосвязи государственных и частных учреждений культуры, происходило все большее вмешательство государства в регуляцию культурной жизни. Особенно заметным этот процесс стал в период правления президента Дж. Кеннеди, когда была расширена система органов, осуществляющих культурную политику под контролем как федерального правительства, так и конгресса. Это, однако, встретило серьезное сопротивление, но после длительных дебатов в конгрессе и широкой дискуссии в стране в 1965 г. был все же учрежден Национальный фонд искусств и гуманитарных наук, как основной правительственный орган, распределяющий государственные субсидии, вырабатывающий рекомендательные программы в области культуры и участвующий в проведении культурной политики.

В 80-е гг. при администрации Р. Рейгана приоритетной моделью государственной политики США стал «новый федерализм», означающий тенденцию к децентрализации управления различными сферами деятельности, в том числе и культуры, сужение масштабов вмешательства государства в духовную сферу, пере-

кладывание задач на различные деловые и общественные институты. Децентрализация управления культурной политикой проявилась в предоставлении более широких полномочий в этой сфере местным органам власти. «Новый федерализм» привел к значительному усилению позиций частных благотворительных фондов, спонсорских организаций и иных негосударственных институтов.

В целом финансирование культуры в США осуществляется по нескольким направлениям: доходы от собственной деятельности, доходы от инвестиций, за счет средств, выделяемых из государственного бюджета, и за счет поддержки, оказываемой частными и корпоративными фондами. По статистике, собственные доходы обеспечивают американские организации культуры примерно на 55 %, 25 % их бюджетов формируется за счет грантов частных и корпоративных фондов, пожертвований частных лиц и компаний, 12 % приносят инвестиции в ценные бумаги и около 9 % расходов покрывается из государственного сектора. Так например, вклад некоммерческих культурных институций в американскую экономику в 2002 г. составил 134 млрд. долларов [2].

Если говорить о государственном финансировании культуры и искусства в США, основным финансовым рычагом проведения культурной политики оказывается поддержка в виде грантов, а не в форме субсидий. Основная доля государственной поддержки достается музеям и библиотекам и лишь незначительная ее часть — исполнительским искусствам. Также большую роль играет региональная поддержка культуры, она считается важной инвестицией в развитие местных сообществ, создает новые рабочие места и развивает творческие индустрии, которые помогают создать узнаваемый бренд штата. Ежегодно штаты и территории оказывают финансовую поддержку в виде грантов и субсидий 20 тыс. проектов, организаций и деятелей культуры в 5 500 американских городах.

Вторая половина XX — начало XXI в. ознаменованы американским культурным влиянием в общемировом масштабе. В значительной степени реализации внешней культурной политики Соединенных Штатов и распространению американской культуры содействуют процессы глобализации. Безусловно, активность внешней культурной экспансии США как на государственном, так и на негосударственном уровне обусловлена и мощью финансово-экономического

и научно-технического потенциала страны. Государственный департамент США через свое Бюро по делам образования и культуры организывает различные образовательные и культурные программы, которые направлены на формирование позитивного облика США за рубежом. Помимо этого одной из основных целей этих программ является предоставление молодым ученым и специалистам грантов на обучение в ведущих американских вузах.

Каждый год Америка экспортирует в умы более полумиллиона иностранных студентов свои идеалы и ценности. США производит многоуровневое распространение американской массовой культуры, здесь важно отметить Голливуд как основной инструмент современной американской культурной политики, идеологическое оружие и одно из важнейших средств формирования имиджа этого государства на мировой арене, сюда же относятся средства массовой информации. На сегодняшний день ведется активная информационная борьба. СМИ — основной инструмент трансляции американской культурной продукции, осуществления внешней культурной политики и, соответственно, обеспечения культурного влияния и доминирования Соединенных Штатов на большей части планеты. Важна роль американского книгоиздания и прессы, т. к. США занимают лидирующее место в мире по объемам выпуска и продаж печатной продукции, а всемирно известные американские газеты эффективно формируют общественное мнение внутри страны и в мире, что закрепляет за Америкой роль лидера в сфере экспорта культурной продукции как инструмента внешней политики. Процесс экспортирования американской культуры неразрывно связан с интересами крупного бизнеса, поскольку американская массовая культура за вторую половину XX в. превратилась в широко потребляемую в мире продукцию. Бизнес заинтересован в большем объеме продаж, он не просто принимает участие, но играет ключевую роль в распространении американских культурных ценностей. Это, в свою очередь, вполне отвечает целям и задачам внешней культурной политики американского правительства, здесь интересы крупного бизнеса и государства часто совпадают. «Спрос на американскую культурную продукцию изначально формируется и программируется, и бизнес создает стабильный, успешно развивающийся рынок сбыта этого товара, обеспечивая тем

самым устойчивостью спроса, создавая комфортный климат для политико-экономического влияния» [3].

Обзор культурной политики США подтверждает зависимость качества и содержания транслируемых сегодня за рубеж культурных ценностей США от внутренних социокультурных и исторических предпосылок формирования американского общества. Многие сюжеты переписываются в русле доминирующей и довлеющей государственной идеологии. Внутренние реалии современных США оказывают непосредственное влияние на внутреннюю и внешнюю политику страны, формирование её международного имиджа и внешней культурной стратегии.

Литература

1. *Cummings M. C. Jr. Cultural Diplomacy and the United States Government : A Survey* (Washington DC: Center for Arts and Culture, 2003): [сайт]. — Режим доступа : www.culturalpolicy.org
2. *Pells R. Is American culture American: [сайт]*. — Режим доступа : <http://www.usinfo.state.gov/%20journals/itgic/0206/ijge/pells>
3. *Pells R. Who's afraid of Steven Spielberg? // Diplomatic History. Vol. 24, № 3. (Summer 2000). — P. 78—90.*

КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В. Л. Алиханова, студентка 3 курса
alihanova.veronika@mail.ru

Научный руководитель — канд. ист. наук, доц. Е. И. Якушкина

В условиях динамичного, весьма сложного и противоречивого процесса глобализации, характеризующего современный мир, состоящий из двух сотен суверенных государств, особенно актуальны как теоретические, так и практические аспекты идентичности.

Целью данной работы будет являться рассмотрение влияния процессов глобализации на культурную идентичность.

Современный нам мир претерпевает падение уровня культуры, утрату культурного наследия, хранившегося веками и составляющего суть общемировой культуры. В таких условиях происходит деформация идентичности. Само понятие идентичности, как и его концепции, серьезно изменяются. Процессы глобализации оказывают на них серьезное влияние, имеющее множество проявлений. Государство обязано способствовать формированию культурной идентичности населения, потому как это составляет основную задачу культурной политики любой страны. Однако мы можем заметить, что такие попытки имеют противоречивый характер и не приносят должного результата. Они являются способом создания некоего «культурного гибрида», не обладающего национальным самосознанием, не соотносящим себя с историческим прошлым именно своего народа, не ценящим язык, на котором он говорит. Это противоречит самому пониманию идентичности. Профессор Дублинского университета Р. Керни в своей работе «Диалоги о Европе» выразил мысль о том, что «Быть европейцем значит осознавать себя как другого» [3, с. 7]. Это утверждение является попросту нелогичным, потому что нарушает закон тождества ($A=A$). Из вышесказанного мы помним, что культурная идентичность означает отождествление человека с самим собой и с теми культурными общностями, ценностями, идеалами, которые он разделяет. Р. Керни считает, что необходим отказ от себя, чтобы узнать другого и понять себя как набор отличий от него.

Изменение самого понимания идентичности, изменение его смысла в сознании не только простого обывателя, но и элиты общества, уже является ярким примером кризиса идентичности. В современном мире происходит стремительный рост численности населения, образование новых суверенных государств, следовательно, зарождение новой культуры. В такой ситуации мы имеем дело с активными межкультурными контактами, усилением интеграционных процессов в культуре и т. д., что является, с одной стороны, безусловно, положительным явлением, так как межкультурные коммуникации способствуют налаживанию контактов с другими

странами, способствуют обогащению культуры, накоплению новых знаний, установлению партнерских отношений с соседними государствами. Однако, с другой стороны, такое положение несет в себе значительную угрозу не только культурной идентичности, но и мировой безопасности. Активные контакты с представителями других культур способствуют постепенному взаимопроникновению этих культур друг в друга. Это может повлечь за собой культурную ассимиляцию населения, что может разрушить уникальность и неповторимость каждой из них. В таком случае происходит постепенный отход от собственной уникальной культуры и ее «растворение» в другой. В конечном итоге это может привести к тому, что люди попросту забудут или перестанут понимать, что является именно их культурной особенностью, а что привнесли в нее представители других культур. Особенно ярко это проявляется в языке. Наверное, многим будет сложно поверить, что слово «огурец» является не русским по происхождению, а образовано от греческого слова *aguria*. Подобные примеры так же очень легко найти в искусстве. Матрешка является своеобразным символом национальной культуры России, однако на самом деле, по одной из версий, имеет японское происхождение. Ее прообраз — фигурка, которая изображала одного из семи богов счастья. Нельзя однозначно ответить, является ли такие представления отрицательными, но совершенно точно, что именно тесные, многовековые межкультурные контакты привели к таким мифам и заблуждениям в сознании людей.

В процессе глобализации происходит размытие границ между «своим» и «чужим», а соответственно, между своей культурой и не своей. Постепенно формируется единое культурное пространство. Это может привести к тому, что продукты одной, популярной во всем мире, культуры, могут вытеснить продукты национальной культуры. Безусловно, это негативно скажется на культурной идентичности. Здесь мы сталкиваемся с серьезной проблемой сохранения многообразия культуры и предотвращения ее унификации.

Другим негативным аспектом является распространение потребительской культуры. Для того чтобы проникнуть повсеместно, любой культуре необходимо иметь максимально упрощенный вид, дабы быть понятной широкому кругу зрителей. С одной сто-

роны, это позитивный фактор, ведь культура становится доступной и более удачно удовлетворяет потребности в развлечении и отдыхе. Однако такое упрощение и примитивация культуры делает ее потребителя менее интеллектуально развитым, не развивает критический взгляд на вещи, не способствует формированию высокого эстетического вкуса, не доносит до него те важнейшие ценности, которые веками прививали нам предметы элитарной культуры, а значит и разрушает основы культурной идентичности.

В процессе глобализации происходит трансформация традиционных ценностей, которая всегда несет опасность слома сознания и распространения девиантного поведения. Средствами массовой информации активно распространяются западноевропейские ценности в качестве культурных универсалий. Вестернизация создает серьезную угрозу потери культурной идентичности. Такое положение дел вызывает состояние так называемой аномии в обществе. Этот термин ввел в научный оборот философ Э. Дюркгейм. Русский философ Н. А. Бердяев точнее определял аномию так: «Аномия это состояние дезорганизации общества, когда ценности, нормы, социальные связи либо отсутствуют, либо становятся неустойчивыми и противоречивыми» [1, с. 95]. Очевидно, что в ситуации, при которой ценности уже изжили себя, трудно говорить об отсутствии кризиса культурной идентичности, ведь именно ценности являются базовой надстройкой для её формирования.

Глобализация ускоряет процессы аккультурации в современном обществе (взаимодействие и взаимовлияние культур, в ходе которых происходит их изменение, усвоение ими новых элементов, образование в результате смешения различных культурных традиций принципиально нового культурного синтеза), которые тесно связаны с культурной диффузией, стихийным и неконтролируемым заимствованием чужих культурных ценностей, воспринятых как идеальные образцы для подражания. Эти процессы имеют как положительное, так и негативное измерение. С одной стороны, они позволяют национальным культурам больше общаться между собой, создают условия для диалога и обмена культурной информацией, унифицированный стиль жизни, единые образовательные стандарты; технические условия цивилизации, языки об-

щения (английский язык, например, становится средством международного общения) способствуют взаимопониманию народов. С другой стороны, чрезмерно активное заимствование, распространение одинаковых культурных образцов и стандартов по всему миру опасны потерей культурной самобытности [2, с. 40].

Таким образом, процессы глобализации, происходящие в современном мире, подрывают основы для формирования культурной идентичности и ведут к ситуации серьезного кризиса самосознания и самоидентификации.

Литература

1. Бердяев Н. А. Судьба России / Н. А. Бердяев. — М. : Прогресс, 1990. — 352 с.
2. Вопрос национальной идентичности в контексте глобализации : сборник научных статей / отв. ред. А. Н. Чумаков. — М. : Проспект, 2014. — 144 с.
3. Керни Р. Диалоги о Европе / Р. Керни. — М. : Весь мир, 2002. — 320 с.

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЭКСТРЕМАЛЬНОГО ТУРИЗМА В РОССИИ

**Е. В. Болховитина, магистрант 2 курса
elena_091092@mail.ru**

Научный руководитель — д-р филос. наук, доц. С. А. Симонова

Одной из наиболее актуальных в настоящее время исследовательских проблем является изучение экстремального туризма. Безусловно, возникает вопрос о том, почему же данная тематика становится всё более востребованной и развиваемой. В условиях быстрой тенденции развития рынка спроса и предложений, возникают новые виды экстремального туризма. В силу не исследованности

феномена экстрима возникает множество проблем с развитием данного вида туризма в современном обществе. Есть необходимость в осмыслении его как процессов происходящих из стремительного изменения в социальном и культурном бытии человека.

Экстремальный туризм является одним из видов туризма в целом, следовательно, не возможно рассматривать этот феномен не говоря о туризме в широком смысле. Можно сказать, что увеличение значимости туризма как особой социальной практики индивидов идет совместно с процессами глобализации и во многом ими обуславливается. Постиндустриальный этап развития общества охарактеризовался в том числе и изменением образа жизни человека. Среди факторов, оказавших влияние на образ жизни современного человека, можно выделить политические, научные и культурные.

К культурным факторам, которые оказывают влияние на рост популярности экстремального туризма, относится, прежде всего, глобализация. На настоящий момент не существует никакого претендующего на исключительную подлинность образа жизни и, соответственно, способа проведения своего досуга. Каждый делает собственный выбор в пользу того или иного способа потратить своё свободное время. Одним из наиболее популярных видов проведения досуга является экстремальный туризм. Однако, к сожалению, на сегодняшний момент экстремальный туризм практически не изучен как сложное социокультурное явление [1, с. 264].

В целом, основываясь на изучении литературы, мы выделили следующие проблемы организации экстремального туризма.

Во-первых, это неразвитость информационного пространства экстремального туризма, в том числе недостаточный уровень информационного сопровождения процесса организации и развития экстремального туризма.

Сложившаяся к настоящему времени система информационной поддержки экстремального туризма включает несколько уровней. В частности, первичное информирование потребителей о продукте экстремального туризма осуществляется по двум каналам. Самым широким из них является канал личностного взаимодействия, когда информация о туристских ресурсах, рисках, процессах организации и технологиях передается непосредственно от потребителя к потре-

бителю. Более узкий канал первичного информирования функционирует в соответствии с «Правилами оказания услуг по реализации туристского продукта» (утверждены Постановлением Правительства Российской Федерации от 18.07.2007 № 452 «Об утверждении Правил оказания услуг по реализации туристского продукта»).

По сути, сегодня законодательно закреплён лишь обязательный либо добровольный инструктаж туриста по вопросам организации и технологии экстремального туризма. И, имеет место информирование о необходимости наличия каких-то специальных навыков, но никак не их формирование.

Задачи информационного сопровождения экстремального туризма сегодня также выполняют и органы Министерства по чрезвычайным ситуациям РФ, предупреждая турфирмы и самих потребителей через средства массовой информации о потенциальных опасностях, подстерегающих туристов в тех или иных областях, регионах и на курортах.

Также в России пока отсутствует единая информационная база о ресурсах экстремального туризма, их территориальном размещении, инфраструктуре экстремального туризма, центрах подготовки и т. п. [2, с. 148].

В целом же актуальная классификация ресурсов и объектов экстремального туризма в нашей стране пока отсутствует. То, что имеется, копирует классификацию туристских маршрутов, разработанную ещё в годы СССР. Работа по классификации ресурсов водного туризма продолжается до сих пор только благодаря тому, что указанные водные виды экстремального туризма — это популярные виды спорта и сегодня в мире по ним регулярно проводятся, в том числе и международные, соревнования.

Во-вторых, неразвитость инфраструктуры экстремального туризма. Высокий уровень специализации экстремального туризма, труднодоступность объектов экстремального туризма, его ресурсов однозначно требует специальной инфраструктуры обеспечения его осуществления.

Другой проблемой неразвитости инфраструктуры экстремального туризма является отсутствие устойчивой связи, так как зоны покрытия обычной мобильной связи часто ограничиваются населен-

ными пунктами, а туристские маршруты очень часто пролегают на значительном удалении от жилья, делятся по многу дней, и у туристов очень часто не бывает возможности связаться с «цивилизацией».

В-третьих, более высокая, по сравнению с прочими видами туризма, стоимость. Отдельные виды экстремального туризма зачастую высоко технологичны и требуют применения специальных средств и оборудования. Если затраты на рекреационный туризм формируются из таких статей, как проезд к месту отдыха, услуги средств размещения, услуги общественного питания, приобретение сувениров, то затраты на экстремальный туризм дополнительно включают в себя расходы на первичную подготовку, приобретение специального оборудования и экипировки, транспортировку этого оборудования [3, с. 42].

В-четвертых, неразвитость системы страхования, которое сегодня в экстремальном туризме ограничено традиционным пакетом услуг (добровольное личностное, имущественное страхование).

Безусловно, вышеуказанные проблемы организации экстремального туризма лежат также в основном в плоскости его качества, так как и наличие системы информационной поддержки экстремального туризма, и обеспечение его безопасности, и наличие инфраструктуры, и наличие системы страхования жизни, имущества и ответственности туристов, и другие отмеченные выше проблемы организации определяют качество услуг экстремального туризма.

Это проблемы не только практики, но и теории современного туризма, так как современная методология и методика экстремального туризма проработаны исключительно в части технологии организации маршрутов, но никак ни с точки зрения организации эффективного управления и развития. Недостаточно пока разработан и теоретико-методический аппарат экстремального туризма. До сих пор экстремальные виды туризма рассматриваются как сверхспециализированные, но не массовые. Отсутствуют механизмы их регулирования, способные обеспечить реализацию их реального экономического и социального потенциалов и возможностей. При этом текущий финансово-экономический кризис, безусловно, лишь усугубит данную ситуацию. И в связи с этим существует острая необходимость обеспечения не только привлече-

ния потребителей в сегмент услуг экстремального туризма, но и предложения услуг надлежащего качества, способных повысить конкурентоспособность как отдельных туристских центров и центров туризма, так и национальной индустрии туризма в целом.

В последние годы наблюдается тенденция улучшения развития туризма в России: увеличивается поток желающих посетить не только зарубежные страны, но и достопримечательные отечественные места, улучшается качество обслуживания, развивается детский туризм (предлагаются всевозможные детские поездки на морские курорты, в различные лагеря (от палаточных до комфортабельных) и зарубежные страны с познавательной целью и т. д.), разрабатываются новые маршруты туров. Современное развитие туризма в России характеризуется наличием глубоких противоречий в его организационной структуре, в направленности развития, в состоянии качественных и количественных характеристик. Россияне поняли, что должный уровень сервиса, интересный отдых могут предложить и в России. В конкурентной среде активно развивается санаторно-курортное лечение, появляется туристическая инфраструктура, представители крупного бизнеса активно вкладывают деньги в строительство гостиниц, аквапарков, индустрии развлечений [4, с. 63].

Анализ показывает, что наиболее перспективными местами для экстремального туризма являются Камчатка, Сахалин и Алтай. Ведь здесь сама природа создана для экстрима. Здесь можно построить множество высококлассных горнолыжных курортов. Также здесь много мест для альпинизма, спелеологии, маунтинбайка, каякинга, рафтинга. Серьезный подход к экстремальному туризму в данном регионе, приведет к повышенному притоку туристов из России и жители близ лежащих стран, таких как Казахстан, Китай, Монголия, Корея, Япония. А если все будет удачно складываться, то эти края могут заинтересовать и туристов с дальнего зарубежья.

Экстремальный туризм является неотъемлемой частью жизни постиндустриального общества на настоящем этапе его существования. Его актуальность и растущая популярность на данный момент объясняется произошедшими изменениями в структуре общественных потребностей. Экстремальный туризм стал логичной реакцией на негативные последствия процессов индустриализации,

которая привела к нормированию и упрощению всей жизни человека, включая его досуг. Экстремальный туризм дает человеку возможность индивидуального выбора в сфере своего отдыха и досуга. Он помогает человеку раскрыть собственный духовный и физический потенциал, проверив свои силы в сложных испытаниях.

Литература

1. Биржаков М. Б. Введение в туризм / М. Б. Биржаков. — СПб. : Герда, 2006. — 320 с.
2. Карпова Г. А. Экономика современного туризма / Г. А. Карпова. — М. : Феникс, 2008. — 412 с.
3. Маринин М. И. О проблемах российского туризма / М. И. Маринин // Экономика и жизнь. — 2009. — № 31.
4. Щербаков В. В. Современные формы экстремального туризма / В. В. Щербаков // Бизнес-план. — 2009. — № 10. — С. 63.

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ РОЛЬ СТУДЕНЧЕСКИХ ОТРЯДОВ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ

Я. В. Зубащенко, магистрант 1 курса
Научный руководитель — д-р филос. наук, доц. С. А. Симонова

С молодежью так всегда: она устанавливает собственные пределы, не задаваясь вопросом, выдержит ли организм. И организм всегда выдерживает.

Паоло Коэльо

По данным 2015 г., на территории Воронежской области проживают более 470 тыс. молодых людей в возрасте от 14 до 30 лет, что составляет более 23 % от всего населения, из них около 350 тыс. проживает в самом г. Воронеже. Эта статистика говорит

сама за себя: молодежь — реальная сила не только в контексте физических, психических и интеллектуальных ресурсов, но и в контексте количественной составляющей.

Сегодня молодёжь стала важнейшей социально-демографической группой в структуре населения города Воронежа, основным стратегическим ресурсом городского развития. И здесь необходимо отметить еще один важный момент — в столицу Черноземья приезжают студенты не только из многочисленных городов России, но и из других стран. Молодежь нашего города — интернациональна. Вообще, большинство молодых людей современного Воронежа — студенты, поэтому именно им уделяется наибольшее внимание в сфере молодёжной политики. Например, только в 2014 г. было выделено более двух миллионов рублей на поддержку деятельности студенческих отрядов.

Так мы подходим к молодёжной структуре, набирающей все большие обороты. Эта организация растет, расширяется, совершенствуется и становится все более популярной, причем не только в молодёжной субкультуре. В настоящее время в Воронеже, студенческим отрядам уделяется серьезное внимание, ведь это не только эффективный способ обеспечения занятости внеучебного времени, но и организация досуга, возможность творческой самореализации личности, приобщение к спорту, культуре, гражданскому и патриотическому воспитанию и социализации молодых граждан. В широком смысле — это формирование нашего будущего. Для студентов участие в студенческих отрядах становится хорошей профессиональной школой, которая удачно дополнит полученные в вузе теоретические знания и будет способствовать подготовке молодёжи к самостоятельному выходу в большую жизнь.

История студенческих стройотрядов в Воронежской области началась в далеком 1964 г. Тогда десять студенческих отрядов были направлены на работу на стройки целины в Актюбинской области Казахской ССР. Затем студенты стали трудиться в воронежской области. И к 1973 г. на объектах сельского строительства области были задействованы уже более семи тысяч человек. В сложный для страны период, с 1989 по 1999 гг. деятельность студенческих отрядов была практически свернута, и Воронежская область не стала исключением. Однако с двухтысячного года движение студотря-

дов в России стало возрождаться, с 2007 г. и в Воронежской области штаб студенческих отрядов возобновил свою работу. И если тогда в деятельности отрядов приняло участие 1500 студентов, то в 2009 г. — уже более трех тысяч, а в 2011 г. — более 3500 тысяч.

Сегодня работа студенческих отрядов Воронежской области ведется по пяти основным направлениям и двенадцати профилям. Таким образом, каждый желающий может выбрать занятие, наиболее ему близкое. Ежегодно в составе студенческих стройотрядов в период трудового семестра трудится свыше 3000 тыс. студентов высших и средних специальных учебных заведений Воронежской области. Наряду с выполнением производственных программ в строительстве, сельском хозяйстве, на предприятиях по производству строительных материалов и переработке сельскохозяйственной продукции, в вузовском строительстве студенческими отрядами проводится воспитательная, шефская и культурно-просветительская работа.

Всего в Воронежской области в студенческих отрядах сегодня работают около 4000 учащихся вузов и колледжей. Помимо областного центра, необходимо отметить мощное развитие студенческих движений в Борисоглебске, Бутурлиновке, Россоши. Движение Студенческих трудовых отрядов Воронежа объединяет более ста отрядов различного профиля. Среди наиболее известных мест работы студенческих отрядов — олимпийские объекты ОАО «РЖД» в Сочи, объекты Госкорпорации «Росатом» в Нововоронеже, объект Банка России (подрядчик ООО «Союзкомплект») в Воронеже и многие другие [3].

По итогам 2015 г. воронежское региональное отделение студенческих отрядов было признано лучшим в Центральном федеральном округе. Кроме того, Воронежская область — единственный регион в стране, который принимал участие во всех Всероссийских стройках этого года. По словам В. Шамарина, руководителя регионального штаба Воронежского регионального отделения Молодежной общероссийской общественной организации «Российские Студенческие Отряды», за 2015 г. воронежские студенческие отряды по договорам с предприятиями заработали более 2,5 млн. рублей и получили поддержку из федерального бюджета в 200 тыс. рублей. Также они получили грант в размере 1 млн. рублей на проведение первого слета студенческих отрядов в ЦФО. В

результате пятнадцать делегаций из восемнадцати регионов ЦФО съехались в Воронеж, чтобы встретиться, обменяться мнениями о целине, а так же выявить сильнейшие коллективы, как в творческих конкурсах, так и в спортивных соревнованиях.

Деятельность правительства Воронежской области в этой сфере заслуживает серьезного внимания. Прежде всего, разработана ведомственная целевая программа, касающаяся отечественных студенческих отрядов, во исполнение поручения президиума правительства Воронежской области от 9 марта 2010 г. [4]. В этой целевой программе, отражающей магистральные тенденции отечественной молодежной политики, обозначены следующие задачи: развитие студенческих трудовых отрядов, создание условий для вовлечения молодёжи в социальную практику; создание системы подготовки кадров и актива студенческих трудовых отрядов; организация мероприятий, направленных на развитие и реализацию потенциала молодых граждан Воронежской области; информационная поддержка деятельности студенческих трудовых отрядов.

Таким образом, сегодня в Воронежской области создана хорошая база для реализации интересных идей и проектов по воспитанию молодежи, по реализации ее творческих, интеллектуальных и лидерских способностей, по организации грамотного досуга. Но когда мы обращаемся к феномену студенческих отрядов, важно отметить его полифункциональность. В этом пространстве создается полифония нравственной, эстетической, социальной, патриотической линий отечественной культуры. В связи с вышесказанным, исследование становления, особенностей и перспектив этого мощного студенческого движения нам представляется крайне актуальным.

Литература

1. Положение молодежи и реализация государственной молодежной политики РФ в 2002—2008 гг. // Росмолодежь : [сайт]. — Режим доступа : <http://www.fadm.gov.ru/about/mission.html>

2. Департамент образования, науки и молодежной политики Воронежской области : [сайт]. — Режим доступа : <http://36edu.ru/default.aspx>

3. Молодёжь Воронежской области : [сайт]. — Режим доступа : <http://www.mol36.ru/>

4. Молодёжная политика Воронежа и Воронежской области [сайт]. — Режим доступа : <http://molpol-vrn.ru>

ОХРАНА ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ КАК ОДНО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

**В. Н. Мельник, студент 3 курса
vika-melnik95@yandex.ru**

**Научный руководитель — канд. филос. наук,
доц. И. В. Черниговских**

На современном этапе развития культуры ни одно государство не может обойтись без вполне определенной и целенаправленной культурной политики. Культурная политика — это деятельность по формированию идей, смыслов и приоритетов в социально-политической системе, одной из составных частей которой являются стимулирование и защита культуры как сферы высших творческих достижений. Предметом деятельности культурной политики является культурно-символический капитал, выражающийся в различных ценностных и прикладных формах — от формулирования смысла и целей человеческой жизни до создания новой мифологии и системы брендов, от вовлечения в новые формы и зоны творческой деятельности до создания массово востребованных продуктов и услуг с высокой долей символического капитала. Субъекты культурной политики — органы власти, общественные группы, независимые и государственные институты, участвующие в формировании культурной политики. Одним из приоритетных направлений культурной политики является охрана и объектов, имеющих культурную, историческую или экологическую значимость.

© Мельник В. Н., 2016

В соответствии с Федеральным законом от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов РФ» основной задачей в сфере культурного наследия является обеспечение сохранности объектов культурного наследия всех видов и категорий, включая осуществление их государственной охраны, сохранения, использования и популяризации в соответствии с законодательством. Главным необходимым условием обеспечения сохранности объектов культурного наследия в настоящее время является совершенствование государственной политики на основе всестороннего учета состава и состояния объектов культурного наследия, современных социально-экономических условий развития общества, реальных возможностей органов власти, местного самоуправления, общественных и религиозных организаций, иных лиц, особенностей национально-культурных традиций народов Российской Федерации и множества других факторов.

Под государственной охраной объектов культурного наследия в целях настоящего Федерального закона понимается система правовых, финансовых, материально-технических, информационных и других принимаемых органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления в соответствии с настоящим Федеральным законом в пределах их компетенции мер, направленных на выявление, учет, изучение объектов культурного наследия, предотвращение их разрушения или причинения им вреда [3].

В данной статье мы хотим охарактеризовать охрану историко-культурного наследия как одного из направлений деятельности культурной политики на примере деятельности Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК).

Решение о создании данной организации было принято Советом министров РСФСР в 1965 г. (Постановление № 882 от 23.07.1965). В 1980 г. ВООПИиК зарегистрировало свой печатный орган — альманах «Памятники Отечества». Каждый выпуск альманаха посвящен национальной культуре и истории России.

На протяжении уже более чем пятидесяти лет Общество осуществляет деятельность по охране, сбережению, популяризации

и использованию историко-культурного наследия России. Усилиями Общества было сохранено огромное количество объектов культурного достояния, среди которых и отдельные архитектурные шедевры, и усадебные комплексы, духовные святыни, играющие огромное значение для народов Российской Федерации как одной из основ российской культуры и традиции.

Членами Общества являются как организации, так и частные лица. Высшим органом, который занимается контролем над деятельностью, объявлен съезд, созываемый один раз в 5 лет. В период между созывами съездов работой Общества руководит Центральный совет. Постоянно действующим органом управления Общества является его Президиум, возглавляемый Председателем Центрального совета. В состав Президиума входят известные деятели науки, литературы, искусства — историки, архитекторы, искусствоведы, реставраторы [1, с. 138]. Работу по различным видам деятельности ведут около 200 секций и комиссий. В соответствии со ст. 34, 37, 40 Закона «Об охране и использовании памятников истории и культуры», принятого в 1978 г., ВООПИиК наделено правом согласовывать градостроительные проекты городов и населенных пунктов, имеющих памятники истории и культуры, а также проекты, затрагивающие интересы памятников или их зон охраны (эти статьи сохраняются и в новом Федеральном Законе «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации»). Большая часть доходов Общества складываются из поступлений от членских взносов, благотворительных пожертвований, прибыли от производственных и торговых предприятий, финансовой помощи спонсоров.

Основной целью Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры является осуществление на территории Российской Федерации функций общественного органа охраны объектов культурного наследия. Немаловажной задачей, представляющей перед организацией, становится привлечение и осуществление конституционных прав граждан на участие в проведении мероприятий и акций по возрождению и популяризации исторического культурного наследия. Формирование у молодого по-

коления патриотизма и чувства ответственности за сбережение народного достояния страны.

ВООПиК по официальной просьбе Счетной Палаты Российской Федерации принимало участие в проверке состояния памятников истории и культуры в г. Москва, Санкт-Петербург, Брянской, Астраханской, Новгородской, Ярославской, Тверской, Владимирской, Смоленской, Калужской и др. областях. Обществом были подготовлены экспертные заключения о состоянии объектов культурного наследия указанных субъектов Российской Федерации. Проводились заседания, на которых рассматривались проекты зон охраны исторических городов, ансамблей садово-паркового искусства, проекты реконструкции, реставрации. Члены секций в течение года уделяли особое внимание проблемам сохранения памятников советского периода (в том числе станций Московского метрополитена), в связи с чем Центральный совет направил ряд писем в Главное управление охраны памятников г. Москвы, ходатайствуя о постановке на учет вновь выявленных объектов культурного наследия [2].

Подводя итог деятельности этого Общества, можно подчеркнуть его огромную роль в оказании помощи государственным учреждениям в сохранении памятников истории и культуры, развития самосознания молодого поколения, чувства патриотизма и ответственности за сбережение народного достояния страны.

Литература

1. Великанов Ю. С. Сохранение наследия России / Ю. С. Великанов. — СПб. : ИРЛИ РАН, 2001. — 215 с.
2. Всероссийская общественная организация «Всероссийское общество охраны памятников и истории культуры» : [сайт]. — Режим доступа: <http://www.voopik.ru/voopiik/>
3. Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов РФ : федер. закон Рос. Федерации от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ // Российская газета. — 2002. — № 116—117.

ОСОБЕННОСТИ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ ФРАНЦИИ

А. О. Мясникова, студентка 2 курса

sweetheart-fly@yandex.ru

Научный руководитель — канд ист. наук, доц. Е. И. Якушкина

В условиях прогрессивной глобализации мира все большее значение приобретает проблема сохранения национальной самобытности и культурного своеобразия каждой цивилизованной страны. Любое государство стремится к осуществлению структурированной и последовательной политики в данном вопросе. Культурная деятельность выходит на совершенно новый высокий уровень и обеспечивает приоритетное культурное и гуманитарное развитие как основу экономического процветания, государственного суверенитета и цивилизационной самобытности страны [4].

Франция является страной великой культуры и неиссякаемого творческого потенциала. Имея огромное культурное наследие, она проводит успешную культурную политику в отношении сохранения и привлечения внимания к своему национальному достоянию.

Первые попытки осуществления синтеза политики и культуры во Франции начали предприниматься еще в эпоху Возрождения, однако именно Великая французская революция (1789—1794) означала первую в истории человечества серьезную попытку создания культурной политики. Культура стала неотъемлемой составляющей общественной жизни. По итогам революции, народ был объявлен сувереном власти, именно ему вменялся контроль над исполнением должностных обязанностей государственных органов. Интеллектуальная элита, выступившая идеологом и вдохновителем революции, стремилась к выработке определенных механизмов воздействия на общество, используя весь доступный инструментарий культуры. Для проведения такой политики было необходимо сделать из культуры «элитарной и привилегированной», культуру общедоступную. Начался процесс демократизации культуры. Предпринимались попытки сделать французский язык

достоянием всего народа, устранив множество местных наречий и диалектов. Новая власть также ставила задачу ликвидировать неграмотность и невежество, устранить разрыв между искусством и народом, обеспечить равный доступ к культуре.

«Культуры прошлого — утверждал он, — впервые объединяются в нашей культуре. Мы участвуем в самом грандиозном воскрешении, которое только известно миру... Воскрешенные произведения, которые когда-то называли «бессмертными образами», кажутся достаточно сильными, чтобы противостоять могуществу секса и смерти. Культура не может заменить собой богов, но она может оставить в наследство благородство мира...» [3, с. 327—329].

Деятельность министерства А. Мальро обеспечила прочную основу не только французской политике, но также способствовала формированию современной культурной политики во всем мире.

Особого внимания заслуживает эпоха президента Ф. Миттерана (1981—1995), когда министром культуры был Ж. Ланг. В этот период доля бюджетных расходов на культуру удвоилась (с 0,5 до 1 %), благодаря чему возможности культурной политики существенно возросли. Вместе с тем произошло смещение ориентиров культурной политики с вопросов доступа и освоения культуры на проблемы современного искусства. Интерес проявлялся в первую очередь к тому искусству, которое было тесно связано с культурной индустрией: кино, радио, телевидение. Что касается публики, то здесь также произошли изменения: на первый план вышла молодежь. Поэтому особое внимание уделялось таким явлениям, как мода, комиксы, реклама, электронная музыка, рок, джаз и т. д. [1]

Следует отметить, что французская модель культурной политики часто получает негативные отзывы. Многие видные политические деятели отвергают любое вмешательство органов власти в культуру, и даже экономику, выступая за «скромное» государство, отказывающееся от какого-либо регулирования, выходящего за рамки собственной политики. Представители этой точки зрения предполагают, что чрезмерное вмешательство государства в культуру убивает все естественное в ней и «стерилизует» культуру. Однако другие выдвигают убедительные аргументы против подоб-

ной позиции, полагая, что Франция, именно благодаря активной и амбициозной культурной политике, в течение трех столетий — с середины XVII в. и до середины XX в. — была признана ведущей культурной державой.

В любом случае, и противники, и сторонники вмешательства государства в культурную политику, признают за Францией и выделяют ее главной особенностью сам факт создания культурной политики как целенаправленной деятельности государства по сохранению и защите национального достояния. Подавляющее большинство политологов, культурологов и социологов считают культурную политику сугубо французским «изобретением», берущим свое начало в глубине истории страны и сохраняющим преемственность на протяжении веков. По мнению Ж. Риго французская культурная политика являет собой «завершенную парадигму системы отношений между политической властью и культурой в демократическом государстве» [1]. Культурная политика, проводимая Францией, способствует укреплению национальной сплоченности французов, развитию и сохранению общих духовных ценностей Европы. Франция стремится к «мягкому могуществу», опосредованному желанием сделать свою культуру привлекательной для всех. Она умеет вести плавную культурную дипломатию без надменности и лицемерия, поэтому долгие годы Франция сохраняла за собой первенство ведущей культурной державы. Культурная политика, основанная на принципах «мягкого могущества» всегда будет выше силовой политики, основанной на аннексии и насильственной эмансипации своего влияния, т. к. культурная привлекательность державы ведет к сознательному и добровольному согласию с ее политикой. Благодаря такому отношению к культуре Франция является страной, с которой ведется активное сотрудничество другими государствами мира.

Однако все более возрастающее количество иммиграций во Францию вносит в культурную политику значительные коррективы. Ежегодно разрешение на въезд в страну получает более 130 тыс. иностранцев и около 150 тыс. получают гражданство. В подобных условиях появляется закономерный вопрос: найдутся ли у Франции и впредь те творческие ресурсы и политическая воля

для сохранения своего «мягкого могущества» в мире, где процессы экономической, политической, культурной и религиозной интеграции ежегодно возрастают.

Литература

1. Культурная политика // Grandars.ru : [сайт]. — Режим доступа : <http://www.grandars.ru/college/sociologiya/kultura-i-politika.html>
2. Культурная политика // Фонд знаний «Ломоносов»: [сайт]. — Режим доступа: <http://www.lomonosov-fund.ru/enc/ru/encyclopedia:01302:article>
3. Мальро А. Антимемуары / А. Мальро. — СПб. : Владимир Даль, 2005. — 630 с.
4. Об утверждении основ государственной культурной политики : указ президента РФ от 24.12.14 // Президент России : [сайт]. — Режим доступа : <http://kremlin.ru/events/president/news/47325>

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КИНОИНДУСТРИИ В РОССИИ

**А. С. Ряскова, магистрант 1 курса
nstrescue@mail.ru**

Научный руководитель — д-р филос. наук, доц. С. А. Симонова

Киноиндустрия в силу своей социально-культурной значимости, а также присущих ей особенностей экономической деятельности подвержена особому государственному регулированию. Следует отметить, что государственная поддержка осуществляется как по отношению к фильмам, ориентированным на массового зрителя, так и по отношению к фильмам арт-хаусного (авторского) направления, выходящим ограниченным тиражом.

Методы государственного регулирования киноиндустрии в России принято классифицировать по двум критериям: на административные и экономические.

© Ряскова А. С., 2016

Среди административных способов воздействия государства на кинематографию особое внимание следует уделить следующим из них.

Во-первых, необходимость регистрации фильмов с целью их проката и (или) показа. Данная мера реализуется путем получения организацией кинематографии прокатного удостоверения, выдача которого осуществляется Министерством культуры РФ, на основании которого им же производится последующая регистрация картины в Государственном регистре фильмов.

Во-вторых, необходимость в получении удостоверения национального фильма и, соответственно, в удовлетворении фильма критериям национального для получения государственной поддержки в любой из ее форм.

В-третьих, обязанность кинотеатров и других организаций, осуществляющих платный показ фильмов в кинозале, передавать информацию о каждом проданном билете, включающую в себя название кинотеатра, дату, время наименование сеанса и фильма, номер прокатного удостоверения, номер и название кинозала, номер ряда, места, цену билета и скидку на него, в Единую федеральную автоматизированную информационную систему сведений о показах фильмов в кинозалах (ЕАИС) [1].

Следует отметить вероятность введения в обозримом будущем еще одной административной меры. Речь идет о планируемом установлении минимальной доли показа национальных фильмов в общем количестве сеансов для всех демонстраторов и административной ответственности за нарушение данного требования, т. е. внедрении квот на показ российских кинофильмов.

Экономическое воздействие государства на киноиндустрию осуществляется следующим образом: федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным осуществлять государственную поддержку кинематографии, и, соответственно, главным распорядителем бюджетных средств является Министерство культуры РФ. Однако значительную их часть оно передает Федеральному фонду социальной и экономической поддержки отечественной кинематографии (Фонду кино), определяя при этом объемы и направления их использования и осуществляя в дальнейшем контроль за данным процессом.

Полномочия по осуществлению государственной поддержки распределяются между ними следующим образом. Фонд кино поддерживает производство прежде всего полнометражных игровых и анимационных национальных фильмов, создаваемых лидерами отечественного кинопроизводства и иными организациями кинематографии. Министерство культуры финансирует производство, прокат и показ фильмов для детей и юношества, дебютных, авторских и экспериментальных игровых национальных фильмов, национальных фильмов социально значимой тематики, телевизионных сериалов, киножурналов, документальных, научно-популярных, а также проведение мероприятий, таких как: кинофестивали на территории России, недели российского кино за рубежом, представление российской кинематографии на международных кинофестивалях и кинорынках [2].

Источником финансирования поддерживаемых Фондом кинопроектов являются как субсидии из федерального бюджета, предоставляемые ему ежегодно Министерством культуры на основании заключаемого между ними соглашения, так и средства, поступающие от организаций кинематографии, предоставленные им ранее на условиях возвратности [3].

Что касается объемов средств, выделяемых на поддержку производства национального кинематографа, то и представители Министерства культуры, и кинематографисты признают, что выделяемых в настоящее время средств явно недостаточно, их необходимо увеличить: российское кино существует в ситуации жесткой конкуренции с западной продукцией. Основными экономическими способами государственного регулирования киноиндустрии являются государственные планирование и программирование, реализуемые посредством разработки и принятия различных государственных программ. Государственная программа представляет собой систему мероприятий и инструментов государственной политики, обеспечивающих в рамках реализации ключевых государственных функций достижение приоритетов и целей государственной политики в сфере социально-экономического развития и безопасности.

В настоящее время государственное планирование и финансирование развития кинематографии осуществляются в рамках государственной программы РФ «Развитие культуры и туризма»

на 2013—2020 годы, а если быть точнее, то в рамках ее подпрограммы «Искусство» и ФЦП «Культура России (2012—2018 годы)».

В нынешнем, 2016 г., объявленном Годом кино в России, в программе государственного регулирования обозначены меры по разработке ряда законодательных инициатив по ужесточению требований для зарубежного кино в интересах национального кинематографа, планируются меры по увеличению выпускаемых в России фильмов, строительству новых кинотеатров в регионах и модернизации уже существующих. Ожидается, что российское кино получит всестороннюю поддержку и при продвижении на международные рынки. Новой целью должно стать не только увеличение общего объема снимаемых картин, но также качество и содержание снимаемых кинофильмов. Поддержка кинопроизводства в финансовом плане останется на прошлогоднем уровне — в районе 6 млрд. рублей, что в силу сокращений прочих статей бюджета можно считать хорошей новостью. Также будет скорректирована сама структура расходов — например, в три раза увеличится финансирование дебютов [4, с. 9].

Таким образом, особенность российской киноиндустрии состоит в том, что одним из главных участников кинопроцесса по-прежнему продолжает оставаться государство в лице законодательных и исполнительных органов власти федерального уровня и обеспечивать регулирование отрасли за счет правовых и финансовых механизмов.

Литература

1. О государственной поддержке кинематографии Российской Федерации : закон от 22.08.1996 г. № 126-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Об утверждении Порядка разработки, реализации и оценки эффективности государственных программ Российской Федерации: пост. Правительства РФ от 02.08.2010 г. № 588.

3. О предоставлении субсидий из федерального бюджета на поддержку кинематографии : пост. правительства РФ от 25.12.2012 г. № 1397.

4. Корнацкий Н. 2016 год объявлен Годом российского кино. Что это значит? / Н. Корнацкий // Известия. — 2015. — № 12. — С. 9.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СООБЩЕСТВА ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ В ИТАЛИИ

И. Г. Строков, студент 2 курса
igstrokov@yandex.ru

Научный руководитель — канд. филос. наук, доц. В. Н. Гущина

На первый взгляд громоздкая формулировка проблемы в действительности иллюстрирует весьма непосредственную задачу, решение которой является целью данного исследования. В первую очередь нас интересует процесс изменения положения художника в обществе, что включает в себя освещение трансформации его экономического и социального статуса, а также иллюстрацию взаимосвязи между этими переменами — с одной стороны, в базисе его бытия, а с другой, в общественном мнении и отношении к художнику в среде возрожденческой интеллигенции.

Следует начать с того, что в средние века художник работал на цеховой основе. То есть все мастера, которые занимались изобразительным искусством, были заключены в цехи и гильдии вместе с ремесленниками и рабочими. «Цехи принимали художников в обучение, воспитывали их, делали из них мастеров и направляли их дальнейшую деятельность» [2]. Здесь важно отметить, что независимо от того, к какому цеху принадлежал художник, как бы ни менялись права и свободы этой организации (на юге Европы цехи, как правило, были либеральнее и демократичнее, чем на севере), этот вид торгово-ремесленной корпорации всегда ограничивал индивидуальное развитие художника и его творческую свободу. Цехи воспитывали в художниках коллективное сознание и долгое время сохраняли пережитки религиозных братств, избирали своим покровителем какого-нибудь святого. «Свободное развитие индивидуального таланта художника задерживалось не только застывшими статутами и условными традициями, но и тем, что нередко в одном цехе объединялись совершенно чуждые друг другу специальности» [2].

Соответствующее отношение к художникам было и в обществе. «В средние века (да и в античности) с обликом художника были традиционно связаны представления об остроумии, озорных и непристойных выходках, уме пополам с придурью — нечто шутовское и карнавальное, излюбленные сюжеты для новелл» [1]. Специфическим было и их социальное положение, а точнее их мобильность. Художник был привязан к цеху, в средние века не было путешествующих подмастерьев. Ченнино Ченнини, художник и теоретик искусства эпохи Возрождения, известный своими консервативными взглядами, в своем трактате «Об искусстве» говорил: «Кто хочет приобрести в искусстве умение и имя, тот должен оставаться на месте» [4, с. 19].

Но все меняется с приходом Ренессанса. Положение художника начинает претерпевать изменения, что связано с рядом причин. Во-первых, начинается процесс разложения цехов. «В этом процессе на первый план выступают вопросы структуры производства, вырастающей в XVI-XVII вв. на базе цеховых порядков, претерпевающих в наиболее развитых центрах Италии существенные изменения вплоть до фактического превращения в раннюю мануфактуру» [3, с. 16]. Во-вторых, большую роль в изменении статуса художников сыграло пополанство. Зарождающийся класс буржуазии стремился культурно аргументировать свое высокое положение в обществе, в связи с чем возрастает спрос на различные произведения искусства. Теперь художник становится мобильным, а путешествия превращаются в неотъемлемую часть его профессиональной практики. Сам Леонардо отныне требует, чтобы юные ученики скитались и набирались опыта.

Несомненно, трансформируется и отношение к художнику в массах, в интеллигенции, политической элите. Теперь все те странности художников, которые были предметом насмешек в средние века, становятся положительными качествами, свидетельствующими о приобщенности художников к ренессансной элите. Уже упомянутый Ченнино Ченнини говорит в своем известном труде о том, что художник, «помимо умеренного и воздержанного образа жизни, должен отдаться изучению теологии, философии и других наук» [4, с. 18]. Кардинальным образом ме-

няется общий образ живописца: «Весь семантический набор гуманистических и неоплатонических стереотипов, обрисовывающих философа, распространяется, с необходимыми вариациями, во второй половине XV в. также и на художника: аркадийская тишина, медитативная сосредоточенность и порождаемая ею «творческая лень», одиночество, сатурнинская «гениальность», демонизм, амбивалентная меланхолия (чувственность и созерцательность)» [1]. Довольно актуальной здесь будет фраза, которую сказал однажды Козимо Медичи, защищая своеволие Филиппо Липпи: «Редкие таланты — это небесные существа, а не ослы с поклажей».

Итак, предложенные тезисы наводят нас на мысль о том, что положение художников от средневековья к ренессансу претерпело значительные изменения. Теперь живописцы отходят от цехов, приобретают творческую свободу, начинают работать на заказ, становятся подвержены как вертикальной, так и горизонтальной мобильности. В то же время меняется и общественное мнение по поводу людей искусства: теперь в политической и духовной элите, ренессансной интеллигенции, художник становится значимой фигурой.

Литература

1. *Баткин Л. М.* Изменение общественного статуса художников Ренессанса / Л. М. Баткин // *Итальянские гуманисты : стиль жизни и мышления.* — М. : Наука, 1978. — С. 43—47.

2. *Виппер Б. Р.* Цеховое обучение художников и борьба за развитие индивидуального таланта / Б. Р. Виппер // *Введение в историческое изучение искусства.* — М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2004. — С. 33—37.

3. *Рутенбург В. И.* Италия и Европа накануне нового времени : очерки / В. И. Рутенбург. — Л. : Наука, 1974. — 324 с.

4. *Ченнини Ч.* Книга об искусстве, или Трактат о живописи : практическое руководство / Ч. Ченнини. — СПб. : Библиополис, 2008. — 270 с.

ОСОБЕННОСТИ ПРОКАТА АВТОРСКОГО КИНО В РОССИИ

С. Н. Чайкина, магистрант 1 курса
Научный руководитель — д-р культурологии,
проф. Т. А. Дьякова

Вопросы дистрибуции авторского кино имеют принципиальное значение для культуры. Это связано с тем, что произведения авторского кинематографа являются элементом высокого искусства и затрагивают самые актуальные социально—политические и экзистенциальные темы. Значительная часть картин посвящена осмыслению традиционных представлений об этике, морали, о месте и роли человека в сегодняшнем мире.

Стоит отметить и то, что авторское кино — это источник другой эстетики с нестандартным видением обычных вещей, с использованием принципа ассоциации как важнейшего элемента экранной выразительности, с подчеркнутой индивидуальностью кинорежиссера, с местным или социальным колоритом.

Несмотря на культурную значимость подобных кинокартин, в России складывается ситуация при которой у авторского кино «практически нет путей выхода к широкому зрителю, чтобы попытаться приподнять его интеллектуальный, душевный и духовный уровни» [4].

Для начала, рассмотрим основные способы проката авторского кино. К ним относятся: фестивальное показ; интернет каналы (on-line кинотеатры); продвижение фильма в кинотеатры при помощи дистрибьютора; «самокат»; распространение на DVD и Blu-Ray; телевидение.

Таким образом, каналы, используемые для дистрибуции авторского кино, те же, что и при дистрибуции массового кино, однако крупные компании — дистрибуторы, как правило, отказываются работать с такими картинками, так как их технологии отработаны для продвижения картин, выходящих крупными тиражами и имеющими значительные рекламные средства.

Складывается ситуация, при которой кинотеатрам, как правило, экономически не выгодно работать с авторским кино, это, в первую очередь, связано с недостаточной посещаемостью сеансов

с данными картинами, что во многом определяется слабой информационной поддержкой этих фильмов. К тому же, большинство фильмов, ограничены в количестве копий.

Дистрибуторы, независимо от жанра, делят фильмы по количеству копий: ограниченный прокат, если лента выпускается на экраны численностью до 100 копий; средний — от 100 до 150 копий; широкий — свыше 150 копий [4].

Авторское кино в России выпускается на отечественные экраны, в среднем, 25—60 копиями [2].

Помимо проблемы ограниченности копий, существует так же нехватка кинотеатров, которые демонстрируют авторское кино. Дистрибуторам довольно трудно убедить администрацию кинотеатров демонстрировать высокохудожественные, однако, нерентабельные ленты, которые не собирают многочисленную аудиторию, а, следовательно, обрекают их на убытки [3]. Сегодня, ситуация такова, что в широкий прокат попадают авторские фильмы, если имя режиссера известно в России, и его произведения пользуются успехом у зрителей. Например, все работы К. Тарантино, Ларса фон Триера, П. Альмадовара традиционно демонстрируются в большинстве отечественных кинотеатров, привлекают большое количество зрителей и гарантированно приносят прибыль прокатчикам.

По словам главного редактора журнала «Искусство кино», режиссера Д. Дондурейя из 2800 российских коммерческих кинозалов авторское кино специализировано показывают лишь 19 кинотеатров страны. При этом 80 % кинотеатров, специализирующихся на авторском кино сконцентрированы в Санкт-Петербурге и Москве [1]. Следовательно, и центр дистрибуции авторского кино сосредоточен в столицах страны, а основная масса российских зрителей не имеет возможности сходить на такое кино или не имеет информации о том, что такие фильмы существуют.

В результате, авторское кино вытеснено на далекую периферию. Для того, чтобы продукт режиссерского кинематографа нашел своего зрителя создаются кинофестивали, способствующие популяризации авторского кино. Фестивальное пространство дает возможность участникам выйти к широкому зрителю, продемонстрировать свою работу деятелям кино, получить отзывы СМИ и наладить творческие связи. Данное мероприятие позволяет зрителю

увидеть современные тенденции в кинематографе, открыть новые имена, присутствовать на обсуждениях и мастер-классах.

Участие в программе кинофестиваля — единственный путь для молодых кинематографистов найти свою аудиторию.

По мнению многих российских продюсеров, привлечь зрителей в кинотеатры на авторское кино возможно лишь фильмами, громко прозвучавшими на международных фестивалях или кинопремиях.

При изучении распространения авторских фильмов с использованием DVD и Blu-Ray, дистрибьюторы сталкиваются с проблемой низкого объема продаж. Это объясняется отсутствием должной информационной и рекламной поддержки, без которой диски с фильмами, не имевшими успешной кинотеатральной судьбы, не пользуются популярностью. Средства массовой информации редко упоминают про авторские и экспериментальные фильмы, не ставшие лауреатами крупных фестивалей. Так же скромный спрос на диски объясняется распространенностью «пиратства».

На основании вышеизложенного, можно говорить о том, что экономические условия, сложившиеся на рынке дистрибуции и кинотеатрального проката, препятствуют успешному распространению авторских фильмов, выходящих малыми тиражами и не имеющих рекламной поддержки. В данной ситуации, единственная возможность привлечь зрителя к картине — ее участие в киносмотргах, и чем кинофестиваль масштабнее, тем больше шансов у фильма попасть в кинотеатры и на телевидение.

Литература

1. Дондурей Д. Как вернуть зрителя российскому кинематографу / Д. Дондурей // Искусство кино. — 2015. — № 1. — С. 14—27.
2. Лужин А. В. Киностатистика—2011 : статистический сборник / А. В. Лужин. — Москва : Универс-Консалтинг, 2012. — 168 с.
3. Петрова Ю. Б. Анализ системы дистрибуции авторского и экспериментального кино. Экономический и организационно-управленческий аспекты / Ю. Б. Петрова, Н. А. Астахова, А. В. Лужин. — М. : Универс-Консалтинг, 2012. — 97 с.
4. Разлогов К. Э. Мировое кино. История искусства экрана / К. Э. Разлогов. — М. : Эксмо, 2011. — 688 с.

СЕКЦИЯ ОБЩЕЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

СМЫСЛОЖИЗНЕННЫЕ ОРИЕНТАЦИИ У ВЕРУЮЩИХ И АТЕИСТОВ

А. А. Азнаурьянц, магистрант 1 курса
artemwork@ya.ru

Научный руководитель — канд. психол. наук,
доц. О. В. Тимофеева

В большинстве толковых словарей понятие «смысл» трактуется как синоним «значения», но если проследить исторический путь развития этого понятия, его корни неразрывно связаны с герменевтикой — наукой о толковании смыслов Священного писания. Матиус Флациус Иллирийский в XVI веке говорит о том, что слово может иметь одно значение, но различные контексты могут задавать различный смысл в понимании слов и их сочетаний. Вне контекста слово смысла не имеет. Аналогично, чтобы понять смысл фразы, нужно выйти за пределы фразы, чтобы понять смысл жизни, нужно выйти за пределы жизни.

В двадцатом веке проблему смысла в зарубежной психологии разрабатывал А. Адлер, который подчеркивал важность нахождения индивидуального смысла жизни человека. Смысла по Адлеру — это ответ на вопрос «Зачем?». Впоследствии, В. Франкл создает логотерапию — терапию по поиску смысла, и утверждает, что многие психические расстройства связаны с утратой смысла жизни. Это состояние он называет экзистенциальный вакуум. Оба исследователя подчеркивают уникальность смысла для каждого человека. Юнг от-

мечает, что в молодом возрасте сильнее ориентация на действие, а познание смысла жизни становится важнее в старшем возрасте. Д. Ройс считает фрустрацию потребности в смысле причиной ряда психологических расстройств, образующих ядро того, что принято называть психическими заболеваниями. В дальнейшем смысл разрабатывается в двух направлениях: как интегративная основа личности и как структурный элемент сознания и деятельности.

В отечественной психологии А.Н. Леонтьев вводит понятие «Личностный смысл», который выступает как связующее звено между сознанием и деятельностью. С начала семидесятых годов смысловое образование становится «специфической базовой единицей личности». Б.С. Братусь подчеркивает, что в отличие от личностного смысла — отношения мотива к цели, смысловые образования лежат «за» мотивами; к смысловым образованиям Б.С. Братусь относит и ценности. А.Г. Асмолов вводит понятие динамической смысловой системы, обладающей внутренним движением, некой иерархией смыслов [1].

Вера ассоциируется в первую очередь с понятием «веры в Бога», и это неудивительно. Ни один человек не обошел в своей жизни вопрос своей собственной веры и для многих он остается открытым и неопределенным до конца на протяжении всей жизни. Давая характеристику веры, следует учитывать, что понятие веры не ограничивается только религиозной составляющей, но имеет также повседневный обиход, такой как вера в победу, вера в правду, вера в человека и т.д. Формирование веры происходит, когда человек не может найти чему-то рациональное объяснение или спрогнозировать ближайшее будущее. По Р. М. Грановской «вера возникает и поддерживается неопределенностью, отсутствием или недостатком информации» [1]. Фактически тогда, когда остается только верить. В этой простой фразе заложен смысл того, что называется потребностью в вере. Человеку просто необходимо иметь некое представление о будущем. Даже сильно зафиксированные на настоящем, пребывающие здесь и сейчас, строят в своем сознании определенную картину будущего, имеют цели в жизни и стремятся к ним. Это одна из предпосылок веры. Вторая, это стремление человека найти ответы на возникающие вопросы относительно других людей, природных явлений и всего того, что он

не может объяснить. Соединяясь в человеке, эти два стремления порождают веру и ее продукты. Продуктами веры могут быть как некие образы и представления о будущем, так и некие убеждения, необходимые для объяснения происходящего, необъяснимых фактов. Сильная вера способна создавать и менять ценности человека, порождать идеалы. «Человек без веры, ни во что не верящий — это человек без будущего, без нравственных перспектив и опор в жизни, не способный к преодолению и преобразованию себя и действительности, человек причинно обусловленного, но отнюдь не целесозидающего действия» [2]. Вера и поиск смысла необходимы человеку и связаны, так или иначе, с построением картины мира настоящего и будущего.

Религиозная вера начиналась с мифологии и язычества, которые, по мере развития людей и просвещения были отвергнуты. Появились иудаизм, христианство, ислам. Атеизм — это тоже вера, только не в существование, а в отсутствие Бога. Неверующих людей нет. Как разновидность веры атеизм появился в конце XIX века и факторами его формирования стали научно-технический прогресс и теория Дарвина, опровергнутая современной наукой, но преподаваемая в школах до сих пор.

Существенно важным в изучении религий является их нравственная составляющая, которая формирует у верующего человека представления о добре и зле, влияет на его отношение к людям и задает некий ценностный идеал (Сверх-я, по З. Фрейду), предлагает недостижимую ценностную планку. Стремление соответствовать этому идеалу — смысл жизни для верующего. Поскольку ценности совместно с потребностями порождают мотивы и цели, получается, что степень религиозности и верований в части принятия идеальных ценностей и следования им будет определять личностный смысл человека. Если рассматривать смысл с адлеровским вопросом «Зачем я это делаю?» или «Зачем я живу?», т.е. как объяснительное понятие, религия дает однозначный ответ на этот вопрос и, более того, предлагает человеку механизмы достижения этой цели. В христианстве этот идеал есть царство небесное, причем не только в будущей вечной жизни, а здесь и теперь, проявляющееся в виде обретения бескорыстной любви и богоуподобления. Примером является Иисус Христос, молящийся за своих палачей, а инструкцией — священное писание

в виде евангелия и творений святых отцов церкви. Идеологическая определенность смысла жизни в христианстве очень конкретная. «Религия отражает вертикальную устремленность человека к высшему смыслообразующему началу и в этом плане отвечает его насущной потребности поиска смысла, неуничтожимого, неустранимого фактом его смерти» [3]. Здесь уместно уточнение, что речь идет об идеале, к которому верующий стремится, это не означает, что он ему априори соответствует. Тех, кто приближается к идеалу, заслуженно называют святыми. В атеизме напротив во главу угла ставится человек, научно-технический прогресс и прочие достижения человечества. Потребность в вере реализуется через «веру в светлое будущее», веру в лучшую жизнь следующих поколений (тоже определенный смысл, порождаемый верой), веру в значимость собственной жизни и желание оставить что-то людям после себя и в разные другие формы верований, которые, как мы уже говорили, необходимы человеку. Картина же ценностей может быть совершенно разнообразной. Человек, заявляющий себя атеистом, говорит о том, что только он решает, что и как он будет делать и ценности семьи, брака, детей, чести и совести существуют для него в рамках его выбора, который невозможно предугадать и определить заранее. Он и сам признает, что может поступить так, как он захочет... В силу неопределенности «идеальных» ценностей, которые определяют смысл жизни, смысложизненные ориентации у атеистов будут отличаться от верующих. Если у верующего смысл жизни определен, то атеист может либо находиться в постоянном поиске этого смысла, либо вообще не интересоваться этим вопросом. Однако частные промежуточные текущие смыслы могут находиться атеистом достаточно успешно, и его жизнь может быть вполне осмысленной. Существенным отличием является непредсказуемость атеиста, которая может проявляться в экстремальных ситуациях и в другие моменты преодоления трудностей.

В современном мире становятся все более доступны материальные ценности и развлечения. В этом ключе вопрос личного выбора становится особенно актуальным. Поскольку личный выбор определяется в первую очередь потребностями и ценностями, и опосредован смыслами и верою, осознание смысла жизни, смысла конкретных действий и будет определять выбор либо в

пользу праздности и расслабления, либо в пользу продуктивности и нормального морального напряжения. Осознание это и есть нахождение смысла, пусть частного, но влияющего на деятельность и на жизнь в целом. Важность для личности и ее продуктивного развития наличие недостижимых нравственных идеалов и ценностей невозможно переоценить, ибо, при их отсутствии, жизнь может быть осмысленной, но будет ли она способствовать развитию личности и общества в целом? И какой вектор будет иметь такая жизнь?

Литература

1. Грановская Р. М. Психология веры / Р. М. Грановская — СПб., 2004. — 372 с.
2. Братусь Б. С. Аномалии личности / Б. С. Братусь. — М., 1988. — 304 с.
3. Братусь Б. С. Христианская и светская психотерапия / Б. С. Братусь // Московский психотерапевтический журнал. — 1997. — Спецвыпуск № 4. — С. 7—18.

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ЛИДЕРСТВА

Р. А. Аклуниц, студентка 3 курса
aklunts.radmila@yandex.ru

Научный руководитель — д-р психол. наук, доц. К. М. Гайдар

Первые исследования в области гендерных аспектов лидерства были проведены в США. Активно гендерная психология лидерства как научное направление начала развиваться с 70-х годов XX века. Ее развитие происходило под влиянием феминистской психологии на перекрестке социальной психологии, психологии половых различий, психологии женщины, социальной психологии взаимоотношений между полами. Главные представители этого направления — Ш. Берн, Я. Джорстад, Э. Игли, Дж. Роузнер. В со-

временных российских социально-психологических исследованиях эти вопросы разрабатывают Т. В. Бендас, Е. А. Здравомыслова, А. Е. Чирикова и другие авторы.

В литературе представлены три области гендерных аспектов лидерства [3]: гендерный фактор считается главным; предпочтение отдается лидерским качествам; оба аспекта рассматриваются как равноправные.

К первой области относят следующие концепции.

Теория гендерного отбора лидеров, которая была разработана Дж. Боуменом и С. Суттон, базируется на предположении, что люди и в организациях, и в частной жизни предъявляют различные требования к лидерам разного пола. По отношению к женщинам эти требования следующие: чтобы получить руководящую должность, она обязана продемонстрировать гораздо большую компетентность. Поскольку это трудно, признанных женщин лидеров мало.

В концепции токенизма Г. Кэнтер предполагает, что на групповую динамику значительное влияние оказывает пропорция представителей разнообразных категорий (в нашем случае — по половому признаку) в группе. Члены группы, представляющие большинство, были названы доминантами, а меньшинство — «токенами» (символами). Токены примечательнее через свою малочисленность, их характеристики преувеличиваются, они воспринимаются стереотипнее [1].

Идея андрогинов объясняет отсутствие различий между лидерами разных полов. Дж. Спенс рассматривает андрогинность как сочетание показателей высокой маскулинности и высокой феминности. С. Бем представляет андрогинность как баланс между маскулинностью и феминностью.

Фрейдизм связывает женское лидерство с ненатуральной маскулинной гендерной ролью. Он рассматривает стремление к лидерству как проявление неполноценности женщины, как зависть к мужскому полу. В последнее время взгляды психоаналитиков несколько изменились. Я. Джорстад выявил тенденцию к нарциссизму как у мужчин, так и у женщин лидеров. По данным его исследований, значительная часть лидеров демонстрирует признаки нарциссической тревоги.

Второе направление в гендерных исследованиях лидерства представлено следующими подходами.

Ситуационно-должностной подход (Г. Хауз, Дж. Хант) на первое место ставит не пол, а должность, занимаемую человеком в организации. Мужчины и женщины, которые занимают высокие должности и успешно выполняют лидерские роли, не должны значительно отличаться друг от друга ни по поведению, ни по факторам эффективности.

Вероятностная модель лидерства, предложенная Ф. Фидлером и К. Шнейером, предусматривает, что женщины и мужчины будут отличаться по лидерской эффективности лишь в том случае, когда будут демонстрировать разный лидерский стиль. Эти исследования обнаружили только бóльшую ориентированность руководителей (как женщин, так и мужчин) на выполнение заданий в сравнении с рядовыми членами группы, но не выявили у лидеров стилевых гендерных отличий.

В рамках третьего направления большое количество исследований посвящено изучению влияния стереотипов в восприятии роли лидеров как мужского, так и женского пола. Э. Игли и Б. Джонсон провели ряд важных исследований по гендерным вопросам стиля руководства, обнаружив наличие негативных установок в обществе относительно женщин-руководителей [2]. В результате Э. Игли разработала социально-ролевую теорию гендерных различий лидеров: чтобы добиться успеха в обществе, мужчины и женщины-лидеры должны соответствовать гендерному стереотипу. С другой стороны, роль лидера также предъявляет свои требования к индивиду. Поскольку, согласно стереотипам, эта роль является маскулинной, то женщины-лидеры будут испытывать конфликт между гендерной и лидерской ролями. Такой ролевой конфликт снижает самооценку у женщин-лидеров, порождает неуверенность в себе. Следствием этого является падение производительности труда. Следовательно, мужчины в роли лидера, по сравнению с женщинами, имеют существенные преимущества.

Другая концепция — «гендерного менеджмента» — рассматривает, какие защитные стратегии и техники, связанные с нехваткой власти и дефицита лидерства, используют женщины в процессе осуществления лидерства. Кардинальных различий между муж-

чинами и женщинами с точки зрения эффективности руководства нет, однако в одних ситуациях и ролях более эффективны мужчины, в иных — женщины. В управлении женщинам присущ преимущественно демократический и либеральный стиль, в то время как мужчинам — демократический и авторитарный. Для реализации принятых решений женщинам характерно четкое распределение функций исполнения, умение оказывать помощь. При организации контроля за ходом исполнения решений у них преобладает поэтапная форма в виде регулярных текущих проверок, недопущение затягивания нежелательной ситуации [4]. В управлении персоналом женщина-руководитель больше внимания уделяет отношениям между членами коллектива, ее больше волнует сфера межличностных отношений, чем руководителя-мужчину. Женщина более тонко реагирует на морально-психологический климат в коллективе [2].

Таким образом, взгляды психологов на гендерные аспекты лидерства разнообразны. Исследование гендерных аспектов лидерства обусловлено существующим противоречием между имеющимися представлениями о модели лидерского поведения мужчин и женщин и существующими запросами относительно поведения лидеров-женщин и лидеров-мужчин. Научный дискурс, связанный с вопросом лидерства, диктует необходимость объяснения двойственных эмпирических данных, потребность в создании системной концепции женского лидерства, которая бы имела практическое значение для современности.

Литература

1. Бендас Т. В. Гендерная психология / Т. В. Бендас. — СПб. : Питер, 2006. — 431 с.
2. Берн Ш. Гендерная психология. Законы мужского и женского поведения / Ш. Берн. — СПб. : Прайм—ЕВРОЗНАК, 2007. — 204 с.
3. Теория и методология гендерных исследований : курс лекций / под общ. ред. О. А. Ворониной. — М. : МЦГИ, 2001. — 416 с.
4. Чирикова А. Е. Женщина во главе фирмы / А. Е. Чирикова. — М. : Изд-во Института социологии РАН, 1998. — 358 с.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОНЯТИЙ СОЗАВИСИМОСТЬ И МЕЖЛИЧНОСТНАЯ ЗАВИСИМОСТЬ

Ф. Н. Баскаков, магистрант 1 курса
Cane-makaveli-4ever@yandex.ru

Научный руководитель — канд. психол. наук О.П. Макушина

Точное и грамотное понятие, обозначающее то или иное явление, служит одной из значимых предпосылок к его дальнейшему изучению, поскольку именно на основе определения данного понятия, а также на понимании границ конкретного феномена и его предполагаемых и подтверждённых характеристик строится любое исследование. Трудности в понимании различий и особенностей видны при сравнении таких понятий как созависимость и межличностная зависимость.

Для начала дадим краткую характеристику такого явления как созависимость.

В узком смысле созависимость понимается как зависимость от аддикта, т. е. от зависимого человека. Однако это не единственное определение этого понятия. Существует мнение, в соответствии с которым созависимость рассматривается как эмоциональная зависимость от другого, значимого человека. В качестве основной причины возникновения созависимости рассматривается отсутствие здорового «Я» личности, являющегося следствием нарушений во взаимодействии ребёнка с родителями. У таких людей наблюдается отсутствие ассимилированных ценностей, норм и правил поведения, в результате чего они склонны к перениманию недостающих частей Я у других людей путём слияния с ними. В результате имеющихся нарушений, для таких людей свойственны следующие личностные характеристики: нарушение самооценки, неопределённость психологических границ, сконцентрированность на значимом другом в ущерб своих желаний целей и потребностей.

Теперь перейдём к рассмотрению феномена межличностной зависимости.

Под межличностной зависимостью понимается зависимость с фиксацией на конкретном человеке или на группе людей (членах референтной группы или некоторой социальной общности и т.д.) с

целью получения помощи и поддержки. В качестве основных характеристик личностей с такого рода зависимостью можно выделить: нарушение самооценки, неопределённость психологических границ, потребность в осуществлении контроля или в контроле со стороны другого, склонность к переживанию тревоги и страха в ситуациях, связанных с собственным выбором. На данный момент нет четко установленных причин формирования межличностной зависимости, однако важно отметить, что исследования, проведенные О.П. Макушиной и опубликованные в статье 2011 года, под названием «Склонность к различным аддикциям в современной семье», свидетельствуют о том, что в формировании аддикции такого рода большую роль играет семья и стиль воспитания, используемый родителями [3].

Сравнивая описания исследуемых понятий, можно заметить некоторую схожесть в определениях явлений (второй вариант трактовки понятия созависимость по своему содержанию очень близок понятию межличностной зависимости). Кроме того, наблюдается некоторая схожесть в характере проявления данных феноменов (таких как нарушение самооценки, психологических границ, возложение на себя ответственности за другого, а также заикленность на значимом другом).

Возникает ряд трудностей, при попытке сопоставить причины возникновения каждого из явлений, связанных с тем, что феномен межличностной зависимости ещё недостаточно изучен. Однако следует отметить, что, на мой взгляд, данные о роли семьи и стиля воспитания в формировании личности с межличностной зависимостью хорошо сочетаются с концепцией созависимых отношений, предложенной Берри и Дженой Уайнхолд [6]. В качестве первопричины созависимости они рассматривали нарушения, происходящие на ранних этапах развития ребёнка, в период от рождения и до 6 лет, говоря о том, что в этот период ребёнок должен пройти две важных стадии своего психического развития: стадию соединения (0—3 лет) и стадию отделения (3—6 лет). Однако важно отметить, что в своей концепции Б. и Дж. Уайнхолд пользуются термином созависимость, а не межличностная зависимость.

Исходя из сказанного выше, можно предположить, что термины созависимость и межличностная зависимость служат для описания схожих психических явлений. Считаю возможным предположить,

что в качестве основной линии разделения этих двух понятий может являться то, что созависимость может предполагать наличие дисфункциональных отношений с человеком, имеющим аддикции других видов (алкогольную, химическую и др.). А межличностная зависимость предполагает наличие зависимости от конкретного человека или группы лиц с зависимостью того же типа (т.е. с межличностной зависимостью), необходимой для заполнения внутренней пустоты, для получения картины себя как личности, поскольку без установленной с кем-либо близкой связи человек не ощущает своей целостности. Однако точно установить характер взаимодействия этих двух понятий исходя из проведённого анализа литературы нельзя. Это может быть обусловлено тем, что на данный момент феномен межличностной зависимости изучен, не так глубоко, что не позволяет однозначно сказать о характере его взаимодействия с термином созависимость. Кроме того, некоторые авторы создают путаницу, используя в своих исследованиях термин созависимость, но описывая и давая интерпретацию явлений, которых скорее подходят под понятие межличностной зависимости.

Литература

1. Емельянова Е. В. Кризис в созависимых отношениях. Принципы и алгоритмы консультирования / Е. В. Емельянова. — СПб. : Речь, 2008. — 368 с.
2. Макушина О. П. Психология зависимости / О. П. Макушина. — Воронеж : ВГУ, 2001. — 79 с.
3. Макушина О. П. Склонность к различным аддикциям в современной семье / О. П. Макушина // Социальная психология и общество. — 2011. — № 4. — С. 111—122.
4. Проценко Е. Н. Созависимость как психологическая категория / Е. Н. Проценко. — Режим доступа: [http:// www.liferoute.ru/main/15-sozavisimost-kak-psixologicheskaya-kategoriya.html](http://www.liferoute.ru/main/15-sozavisimost-kak-psixologicheskaya-kategoriya.html)
5. Шаповал И. А. Созависимость как жизнь / И. А. Шаповал. — М. : Университетская книга, 2009. — 240 с.
6. Уайнхолд Б. Освобождение от созависимости / Б. Уайнхолд, Дж. Уайнхолд. — М. : Класс, 2002. — 224 с.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МОТИВАЦИИ РОЖДЕНИЯ РЕБЕНКА У ЖЕНЩИН И МУЖЧИН

А. Г. Бобрешова, магистрант 1 курса

n110@mail.ru

Научный руководитель — канд. психол. наук,

доц. И. В. Завгородняя

Актуальность исследования обусловлена снижением рождаемости, изменением традиционной роли семьи в современном обществе, которая направляет мужчин и женщин на самореализацию.

Мотивация рождения ребенка это психическое состояние личности, обуславливающее взаимную согласованность разного рода репродуктивных мотивов женщин и мужчин, направленных на рождение детей, а также побуждающих индивида к достижению определенных целей, социального и психологического характера через рождение детей.

Мотивация рождения ребенка (репродуктивная мотивация) включает не только мотивы, но и потребности.

Потребность иметь детей — это социально-психологическая потребность любого социализированного индивида, проявляющаяся в том, что без наличия детей индивид испытывает затруднения в личностной самореализации [1]. Одним из самых эффективных методов повышения рождаемости является развитие мотивации рождения ребенка у женщин и мужчин. Однако просто рекламы и призывов недостаточно. Как показывают различные исследования, даже выплата за рождение ребёнка не рассматривается большинством семей или холостых женщин и мужчин, как стимул к рождению детей.

У большинства мужчин и женщин заданный вопрос, почему он или она хочет иметь детей, вызывает недоумение. С одной стороны, это можно объяснить психологическим фактом, согласно которому мотивы деятельности, как правило, не осознаются. Обнаружение ведущего мотива порождает специальную задачу осознания его женщиной. Это происходило через определение места деторождения и

детей в ее системе ценностей. С другой стороны, ответ на этот вопрос кажется однозначным, не имеющим альтернативы. Он подразумевает, прежде всего, реализацию потребности в чувстве родительства.

По данным И. Ю. Щегловой, мотивация «последний шанс родительства» основана на потребности иметь «своего» ребенка. Женщины и мужчины, у которых не получается завести собственного ребенка, напрочь отказываются от усыновления. В таких случаях они говорят, что не смогли бы испытывать родительские чувства к совершенно чужому ребенку. Особенности жизненной ситуации (бездетность в позднем для деторождения возрасте) дают этим мужчинам и женщинам основание считать настоящую беременность последней возможностью реализовать свои родительские чувства.

Мужчины и женщины, замотивированные на рождение ребенка наличием мотива «соответствовать социальным нормам», опираются на идеи того, что «у всех есть дети, и у нас должен быть ребенок», «так принято», «хочет муж (жена)», «в семье должен быть хотя бы один ребенок», «семья без ребенка не престижна». Такой мотив рождения ребенка обычно является ведущим преимущественно для незамужних мужчин и женщин и часто сочетается с желанием выйти замуж, чтобы не чувствовать себя одинокими. Их будущий ребенок представляется тем объектом, на который они переносят свою потребность в любви и который может компенсировать их желание быть любимыми и нужными.

В ряде случаев ребенок представляет ценность не сам по себе, а как средство для стимуляции партнера к вступлению в брак. Некоторые считают, что этому будет способствовать давление общественного мнения на партнера по браку.

Таким образом, мотивация деторождения у части мужчин и женщин является не столько реализацией родительского чувства, сколько способом выхода из субъективно трудной жизненной ситуации (одиночество, невостребованность чувств, отсутствие брака), реализации потребности быть любимой, в ряде случаев — способом получения социальных льгот (жилплощадь). В таких случаях можно говорить об извлечении из рождения ребенка «вторичной выгоды» или неспособности адекватно разрешить свою жизненную ситуацию.

Все вышесказанное также касается мужчин и женщин, стремящихся при помощи рождения ребенка сохранить свою семью. Свой брак они оценивают как нестабильный, отношения с мужем или супругой как конфликтные. Однако данный факт не блокирует их репродуктивные мотивы, а наоборот оказывает значимое влияние на сохранение беременности. Они считают, что чувство долга и ответственности сохранит их семью. При помощи беременности они стараются добиться внимания своего партнера, а так же его признания.

Репродуктивным мотивом, свойственным преимущественно женщинам, является мотив рождение ребенка ради здоровья матери. Все чаще современные женщины заняты своей карьерой, у которых в жизни все разложено по полочкам и, зачастую, рождение ребенка планируется после построения карьеры, а это, предположительно, около тридцати лет. Возникшие проблемы со здоровьем трактуются ими или врачами как связанное с отсутствием ребенка. Именно поэтому женщина принимает решение рожать ребенка для улучшения своего здоровья.

Кроме того, репродуктивным мотивом является мотив протеста. Он заключается в том, что мужчины и женщины чувствуют к себе несерьезное, детское отношение со стороны других людей и, чтобы доказать им обратное, заводят ребенка. Зачастую они думают, что им больше никто не посмеет указывать, потому что «я — взрослый человек, я теперь родитель и сам знаю, как мне жить».

Таким образом, репродуктивные мотивы довольно разнообразны и представляют собой как реализацию потребности в родительстве, так и другие, значимые для мужчин и женщин потребности. Мотивация деторождения определяется рядом физиологических, социальных и психологических факторов: возрастом, наличием детей, брака и т. п.

Стоит также отметить, что мотивация рождения ребенка у женщин и мужчин главным образом зависит от личностных установок. Репродуктивные мотивы женщины и мужчины довольно схожи. В большинстве случаев репродуктивными мотивами выступают стремление соответствовать социальным нормам времени, в котором они живут; сохранение семьи при помощи рождения ребенка; мотив улучшения жилищных условий, в том числе при помощи получения материнского

капитала; мотив одиночества, где ребенок выступает объектом, на который мужчина и женщина переносят свою потребность в любви и который компенсирует их желание быть любимыми; а также мотив протеста. В качестве различий в репродуктивных мотивах мужчин и женщин выступает стремление мужчин рождением ребенка продолжить свой род и передать наследие, в то время как женская репродуктивная мотивация основана на потребности почувствовать себя матерью, интерес к беременности, а также стремление сохранить свое здоровье.

Литература

1. *Андреева Т. В.* Психология современной семьи / Т. В. Андреева. — СПб. : Речь, 2005. — 436 с.
2. *Файнбург З. И.* К вопросу о мотивации рождения ребенка / З. И. Файнбург. — М. : Наука, 1970. — С. 66—75.
3. *Родштейн М. Н.* Методологические принципы социально-психологического анализа материнской установки / М. Н. Родштейн, Т. К. Рулина. — Самара : Век-21, — 2005. — С. 250—267.
4. *Магденко О. В.* Условия становления репродуктивной мотивации и формирования материнской ролевой идентичности / О. В. Магденко, И. Я. Стоянова. — Томск : Иван Федоров, 2010. — С. 100—104.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДОВЕРИЯ К ВОЕННОСЛУЖАЩИМ У ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК С РАЗНЫМ УРОВНЕМ ТРЕВОЖНОСТИ

В. В. Гончарова, студентка 4 курса

e-mail:gvv180494@gmail.com

**Научный руководитель — канд. психол. наук,
доц. И. В. Завгородняя**

Проблема доверия к военнослужащим на сегодняшний день остаётся малоизученной. Актуальность данного исследования заключается в том, что доверие к военнослужащим является одним

© Гончарова В. В., 2016

из аспектов общего доверия к окружающей реальности. Во время социальных, политических и экономических преобразований увеличение доверия к военнослужащим становится особенно значимым, поскольку опирается на выполнение ими своих прямых профессиональных обязанностей. Наличие доверия к военнослужащим, с одной стороны, выступает важным аспектом формирования гражданского самосознания юношей и девушек, в том числе при наличии у них разных уровней тревожности, а с другой стороны, может послужить значимым фактором выбора ими профессии военнослужащего, что будет способствовать укреплению российской армии.

Военнослужащий — лицо, состоящее на действительной военной службе и являющееся защитником своей Родины [1]. Доверие рассматривается нами в соответствии с ресурсным подходом Ф.Н. Ильясова [2], которым понимается как совокупность представлений и настроений субъекта: а) отражающих его ожидания того, что объект будет реализовывать некоторые функции, способствующие увеличению или сохранению ресурсов субъекта; б) проявляющихся в готовности субъекта делегировать объекту реализацию этих функций. Тревожность мы будем рассматривать как постоянно или ситуативно проявляемое свойство человека приходить в состояние повышенного беспокойства, испытывать страх и тревогу в специфических социальных ситуациях [3].

Цель проводимого исследования — выявить психологические особенности доверия к военнослужащим у юношей и девушек с разным уровнем тревожности.

Объектом нашего исследования является доверие к военнослужащим, предмет — доверие к военнослужащим у юношей и девушек с разным уровнем тревожности.

Гипотезой нашего исследования выступает предположение о том, что при высоком уровне тревожности юноши и девушки доверяют военнослужащим больше, чем юноши и девушки с низким уровнем тревожности, так как в условиях сильной тревожности юноши и девушки нуждаются в защите извне.

Практическая значимость исследования заключается в использовании полученных результатов при разработке программ

коррекции и повышения доверия к военнослужащим, в частности лиц юношеского возраста с разным уровнем тревожности.

В исследовании участвовали 132 юноши и 140 девушек (возраст от 18—22), студенты ВГУ (экономический факультет, физический факультет и факультет философии и психологии) и ВГТУ (факультет информационных технологий и компьютерной безопасности; факультет энергетики и систем управления).

В качестве методик исследования выступали:

1. Методика оценки тревожности Ч.Д. Спилбергера и Ю.Л. Ханина. [4]

2. Опросник, разработанный нами для изучения доверия к военнослужащим.

При сравнении средних значений по опроснику, разработанному для изучения доверия, видно, что у девушек оно приблизительно одинаковое. В то время как у юношей прослеживаются различия (рис. 1).

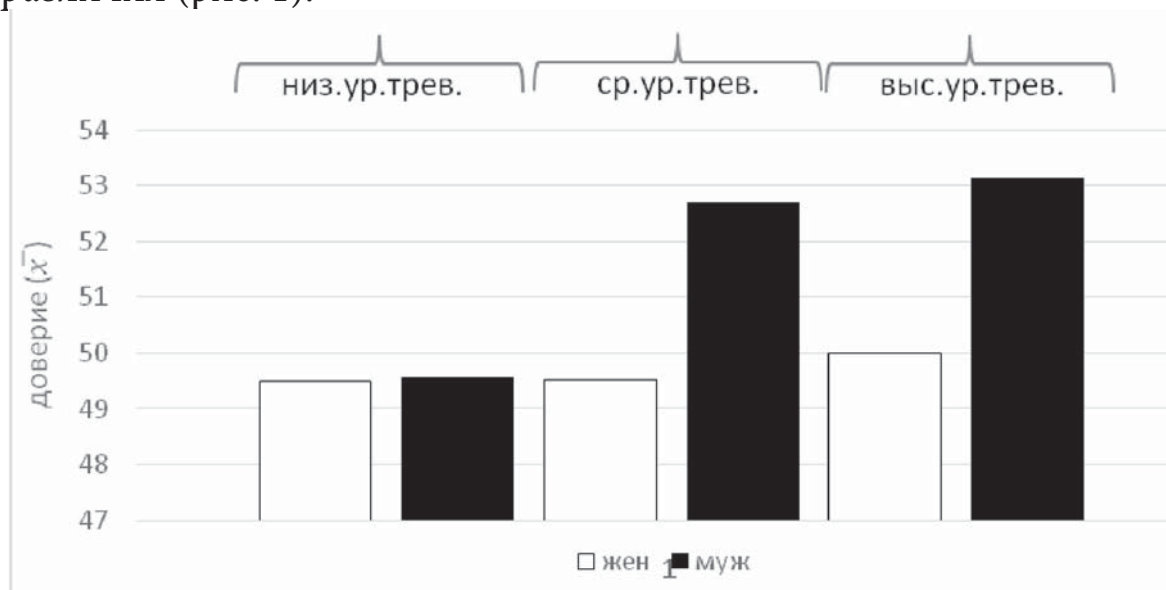

Рис. 1. Среднее значение показателей доверия к военнослужащим у юношей и девушек с разным уровнем тревожности

Критерием математической обработки полученных данных выступал критерий Манна-Уитни.

Между показателями доверия у девушек с разным уровнем тревожности не было выявлено статистически значимых разли-

чий, то есть на каждом уровне тревожности девушки доверяют военным служащим примерно одинаково.

Между показателями доверия у юношей с разными уровнями тревожности были выявлены следующие статистически значимые различия: между юношами с низким и средним уровнем тревожности ($U = 415,5$; $p \leq 0,01$); между юношами с средним и высоким уровнем тревожности ($U = 785$; $p \leq 0,01$); между юношами с низким и высоким уровнем тревожности ($U = 329$; $p \leq 0,01$). Таким образом, чем выше уровень тревожности, тем юноши больше доверяют военным служащим.

При сопоставлении результатов юношей и девушек с разным уровнем тревожности выявлены следующие статистически значимые различия: юноши, имеющие высокий уровень тревожности обладают более высокими показателями доверия к военным служащим, чем девушки с высоким уровнем тревожности ($U = 468$; $p \leq 0,01$), со средним уровнем тревожности ($U = 437$; $p \leq 0,01$), и с низким уровнем тревожности ($U = 389$; $p \leq 0,01$). При этом юноши со средним уровнем тревожности имеют более высокие показатели доверия к военным служащим, чем девушек с низким уровнем тревожности ($U = 320$; $p \leq 0,01$) и высоким уровнем тревожности ($U = 420,5$; $p \leq 0,01$).

Таким образом, было выявлено, что при высоком уровне тревожности юноши больше доверяют военным служащим, чем девушки. А также с увеличением уровня тревожности у юношей повышается доверие к военным служащим. В то время как у девушек такой тенденции обнаружено не было.

Литература

1. *Аверин А. И.* Начальная военная подготовка / А. И. Аверин, И. Ф. Выдрин, Н. К. Ендвицкий. — М. : Просвещение, 1985. — 256 с.
2. *Ильясов Ф. Н.* Типы шкал и анализ распределений в социологии / Ф. Н. Ильясов // Мониторинг общественного мнения : экономические и социальные перемены. — 2014. — № 4. — С. 24—40.
3. *Немов Р. С.* Психология : в 3 кн. — Кн. 3 : Психодиагностика. Введение в научно-психологическое исследование с элементами математической статистики / Р. С. Немов. — М. : ВЛАДОС, 1998. — 632 с.
4. *Райгородский Д. Я.* Практическая психодиагностика. Методики и тесты / Д. Я. Райгородский. — Самара : БАХРАХ-М, 2001. — 672 с.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВИКТИМНОГО ПОВЕДЕНИЯ ЖЕНЩИН В СИТУАЦИЯХ ИЗНАСИЛОВАНИЯ

К.Р. Григорова, студентка 3 курса
grigorova.k@bk.ru

Научный руководитель — канд. психол. наук,
доц. О. П. Макушина

По мнению экспертов, ухудшения в экономической, политической и социальной сферах являются причиной бурного роста преступности и разнообразных социальных конфликтов, в основе которых часто лежат чрезмерная раздражительность, агрессивные проявления, недопонимание людьми друг друга.

Виктимогенные признаки поведения и личности жертвы изучаются молодой междисциплинарной наукой — виктимологией. Виктимное, или виктимогенное поведение понимают как поведение, при котором человек сознательно или бессознательно создает объективные и субъективные условия совершения преступления, пренебрегая мерами осторожности и, тем самым, превращает себя в пострадавшего, в жертву [1].

По мнению многих экспертов, своеобразная предрасположенность женщин быть жертвами сексуального насилия связана с их положением экономической и эмоциональной зависимости от мужчин.

В обществе распространено и закреплено большое разнообразие стереотипов относительно изнасилований. Существование этих стереотипов позволяют людям чувствовать себя в безопасности, поддерживая убеждение, что такие преступления случаются редко, и чаще всего в них виновна сама жертва.

При попытках обратиться в правоохранительные органы женщинам приходится испытывать тяжелое состояние, связанное с чувствами страха, стыда, вины и незащищенности. Жертвам задают вопросы, которые подразумевают их виновность, что только обостряет эти негативные чувства. Дела по факту изнасилования

часто не доходят до суда. Поэтому жертвы изнасилования часто сами не желают сообщать о происшедшем в полицию, т.к. не верят, что их защитят, что они имеют право обратиться за помощью.

Важную роль в успешном преодолении травматической ситуации играет поддержка, оказываемая близкими потерпевшей. Они, как и сама жертва, находятся в состоянии потрясения, поэтому их поведение часто бывает иррациональным [2]. В случае, когда в семье отсутствует глубокая эмоциональная связь и взаимопонимание, близкие склонны обвинять потерпевшую в происшедшем. Они склонны считать, что отсутствие физических повреждений предполагает и отсутствие серьезных последствий для психики потерпевшей. Подобное отношение заставляет жертву замыкаться в себе, тем самым лишая возможности обсуждать свои переживания и чувства.

Однако и в семьях, члены которой эмоционально связаны между собой, может осуществляться вторичная виктимизация жертвы. Родные жертвы, также, как и она пытаются найти причину случившегося, обвиняют себя в произошедшем. Следствием этого может стать гиперопека пострадавшей, желание контролировать её поведение. Однако важно помнить, что характерным признаком данного травматического опыта является потеря контроля над собственной жизнью и поведением, и для жертвы крайне значимо восстановление этого чувства контроля.

Реакции семьи жертвы также негативны, как и ее собственные, но менее интенсивны. Они возвращаются к нормальному эмоциональному состоянию гораздо быстрее, и им кажется, что и жертва справилась со своими психологическими проблемами. Такая недооценка трудности процесса возвращения к нормальной жизни также мешает процессу выздоровления потерпевшей.

Основы виктимного поведения закладываются в процессе формирования личности женщины. Незащищенность перед общественным мнением лишь усиливает виктимность личности. Родительские «сценарии» жизни являются причиной многих изнасилований: когда дети наблюдали насилие в отношениях между родителями, проявлялись грубость и цинизм по отношению к женщине, на их глазах совершались половые акты, существовала безнадзорность детей в период их полового созревания [3].

А. Берджесс и Р. Холмстрем описали травматический (реактивный) синдром изнасилованных (ТСИ). Авторы выделяли в нем две стадии.

Острая стадия дезорганизации наступает сразу же после нападения и может длиться от нескольких дней до нескольких недель после атаки. Потерпевшая чувствует страх и собственную вину в произошедшем, не может поделиться с близкими случившимся. В поведении проявляются некоторые аномалии: женщина может казаться тревожной или наоборот абсолютно спокойной; для неё становится сложным концентрироваться на повседневных задачах и решать их; воспоминания об изнасиловании могут ослабляться, а иногда наоборот приобретают навязчивый характер; нарушается аппетит и сон. Очень часто жертвы изнасилования теряют возможность иметь нормальные сексуальные контакты. Мужья и сексуальные партнеры настаивают на интимной близости, недооценивая последствия травматического опыта. В результате это приводит к разводу или расставанию.

Характерная особенность психологического состояния после изнасилования — отсутствие открыто выражаемого гнева. Агрессивность чаще всего возникает в стадии разрешения кризиса.

Во второй стадии — реорганизации, кажется, что потерпевшая начинает разрешать свои проблемы. Потребность восстановить контроль над своей жизнью проявляется в стремлении изменить жизненный стиль или окружение. Часто совершаются попытки изменить внешний облик, сменить место жительства или работу. Но ни одно из этих изменений не приносит чувства безопасности, которую ищут эти люди, из-за возникающих кошмаров и фобий.

Ряд авторов выделяют и третью стадию — признания и разрешения. Она может остаться неосознанной как для потерпевшей, так и для окружающих. На этой стадии у жертвы возникает потребность говорить о случившемся. Женщина начинает понимать, что она никогда не забудет о насилии, начинает признавать, что теперь это часть ее жизненного опыта и принимают решение двигаться дальше от того, что случилось. Таким образом, женщина, которая пережила сексуальное насилие, перестает быть «жертвой» и становится «пережившей» [3].

Но есть другая категория жертв, которые не пытаются проработать травматические переживания. Они защищаются от всего того, что

напоминает о трагическом происшествии и находятся в постоянном напряжении. Это приводит к проблемам со здоровьем, к сложностям в отношениях с окружающими. Любой фактор, связанный с негативным опытом (звук, цвет, запах, зрительный образ и т. п.), мгновенно оживляет все глубоко «замороженные» переживания. В таком состоянии человека захлестывает страх, его поведение становится неадекватным.

Известно, что более половины жертв изнасилования проявляют некоторый уровень ТСИ после изнасилования. Однако если жертва обращается за профессиональной помощью немедленно после изнасилования, то вероятность того, что она будет испытывать симптоматику посттравматического стрессового расстройства, меньше. Женщины с сильными механизмами совладания и с высокой эмоциональной и психологической стабильностью реже страдают от симптомов ПТСР, чем женщины, у которых данные характеристики отсутствуют.

Тяжесть симптоматики зависит от возраста жертвы, социоэкономического статуса, качества жизни до изнасилования, а также от того, использовал ли насильник силу, устные и физические угрозы или оружие.

Итак, при осуществлении реабилитационных мероприятий психологам, социальным работникам, медикам и сотрудникам правовых органов следует учитывать указанные особенности в поведении жертв сексуального насилия, а также факторы, влияющие на успешность их выздоровления.

Литература

1. *Кравцова О. А.* О психологических последствиях сексуального насилия / О. А. Кравцова // Вестник Моск. ун-та. Серия 14, Психология. — 1999. — № 2. — С. 80—90.

2. *Лефтеров В. А.* Виктимное поведение как психологическая проблема / В. А. Лефтеров, Т. М. Вакулич. — Режим доступа : http://elibrary.kubg.edu.ua/1137/1/T_Vakulich_V_Lefterov_PTEA_7_IS_IPSP.pdf

3. *Малкина-Пых И. С.* Виктимология. Психология поведения жертвы / И.С. Малкина-Пых. — М. : Эксмо, 2010. — 864 с.

ВЛИЯНИЕ НЕПОЛНОЙ СЕМЬИ НА ОСОБЕННОСТИ ПОВЕДЕНИЯ И РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ ПОДРОСТКА

**И. С. Губанова, магистрант 2 курса
bis170886@yandex.ru**

**Научный руководитель — канд. психол.наук,
доц. О. П. Макушина**

Семья — одна из величайших ценностей, созданных человечеством за всю историю своего существования. Она является одним из главных институтов воспитания. Это объясняется тем, что в ней ребенок находится в течение значительной части своей жизни, и по длительности своего воздействия на личность ни один из других институтов воспитания не может сравниться с семьей. Именно семья дает позитивный жизненный опыт, способствует адекватному познанию мира и своего места в нем, формирует морально-этические нормы и ценности формирующейся личности.

Семейные взаимоотношения могут являться как мощным фактором развития и эмоционально-психологической поддержки личности, так и источником психической травмы человека и связанными с ней разнообразными личностными расстройствами: неврозами, психозами, психосоматическими заболеваниями, сексуальными перверсиями и отклонениями в поведении.

К семейной атмосфере и ее состоянию человек чувствителен на протяжении всей своей жизни. Однако наибольшее влияние семья оказывает на развивающуюся личность. В семье происходит первичная социализация личности, осваиваются первые социальные роли, закладываются основные ценности жизни. Родители естественным образом оказывают влияние на своих детей: через механизмы подражания, идентификации и интериоризации образцов родительского поведения. Его отсутствие или изъяны трудновосполнимы в последующей жизни человека.

В настоящее время, в связи с изменением моральных норм в области взаимоотношений полов, распространением добрых

связей, неподготовленности молодежи к браку, завышением требований к брачному партнеру увеличивается число детей, рожденных вне брака, растет общее количество разводов. По данным федеральной службы государственной статистики в 2014 году было 693 730 разводов на 1 225 985 браков [4].

Изучение индивидуально-психологических особенностей подростков в неполных семьях всегда привлекало и привлекает внимание исследователей. Вклад в исследование проблемы генезиса неполных семей, вопросов воспитания и развития эмоционально-личностной сферы детей, живущих в таких семьях, внесли такие ученые как: М. И. Буянов, А. И. Захаров, И. С. Кон, Й. Лангеймейр, Б. И. Кочубей, З. Матейчик, В. С. Мухина, Т. И. Пухова, М. Скофилд, А. С. Спиваковская, Г. Фигдор, М. Хофман, Р. Эванс.

Специалисты, занимающиеся научной разработкой семьи и брака, проводят различные исследования, которые показывают, что дети, которые воспитываются в неполных семьях, испытывают различные психологические трудности. Все они, расходясь в каких-то аспектах, приходят к единому мнению, что не любая полная семья является нормальной средой для полноценного развития и воспитания ребенка, но все же наличие в семье обоих родителей помогает успешнее решать многие задачи, связанные с сохранением его психического здоровья [1].

Ограниченные воспитательные возможности неполной семьи порождены факторами материального, педагогического и морально-психологического порядка. Забота о воспитании ребенка в неполной семье, которая чаще всего ложится на плечи женщины, — это, прежде всего, забота о создании необходимых материально-бытовых условий жизни. При этом замечено, что в случае распада брачной связи сохранение и даже повышение прежнего материального уровня женщина нередко рассматривает как вопрос собственного престижа и поэтому берется за более трудную работу, находя дополнительный приработок и т.д. Постоянная занятость матери на производстве, заботы по ведению домашнего хозяйства и связанные с этим непрерывное напряжение, усталость отрицательно сказываются на отношении к ребенку, обращаются урезанными возможностями воспитания, дефицитом

общения, ведут к недостатку внимания к ребенку, его подлинным интересам и потребностям, ослаблению контроля за его поведением. Более того, дети в неполных семьях часто остаются вообще без присмотра, т. е. материальные и временные проблемы ее жизнедеятельности нередко оборачиваются проблемой безнадзорности детей с вытекающими отсюда последствиями [2]. Частым следствием распада семьи является изменение отношения ребенка к матери. Иногда у него возникает обостренное чувство жалости к ней, иногда он обвиняет мать в уходе отца. Вследствие этого он начинает критически относиться к ней, учащаются конфликты, по существу, ребенок теряет для себя и второго родителя [3].

Проблема неполной семьи проявляется так же в том, что в ней ребенок часто встречается лишь с одной ролью родителя. Поскольку дети в неполной семье не могут наблюдать отношений между мужчиной и женщиной, то они вырастают, не имея целостной модели этих отношений. В дальнейшем, для них становится более проблематично строить собственные межличностные отношения.

Замечено, что повышенная эмоциональность, неуравновешенность, болезненная чувствительность, свойственные переходному периоду, у подростка из распавшейся семьи носят гипертрофированный характер, делая его психику особенно ранимой. Чувство боли и стыда, собственной ущербности, неполноценности, ощущение покинутости и одиночества долгое время в таких случаях не оставляют детей, делая их грубыми, раздражительными, некоммуникативными, утратившими интерес ко всему. Кроме того, установлены достоверные отличия в уровне самооценки между подростками из полных и неполных семей. У подростков из полных семей самооценка выше, чем у подростков из неполных семей [3].

Нами была проанализирована деятельность Советов профилактики МБОУ СОШ №75 за 2012—2015 годы, основной целью которого является профилактика правонарушений в подростковой среде, усиление работы по укреплению школьной дисциплины, согласование требований семьи и школы в вопросах воспитания и обучения. В ходе анализа были получены следующие данные. Они представлены в таблице.

Анализ деятельности Советов профилактики

№	Учебный год	Общее количество детей участвовавших в совете профилактики	Из полных семей	Из неполных семей
1	2011/12	31	10(32 %)	21(68 %)
2	2012/13	37	12(33 %)	25(67 %)
3	2013/14	25	8(32 %)	17(68 %)
4	2014/15	39	12(31 %)	27(69 %)

Данная информация подтверждает тот факт, что дети из неполных семей испытывают больше трудностей адаптации и социализации в образовательном учреждении.

Таким образом, распад семьи с предшествующими ему и последующими обстоятельствами — это целый комплекс неблагоприятных факторов, способных оказывать отрицательное влияние на психическое и нравственное становление личности подростка вплоть до патологических изменений в области психики и криминогенного поведения.

Литература

1. Горьковая И. А. Влияние семьи на формирование делинквентности у подростка / И. А. Горьковая // Психол. журн. — 1994. — № 2. — С. 57—65.

2. Соколова Е. Т. Влияние на самооценку нарушений эмоциональных контактов между родителями и ребенком и формирование аномалий личности / Е.Т. Соколова // Семья и формирование личности. — М., 1981. — С. 15—21.

3. Титаренко В. Я. Семья и формирование личности / В.Я. Титаренко. — М. : Мысль, 1987. — 351 с.

4. Демография : Федеральная служба гос. статистики // Режим доступа :[http:// www.gsk.ru](http://www.gsk.ru)

ОБРАЗ МАТЕРИ И ОТЦА У ПОДРОСТКОВ ИЗ ПОЛНЫХ И НЕПОЛНЫХ СЕМЕЙ

И. В. Денисова, студентка 2 курса
ir.denisova1@bk.ru

Научный руководитель — канд. психол. наук,
доц. О. В. Тимофеева

Понятие образ в психологии чаще всего трактуется как субъективная картина мира или его фрагментов, субъективная представленность предметов внешнего мира, обусловленная как чувственно воспринимаемыми признаками, так и гипотетическими конструктами, включающая самого субъекта, других людей, пространственное окружение и временную последовательность событий [4].

Образ — важнейший компонент в действиях субъекта. Он ориентирует его в конкретной ситуации, помогает в выборе средств решения данной, ситуативной задачи, направляет на достижение целей, поставленных ранее [1].

Образ родителей — субъективный образ, складывающийся на основе тех объективных данных, которые знает ребенок о родителях и его собственной оценочной точки зрения, служащий одним из основных условий для развития личности в подростковом периоде [5].

Структура таких образов представляет собой совокупность когнитивного и аффективного (эмоционального) компонентов. Первый представлен такими данными как внешний образ родителей, их личностные характеристики, способности, достижения в различных сферах и т. д. Второй же выражает отношение ребенка к родителям.

С другой стороны, образ родителей можно представить как совокупность реального и идеального образов [3].

В идеале под образом матери понимают модель женщины, которая обладает определенными установками и успешно справляется с функциями воспитания. Часто образ идеальной матери представляется женственным, ласковыми и мягкими. В ее обязанности входит проявление нежности, заботы, выражение любви.

На самом же деле образ реального-Я матери может обладать достаточным количеством маскулинных черт. Они могут быть сильными, смелыми, активными, деятельными.

Идеальному образу отца приписываются следующие качества: смелость, сила, выносливость, настойчивость, уверенность, ответственность, решительность, воля, т. е. традиционные качества гендера. Вместе с тем, подростки хотят видеть в окружающих мужчинах больше мягкости, нежности и ласки, чем встречают в действительности, поэтому «идеальный мужчина», при всей его мужественности, обладает названными чертами в большей степени, нежели в реальности.

Зачастую нарисованные образы идеальных родителей не совпадают с образами реальными, наблюдается рассогласованность между Я-реальным и Я-идеальным.

При характеристике подростками образа родителей наблюдается более детальное, дифференцированное описание образа матери, образ же отца, как правило, эмоционально беден. Говоря об образе матери, дети описывают ее характер, внешность, специфику материнского отношения, что позволяет сделать вывод о том, что образы матерей у разных подростков часто совпадают и не показывают существенных различий. [3].

В образе отца, кроме внешности, характера и отцовских отношений, подростки прибегают к описанию деятельности, работы, увлечений, нередко ставя на первое место именно эти характеристики. Еще одной отличительной чертой в образе отца является описание его умственных способностей. Таким образом, отец воспринимается по-разному: для кого-то он — гарантия защиты; для других — фигура, зарабатывающая деньги; для третьих — эталон, к которому нужно стремиться и т. д. [3].

Чем больше подросток знает о жизни своих родителей, а также чем теснее представлены их эмоциональные связи, тем больше у него шансов представить мать и отца как обычных людей со свойственными им как достоинствами, так и недостатками [3].

Многие ограничения наблюдаются в формировании адекватного образа родителей у подростков из неполных семей. Дети зачастую имеют мало информации о родителе, который его не

воспитывает. Общение же со вторым родителем ограничено и недостаточно, по причине двойных взвалившихся на его плечи обязанностей. В результате образы матери и отца являются слабо сформированными, часто уплощенными [5].

Следует отметить, что в ситуации воспитания одним родителем, подросток не воспринимает образы родителей в целостной системе. Они для него два совершенно разных понятия, поэтому ребенок включен в рассогласование логики схем и действий.

Для подростков, оставшихся с одним родителем, характерны значительно более выраженные нереалистичные представления в ряде сфер, в том числе и в отношении образа родителей. Из-за отсутствия должного объема информации, ребенок вынужден самостоятельно достраивать образ отсутствующего родителя. Нередко такой образ получает крайне негативную либо идеалистически завышенную форму.

Если образ одного из родителей становится идеалом для подростка, это может привести к таким проблемам в будущем как падение самооценки (из-за собственного несоответствия данному идеалу), трудности в выборе партнера (из-за его несоответствия идеалу) и т. д. Идеальной ситуацией развития ребенка будет являться случай, когда образ родителей занимает «золотую середину» и обладает достаточной степенью адекватности образу реальному, т. е. ситуация, близкая к той, которая наблюдается у подростков из полных семей.

Образ идеального отца у мальчиков, воспитывающихся одним родителем, является менее полным, чем такой же образ у мальчиков-подростков из полных семей. При этом подростки из неполных семей при описании отца реже используют такие качества как быстрый, сильный, активный, веселый. Девочки-подростки из неполных семей чаще описывают образ отца как приятного и реже употребляют качества активности и искренности. Но образ отца у девочек, воспитывающихся только одним родителем, отличается обобщенностью и размытостью [2].

В описании образа идеальной матери мальчиками-подростками из неполных семей наряду с такими качествами как добрая, красивая, освобождающая, используются и качества,

близкие к характеристикам образа отца. Девочки из неполных семей также склонны наделять образ матери мужественными чертами, например, скоростью и силой. Но образ матери у них ассоциируется с постоянством и понятностью, а такие качества как страстность и нежность в нем практически полностью отрицаются [2].

Итак, несомненно существуют различия в образах родителей у подростков из полных и неполных семей. Образы матери и отца у подростков, которые воспитываются двумя родителями, обладают большей полнотой, четкостью, насыщенностью. Другим, не менее значимым различием является то, что образы родителей, которые создаются у подростков из неполных семей, чаще накладывают отпечатки на формирование собственного образа-Я ребенка, на характер отношений с противоположным полом, на выбор партнера в будущем. Для преодоления таких трудностей подростку необходимо должное количество внимания со стороны воспитывающего его родителя, которому, в свою очередь, не следует занижать другого родителя в глазах ребенка.

Литература

1. Бодалев А. А. Восприятие и понимание человека человеком / А. А. Бодалев. — М., 1982. — 200 с.
2. Вараева Н. В. Особенности становления образа взрослого в сознании детей и подростков, находящихся в условиях социально-реабилитационного центра / Н. В. Вараева, Е. С. Минькова. — М., 2013. — 145 с.
3. Вассерман Л. И. Родители глазами подростка: психологическая диагностика в медико-педагогической практике / Л. И. Вассерман, И. А. Горьковская, Е. Е. Ромицына. — СПб., 2001. — 256 с.
4. Головин С. Ю. Словарь практического психолога / сост. С. Ю. Головин. — Минск, 1998. — 800 с.
5. Овчарова Р. В. Родительство как психологический феномен : учеб. пособие / Р. В. Овчарова. — М., 2006. — 496 с.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ ЛИЧНОСТИ

О.В. Дони́на, магистрант 2 курса
olga-donina@mail.ru

Научный руководитель — канд. психол. наук,
преп. А.А. Меланьина

С древних времен такие мыслители, как Сократ, Платон, Конфуций, Аристотель, Кант, рассуждали о ценностях. Изначально понятие «ценностные ориентации» появилось в психологии после войны в качестве альтернативы понятию «ценности», используемого в философии, и на данный момент не существует четкого разграничения между этими явлениями.

Выделяют два значения понятия «ценностные ориентации» в социальной психологии: «идеологические, политические, моральные, эстетические и др. основания оценок субъектом действительности и ориентации в ней; способ дифференциации объектов по их значимости. Формируются при усвоении социального опыта и обнаруживаются в целях, идеалах, убеждениях, интересах и др. проявлениях личности» [8].

Некоторые исследователи приравнивают понятие «ценностные ориентации личности» к таким терминам как «установка», «диспозиция», «аттитюд» [1]. При попытке развести эти понятия мы пришли к следующим выводам. Ценностные ориентации является более объемным понятием, чем установка, связанная с биологическими потребностями. [2, 3, 6] Аттитюды помогают человеку вербализовать ценности, применить абстрактную идею к конкретному предмету [10]. В «диспозиционной концепции регуляции социального поведения личности» В. Я. Ядова ценностные ориентации относятся к высшему уровню диспозиций личности [11].

В своей работе «Проблемы общей психологии» С. Л. Рубинштейн связывает ценности со значимостью для человека чего-либо

в мире и отмечает, что наиболее значимой ценностной функцией является функция ориентира поведения. Под ценностной ориентацией же он понимает определенную направленность сознания и поведения [7].

Система ценностных ориентаций выступает как показатель сформированности личности. Под личностью В. С. Мухина понимает «продукт общественно-исторических отношений, имеющих определенные качества» [4].

Одна из основополагающих характеристик системы ценностных ориентаций — ее многоуровневость. В. Франкл в работе «Человек в поисках смысла» отмечает, что субъективное «переживание определенной ценности включает переживание того, что она выше какой-то другой» [9], таким образом, каждая личность строит индивидуальную иерархию ценностей.

Выделяют две основные группы факторов, влияющих на развитие ценностных ориентаций: внутренние (психические качества индивидуальности) и внешние (возникающие в результате взаимодействия личности и общества). Ю. А. Шерковин считает, что срединное положение системы ценностных ориентаций личности (между внутренними установками и нормами социальной среды) позволяет о ее двойном функциональном значении: с одной стороны, с помощью ценностей человек способен сформировать и сохранить в сознании определенные установки, с другой стороны, ценностные ориентации могут регулировать активность человека, выражаясь в мотивах его поведения [10].

Существуют различные подходы к классификации ценностных ориентаций в зависимости от основания. Наиболее известной является методика М. Рокича, подразделяющая ценности на терминальные (т.е. убеждения, что цель индивидуального существования стоит того, чтобы к ней стремиться) и инструментальные (т.е. убеждения, что какой-то образ действия является предпочтительным в любых ситуациях). Среди терминальных выделяют личностные и социальные ценности, а среди инструментальных — ценности морали и ценности компетентности. Подобное разделение производят и в отечественной психологии: на ценности-цели и ценности-средства [5].

В результате анализа психологических исследований по проблемам ценностных ориентаций личности были сделаны следующие выводы:

- нет единого подхода в разведении понятий «ценности» и «ценностные ориентации»;
- формирование ценностных ориентаций является сложным процессом, важную роль в нем играют: когнитивные компоненты, эмоциональное подкрепление и ценности социального окружения;
- ценности способствуют интеграции личности в обществе;
- ценности классифицируются по разным основаниям; наиболее частое деление — на ценности-цели и ценности-средства;
- существует индивидуальная иерархия ценностных ориентаций.

Литература

1. *Артюхова Ю. В.* Ценности и воспитание / Ю. В. Артюхова. — М., 1999.
2. *Безменова И. К.* Аттитюды и их взаимосвязь с поведением : Реферативный обзор / И. К. Безменова, О. А. Гулевич. — М., 1999.
3. *Красноярцева О. М.* Ценностная детерминация профессионального поведения педагогов / О. М. Красноярцева. — Томск, 1998.
4. *Мухина В. С.* Возрастная психология : феноменология развития, детство, отрочество / В. С. Мухина. — М., 1999.
5. *Практическая психодиагностика : методика и тесты / под ред. Райгородского.* — Самара, 2008.
6. *Прангишвили А. С.* Проблема установки на современном уровне разработки грузинской психологической школы. Психологические исследования / А. С. Прангишвили. — Тбилиси, 1973.
7. *Рубинштейн С. Л.* Проблемы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. — М., 1976.
8. *Словарь практического психолога / под ред. С. Ю. Головина.* — Минск, 1998.
9. *Франкл В.* Человек в поисках смысла / В. Франкл. — М., 1990.
10. *Шерковин Ю. А.* Проблема ценностных ориентации и массовые информационные процессы / Ю. А. Шерковин. — М., 1982.
11. *Ядов В. А.* Социальная идентификация в кризисном обществе / В. А. Ядов. — М., 1994.

СТРУКТУРА ЭМПАТИИ У СТУДЕНТОВ-ПСИХОЛОГОВ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ АГРЕССИВНОСТИ

Ю. С. Ефанова, магистрант 1 курса

neko_48@mail.ru

Научный руководитель — канд психол. наук,

доц. Н. М. Пинегина

Для современного общества характерны тенденции к снижению эмпатии и повышению агрессивности, связанные с усиливающейся индивидуализацией. В связи с этим возникает вопрос: как изменяется структура эмпатии у людей с разным уровнем агрессивности.

В психологии дано много определений эмпатии. Нас заинтересовало определение В. В. Бойко, отражающее ее структуру. Согласно ему, эмпатия — это форма рационально-эмоционально-интуитивного отражения другого человека, позволяющая преодолеть психологическую защиту и постичь причины и следствия самопроявлений — свойств, состояний, реакций — в целях прогнозирования и адекватного воздействия на его поведение [1]. Структуру эмпатии составляют ее компоненты — каналы.

Касаясь феномена агрессивности, мы не можем не отметить, что в некоторых работах этот феномен приравнивается к другому — агрессии. Мы же разделяем точку зрения Е. П. Ильина, согласно которой агрессивность — это свойство личности, которое отражает склонность к агрессивному реагированию при возникновении фрустрирующей и конфликтной ситуации. Агрессия же — это поведение человека в конфликтных и фрустрирующих ситуациях [2].

В качестве гипотезы исследования выступало предположение о том, что у студентов-психологов с определенным уровнем агрессивности существуют отличия в структуре эмпатии, а именно: эмоциональный канал эмпатии будет сильнее выражен у студентов с высоким уровнем агрессивности, рациональный канал — у студентов с низким уровнем агрессивности, а интуитивный канал будет более выражен у студентов-психологов со средним уровнем агрессивности.

Объектом эмпирического исследования выступили студенты-психологи, обучающиеся на факультет философии и психологии Воронежского государственного университета. Общий объем выборки 100 студентов-психологов.

Нами были использованы следующие методики: «Диагностика уровня эмпатических способностей» В. В. Бойко, «Диагностика состояния агрессии» А. Басса, А. Дарки и «Самооценка психических состояний» Г. Айзенка.

После обработки и анализа полученных сырых баллов, мы получили следующую картину: баллы по эмоциональному каналу эмпатии были выше у студентов с высоким уровнем агрессивности, по рациональному каналу — у студентов с низким уровнем агрессивности, а баллы по интуитивному каналу были выше у студентов-психологов со средним уровнем агрессивности.

В целом для студентов с преобладанием рационального канала характерны такие особенности, как внимание к другому, наблюдательность за другим, цепкость восприятия реакций, состояний и свойств другого, интенсивная аналитическая переработка информации о другом, поступающей одновременно по разным сенсорным каналам.

Выраженность эмоционального канала связана с такой чертой, как понимание другого на основе своего эмоционального опыта, посредством эмоциональных ассоциаций и переносов: «я бы переживал, реагировал так/не так» и т.д.

Для студентов с выраженным интуитивным каналом эмпатии характерно постижение другого через подсознательную обработку информации о партнере. Обобщение и вывод о другом осуществляются без участия логики, но на основе бессознательных сопоставлений с прошлым опытом.

Следующим нашим шагом была обработка полученных данных по перечисленным методикам с помощью метода статистического анализа. В частности, для установления статистической значимости различий между выраженностью каналов при разных уровнях агрессивности был использован непараметрический U-критерий Манна-Уитни.

Результаты нашего анализа подтвердили гипотезу нашего исследования. Таким образом:

- рациональный канал эмпатии более выражен у студентов-психологов с низким уровнем агрессивности;
- эмоциональный канал эмпатии более выражен у студентов-психологов с высоким уровнем агрессивности;
- интуитивный канал эмпатии более выражен у студентов-психологов с средним уровнем агрессивности.

Итак, такая структура эмпатии интерпретировалась нами следующим образом:

— во-первых, выраженность рационального канала при низком уровне агрессивности может быть обусловлена тем, что человек неконфликтен и способен к социальной кооперации, поскольку он внимателен к другому человеку, к мотивам его поведения, анализирует информацию, проявляет цепкость восприятия реакций и свойств другого, т.е. способен наиболее точно понять и принять позицию этого другого;

— во-вторых, причиной выраженности эмоционального канала при высоком уровне агрессивности, на наш взгляд, является то, что человек активный, импульсивный, но конфликтный понимает другого на основе своего эмоционального опыта посредством ассоциаций и переносов на себя, т.е. может происходить определенное «эмоциональное заражение/подстройка»;

— в-третьих, выраженность интуитивного канала при среднем уровне агрессивности может быть обусловлена тем, что такой человек в меру уступчивый, но способный занимать активную жизненную позицию, способен видеть поведение партнеров, действовать в условиях дефицита исходной информации о них, опираясь на опыт, хранящийся в подсознании. На уровне интуиции он может замыкать и обобщать различные сведения о партнерах. При этом интуиция, надо полагать, менее зависит от оценочных стереотипов, чем осмысленное восприятие других людей.

Литература

1. *Бойко В. В.* Психоэнергетика / В. В. Бойко. — СПб. : Питер, 2008. — 416 с.
2. *Ильин Е. П.* Психология общения и межличностных отношений / Е. П. Ильин. — СПб. : Питер, 2009. — 576 с.

КОММУНИКАТИВНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ МАТЕРИ И КОММУНИКАТИВНЫЕ СПОСОБНОСТИ ДЕТЕЙ С СИНДРОМОМ РАННЕГО ДЕТСКОГО АУТИЗМА

К. А. Ивашкина, студентка 3 курса

ksyusha.ivashkina.95@mail.ru

Научный руководитель — канд. физ.-мат. наук,

доц. О. П. Малютина

Ранний детский аутизм — первазивное нарушение, искажение психического развития, обусловленное биологической дефицитарностью центральной нервной системы ребенка [1, с. 45]. Проблема раннего детского аутизма встает перед современным обществом очень остро. По данным организации «Autism Speaks» в мире насчитывается 67 миллионов людей с расстройствами аутистического спектра. Каждому 68-ому ребенку ставят диагноз «аутизм». При общении с таким ребенком сразу обращает на себя внимание его эмоциональная невосприимчивость к окружающему. Такой человек словно «ушел в себя», он не стремится завязать контакты как со своими сверстниками, так и с взрослыми и даже с собственными родителями. Аутист отличается повышенной ранимостью и чувствительностью к сенсорным стимулам: резкий звук может просто напугать его, а обычный цвет покажется ему слишком ярким. Кроме того, этот эмоциональный дискомфорт служит хорошей почвой для возникновения страхов у аутистов. Часто с такими детьми достаточно сложно взаимодействовать, так как они не говорят и поэтому невозможно полностью понять их желания. Это, в свою очередь, вызывает у них вспышки агрессии и нежелательного поведения. Следует отметить, что дети с синдромом раннего детского аутизма трудно привыкают к чему-то новому.

По мнению многих ученых одним из главных нарушений, препятствующих успешной адаптации при детском аутизме, является недостаток коммуникативных способностей, проявляющийся в виде отставания или отсутствия разговорной речи, неспособно-

сти инициировать и поддержать разговор, стереотипных высказываниях и некоторых других специфических особенностей. Кроме того, недоразвитие вербальной коммуникации не компенсируется спонтанно через использование невербальных средств (жестов, мимики) и альтернативных коммуникативных систем.

Коммуникация (от лат. *communico* — делаю общим, связываю, общаюсь) — смысловой аспект социального взаимодействия. Коммуникация предполагает активное взаимодействие людей друг с другом в процессе общения, их воздействие друг на друга, восприятие и понимание другого человека.

Так как коммуникация — это особый вид деятельности, можно сказать, что для успешного его выполнения человек должен иметь необходимые способности. Коммуникативные способности, являясь сложной системой, входят в еще более обширную систему — коммуникативную компетентность. Коммуникативную компетентность можно определить как обобщающее коммуникативное свойство личности, включающее в себя коммуникативные способности, знания, умения и навыки, чувственный и социальный опыт в сфере делового общения.

Коммуникативные способности являются динамичной системой и развиваются в онтогенезе. М. И. Лисина рассматривает их развитие как смену форм общения в процессе взросления ребенка. Форма общения — это коммуникативная деятельность на определенном этапе ее развития, взятая в целостной совокупности черт. М. И. Лисина выделила четыре формы общения ребенка с взрослым от рождения до семи лет: ситуативно-личностная (непосредственно-эмоциональная), ситуативно-деловая (предметно-действенная), внеситуативно-познавательная и внеситуативно-личностная. При этом на каждой из этих стадий возможны нарушения, обусловленные РДА.

Первая форма общения — ситуативно-личностная. Она возникает достаточно рано (0 — 2 месяца). Главной ее целью является удовлетворение потребности малыша в доброжелательном внимании взрослого. Поэтому можно сказать, то ведущим мотивом для коммуникации в этой форме общения является личностный. Ситуативно-личностное общение тесно связано с эмоциями, поэтому

основные средства, которые используют дети для взаимодействия с взрослым — это улыбка и взгляд. Ребенок с синдромом раннего детского аутизма, находясь на непосредственно — эмоциональной стадии, не будет привлекать внимание взрослых посредством вокализаций, у него может отсутствовать комплекс оживления.

Следующая форма общения — ситуативно-деловая. Она существует в онтогенезе от полугода до трех лет. Здесь возникает коммуникативная потребность ребенка в сотрудничестве с взрослым, хотя и сохраняется стремление получать от него любовь и доброжелательное внимание. Благодаря личному контакту замечания взрослого — его похвалы и упреки — приобретают для детей огромное значение при усвоении нужных, правильных действий с предметами. У аутиста в возрасте двух — трех лет может не возникнуть потребности в общении с взрослым для выполнения совместной предметной деятельности, т. к. он в основном предпочитает заниматься чем-то в одиночку, не разрешая кому-либо вмешиваться в его деятельность.

Третья форма развития коммуникации — внеситуативно-познавательная (формируется в 3—4 года). Ведущим в ней является познавательный мотив. Можно отметить, что здесь сохраняется эмоциональная зависимость от взрослого, однако она преобразуется из стремления ребенка получить любовь и одобрение взрослого в желание заслужить его уважение. Основным средством общения становится речь, благодаря которой ребенок может выйти за пределы ограниченной ситуации и перейти в окружающий мир. Аутист в этом возрасте может не задавать множество вопросов взрослому, чтобы познать мир. Он просто «уходит в себя», ему не интересны ни взрослые, ни окружающая его действительность.

Последней формой общения является внеситуативно-личностная, которая формируется к концу дошкольного детства ребенка (в 5—6 лет). Взрослый теперь является для него не абстрактной личностью, а конкретным историческим и социальным субъектом, поэтому дошкольники стремятся создать полнокровный образ взрослого. В эмоциональном плане ребенок стремится не просто к доброжелательному вниманию взрослого, а к взаимо-

пониманию и сопереживанию. Роль внеситуативно-личностной формы общения в жизни ребенка — освоение им правил поведения в социальном мире. Поднявшись на внеситуативно-личностный этап, аутист не будет задавать взрослому личных вопросов, его не будет интересовать правильность своего поведения. Он будет нечувствителен к воспитательному процессу.

Таким образом, можно сказать, что потребность в общении формируется у ребенка очень рано — в первые два месяца жизни. Взрослый здесь играет значительную роль, т.к. он сопровождает детей в этом процессе и помогает им сформировать нужные коммуникативные способности, которые в совокупности формируют коммуникативную компетентность человека. Это особенно важно учитывать при формировании и коррекции коммуникативных способностей ребенка с синдромом раннего детского аутизма, так как ранняя работа с ним позволит быстрее сгладить имеющиеся проблемы. Поэтому для ребенка с синдромом раннего детского аутизма особенно важны теплые эмоциональные отношения со старшими и, прежде всего, с матерью, т.к. она является самым близким для него взрослым и имеет с ним особую связь.

Литература

1. Большой психологический словарь / под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. — СПб. : Прайм-Еврознак, 2003. — 632 с.
2. *Ивашкина К. А.* Методы и формы развития коммуникативных навыков у детей с синдромом аутизма / К. А. Ивашкина, О. П. Мажутина // Безопасность и развитие личности в образовании : материалы III Всероссийской студенческой конференции (г. Таганрог, 14—16 мая 2015 г.). — Ростов н/Д. : ЮФУ, 2015. — С. 60—62.
4. *Лебединский В. В.* Нарушение психического развития у детей : учеб. пособие / В. В. Лебединский. — М. : Издательство Московского ун-та, 1985. — 104 с.
5. *Лисина М. И.* Проблемы онтогенеза общения / М. И. Лисина. — М. : Педагогика, 1986. — 144 с.

СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ ЖИЗНЕННОГО СЦЕНАРИЯ У ДЕТЕЙ, ВОСПИТЫВАЮЩИХСЯ В НЕПОЛНЫХ СЕМЬЯХ

Н. Н. Коновалова, магистрант 1 курса

natnik@bk.ru

Научный руководитель — канд. психол. наук,

преп. О. М. Бабич

В современной психологической науке имеется очевидный интерес к проблеме формирования жизненного сценария. Главным образом, это связано с поиском технологий и методов для выявления и коррекции жизненного сценария. В свою очередь, нас интересует формирование жизненного сценария у детей в неполных семьях. Сегодня в нашем обществе существует острая проблема с частным образованием неполных семей, где воспитание детей таит в себе ряд трудностей и тем самым встает вопрос об особенностях формирования жизненного сценария в неполных семьях

Трактовка термина «жизненный сценарий» во многом связывается с теорией сценарного (трансактного) анализа Э. Берна и его последователей К. Штайнера, Й. Стюарта и В. Джойнса. По определению Э. Берна, жизненный сценарий это постоянно действующий жизненный план, который создается до семи лет под воздействием родителей. Это психологическая сила, подталкивающая человека к его судьбе, независимо от того, сопротивляется ли он или подчиняется добровольно [1]. Согласно данному плану, жизнь человека может быть комичной или трагичной, захватывающей или скучной, вдохновенной или бесславной. Сценарий — это искусственная система, которая ограничивает спонтанные творческие устремления человека. У семилетнего ребенка уже есть характер, и поступать он будет не по обстоятельствам, а в соответствии со своим сценарием. Сценарий жизни — это то, что наметил человек в раннем детстве, а жизнь — то, что происходит в реальности.

Мысль о том, что детские впечатления отражаются в дальнейшем на ходе жизни взрослых людей, занимает центральное место не только в транзактном анализе, но и во многих других направлениях психологии. Отличительная особенность теории сценария в транзактном анализе состоит в указании на то, что ребенок составляет именно определенный план своей жизни, а не просто общие представления о мире. По содержанию каждый жизненный сценарий не похож ни на какой другой. В этом смысле он также неповторим, как отпечатки человеческих пальцев. С другой стороны, протекает он, по одной и нескольким ясно очерченным схем. Таких схем относительно немного, и в плане содержания сценарии делятся на три группы: выигрышный, проигрышный и безвыигрышный или банальный [2].

Выигрышный сценарий предполагает достижение заявленных целей, но при обязательном условии, что это достижение приносит чувство удовлетворенности, успеха и не вызывает внутреннего конфликта и напряженности.

Проигрышный сценарий, наоборот, подразумевает не достижение заявленных целей. Опять же, речь идет не просто о достижении или не достижении, но и о сопутствующем этому чувстве удовлетворенности. Если человек решает стать миллионером и стал им, но постоянно чувствует себя несчастным из-за язвы желудка или напряженной работы, значит он проигрывает. Э. Берн в своем определении умышленно связал «выигрыш» и «проигрыш» с «достижением заявленной цели», так как хотел подчеркнуть, что «выигрывающих» нельзя попросту приравнивать к тем, кто наживает деньги и материальные ценности. Подобным же образом «проигрывающие» — не обязательно люди, ограниченные в средствах.

В зависимости от тяжести развязки проигрышные сценарии можно разделить на три степени. Проигрышный сценарий первой степени — это сценарий, неудачи и потери при котором достаточно умеренны, чтобы человек мог обсуждать их в своем кругу. Неприятные последствия проигрышного сценария второй степени слишком серьезны для того, чтобы человек мог обсуждать их в своем кругу. Проигрышный сценарий третьей степени завершается смертью, увечьем, тяжелой болезнью или судебным разбирательством.

Безвыигрышный сценарий. Человек с таким сценарием предпочитает ничего особенно не выигрывать и ничего особо не проигрывать. Он предпочитает не рисковать. Сценарий такого рода нередко называют банальным.

По мнению Э. Берна, выигрывающего от проигрывающего можно отличить, задав ему вопрос о том, что он будет делать, если проиграет. Выигрывающий знает, но это не говорит. Проигрывающий не знает и делает ставку на какую-то одну возможность и из-за этого проигрывает.

В свою очередь нас интересует, есть ли предрасположенность у детей из неполных семей формировать определенный жизненный сценарий. Традиционно принято считать, что неполной называется такая семья, которая состоит из одного родителя с одним или несколькими несовершеннолетними детьми. Неполная семья образуется, как правило, вследствие расторжения брака, внебрачного рождения ребенка, смерти одного из родителей или раздельного их проживания. В связи с этим необходимо выделить следующие разновидности неполных семей: осиротевшие, внебрачные, разведенные и распавшиеся. В зависимости от того, кто из родителей занимается воспитанием детей, выделяют материнские и отцовские неполные семьи. В условиях современной действительности неполная семья в большинстве случаев состоит из матери с ребенком или несколькими детьми.

Процесс воспитания в неполной семье обычно деформирован. Дети из неполных семей испытывают острую потребность в определенном социальном статусе, хотят иметь обоих родителей. Отсутствие в семье не просто отца, а прежде всего мужчины является важной предпосылкой отклонений в психическом развитии [3]. Дефицит мужского влияния в неполных семьях проявляется в виде нарушений развития интеллектуальной сферы, снижения социальной активности и недостаточно четкого осуществления процесса половой идентификации мальчиков и девочек, а также различных отклонений в поведении и состоянии психического развития. Одна из проблем неполных семей — совмещение профессиональной и родительской ролей, что при режиме полной занятости существенно снижает время для совместного времяпре-

провождения с ребенком. Из-за стремления сохранить уровень материальной обеспеченности матери приходится перекладывать исполнение воспитательной функции на других людей, лишая себя саму и своих детей возможности посвящать друг другу достаточное количество времени.

Можно выделить два преобладающих типа воспитания детей в неполных семьях. Первый — это усиление контроля над ребенком, как бы для того, чтобы компенсировать отсутствие второго родителя. Такой ребенок может замкнуться в себе, а может стать агрессивным, не контролирующим себя. Второй — гиперопека, когда ребенка начинают жалеть, когда ребенок страдает заодно с мамой или папой по поводу несчастной судьбы, выпавшей на их долю, и как бы компенсацией ребенку разрешают буквально все. Ребенок растет одновременно избалованным и неуверенным в себе, инфантильным, не умеющим преодолевать трудности. В обоих случаях такие дети обычно хуже адаптируются в социальной среде.

Таким образом, мы видим, что существуют определенные детерминанты для формирования негативного жизненного сценария у детей, воспитывающихся в неполных семьях. Многоплановая роль родителей в деле воспитания отражается на формировании личности ребенка с самого рождения и влияет на всю его последующую жизнь. В неполных семьях особенно важно уделять процессу воспитания значительно больше внимания, так как ответственность за всестороннее гармоничное развитие личности ребенка ложится на плечи одного из родителей.

Литература

1. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры / Э. Берн. — М. : Эксмо. 2013. — 575 с.
2. Стюарт Й. Жизненный сценарий / Й. Стюарт, В. Джойнс. — СПб. : СП Центр, 1996. — 368 с.
3. Сухопарова А. А. Психологические особенности воспитания детей в полной и неполной семье / А. А. Сухопарова // Мир науки, культуры, образования. — 2013. — № 3. — С. 215—217.

ПРИЧИНЫ АГРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ДЕТЕЙ

Е. В. Корнюшина, студентка 1 курса
jokerkor1nokra@yandex.ru

Научный руководитель — канд. психол. наук, преп. О.М. Бабич

Одной из острейших проблем современного общества является проблема растущей агрессивности. Сложная обстановка в мире вызывает прогресс агрессивных наклонностей, и это особенно опасно для подрастающего поколения, с рождения «впитывающего» изменения в обществе. Опасность заключается в том, что во время детского периода жизни закладывается основа межличностных отношений, и нарушения впоследствии находят выход у зрелой личности в виде девиантного поведения, отчужденности, садизма и других асоциальных деяний, могущих носить опасный для общества характер. Таким образом, проблема детской агрессивности, «подогреваемая» напряженностью мировой обстановки, является актуальной.

Агрессией в психологии называют мотивированное деструктивное поведение, противоречащее нормам сосуществования людей в обществе, наносящее вред объектам нападения, приносящее физический ущерб людям или вызывающее у них психологический дискомфорт. Агрессивное поведение же трактуют как действия, базирующиеся на агрессивности и направленные на причинение физического или морального ущерба людям или другим объектам мира, сопряженные с насилием против них [2].

Существуют различные теории, с помощью которых рассматривают детерминанты агрессивного поведения. Первая группа теорий относится к попыткам объяснить механизм агрессивного поведения генетически, через комбинацию соответствующих генов. Наиболее распространенными являются так называемые теории X- и Y-хромосом. Они предполагают, что предпосылкой агрессивного поведения человека может быть генетическая аномалия, вызванная нестандартным составом половых хромосом (наличие трех хромосом вместо двух, определяющих пол) [1].

Вторая группа теорий объясняет агрессивное поведение физиологическими детерминантами. Согласно исследованиям Л. Хьюзмана, основными участками, отвечающими за агрессию, являются гипоталамус и миндалевидное тело. Важную роль также играет уровень серотонина (при недостатке склонность к агрессии выше) и тестостерона в организме [4].

Особенное внимание мы уделяем социально-культурному аспекту развития агрессивности. Источниками информации о социальных моделях для детей становятся три основных источника. Первый — это семья, являющаяся первичным институтом социализации и потому могущая демонстрировать ребенку элементы агрессивного поведения и закреплять их. Второй — взаимодействие с ровесниками, так как зачастую в процессе игры ребенок познает преимущества агрессивного поведения. Третий источник — символические примеры, что особенно актуально в наше время в связи с широким распространением телевидения, Интернета и СМИ [3].

И. Фурманов выделяет четыре основных механизма научения любой форме поведения (в том числе и агрессивному поведению): имитацию, копирование, подражание и идентификацию. В ходе этих процессов ребенок с раннего детства перенимает у окружающих (в первую очередь у родителей) различные способы действия, инстинктивно уподобляется родителям. Доказано, что если ребенок ведет себя агрессивно и получает положительное подкрепление, то в дальнейшем вероятность проявления агрессивного в похожих ситуациях во много раз возрастает, а постоянное положительное подкрепление агрессивных актов в итоге формирует привычку реагировать подобным образом на различные раздражители [3].

Асоциальные тенденции становятся угрозой социальному развитию только тогда, когда имеет место нарушение либидо (например, в результате разочарования в объекте привязанности или разлучения с ним). Зависимость между взаимодействием с родителями и агрессией демонстрирует эксперимент Х. Джонса с детьми (15, 21 и 39 месяцев) и их матерями. Исследователи наблюдали, через какое время мать берет ребенка на руки, если тот заплачет или протянет к ней руки; фиксировались также агрессивные действия, направленные детьми на своих ровесников. Дети, к которым ма-

тери не торопились, вели себя агрессивнее, чем те, чьи матери быстро реагировали на плач или приглашение к контакту.

Согласно данным исследований Р. Сирса и Х. Левина, в социализации агрессии имеют место два важных момента: снисходительность родителей (готовность простить проступок) и строгость наказания [3]. Их исследования показали, что дети наименее агрессивны в тех семьях, где родители не позиционировали себя как снисходительных или жестко пресекающих агрессию, где агрессия осуждалась, но без строгих наказаний. Родители же наиболее агрессивных детей не показывали отрицательного отношения к агрессивным проявлениям, но строго наказывали за проступки. Дети не понимали, за что их наказывают, и это вызывало враждебность. Более того, наказывающий родитель подавал пример агрессивного поведения и приучал к тому, что агрессия — нормальный путь к преодолению фрустрации.

Большое значение имеет и стиль воспитания в целом (сколько сил, внимания и времени уделяется ребенку). Двумя основными стилями воспитания, имеющими многочисленные подвиды, являются гиперпротекция и гипопротекция. Под гиперпротекцией понимают такую ситуацию в семье, при которой родители уделяют ребенку крайне много времени и внимания. Ее признаки: постоянный присмотр, высокие требования или, наоборот, тщательное ограждение ребенка от малейших трудностей. При гипопротекции, напротив, ребенок оказывается на периферии внимания родителей, к его интересам относятся холодно и безразлично, предоставляя ребенка самому себе. Оба стиля воспитания вызывают у ребенка агрессивные наклонности.

Отдельно необходимо выделить семьи, находящиеся в «зоне повышенного риска» — неполные и/или многодетные семьи, создающие больше предпосылок для стресса, чем полные среднестатистические. Это возникает из-за более тяжелого материального положения семьи, следствием которого неминуемо является серьезное сокращение уделяемого ребенку времени, и, в случае с многодетными семьями, из-за неравномерного распределения внимания между несколькими детьми.

Дети также усваивают модели поведения (в том числе и агрессивные) при взаимодействии с ровесниками. К примеру, Р. Хаскинс утверждает, что дети, постоянно посещавшие дошкольные учреждения в течение пяти лет, оцениваются учителями как более

агрессивные, чем посещавшие их менее регулярно. Это дает основания предполагать, что дети, чаще «практиковавшиеся» в агрессивном поведении с ровесниками, лучше усвоили эти реакции и более склонны применять их в других условиях [1].

Дети учатся агрессивным реакциям и на символических примерах. Здесь необходимо отметить влияние телевидения, Интернета и СМИ на уровень агрессивности зрителя. Многие педагоги и социальные критики утверждают, что сцены насилия на телеэкране и просмотр фильмов ужасов негативно воздействуют на психику ребенка. В рамках теории социального научения утверждается, что переживания, вызываемые при наблюдении агрессивных действий, не вызывают состояние катарсиса, но сами вызывают агрессию. Этим объясняется, почему чрезмерное увлечение телевидением возникает только у детей, имеющих трудности с адаптацией к реальному миру. Также мнение о том, что воздействие телевидения и СМИ может вызывать у ребенка агрессивные реакции, подтверждается в эксперименте А. Бандуры с так называемой «куклой Бобо» [3].

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что к числу психологических детерминант агрессивного поведения детей можно отнести влияние семьи и особенности воспитания ребенка родителями, социальное взаимодействие детей с ровесниками, а также влияние символических примеров, в частности воздействие телевидения, Интернета и средств массовой информации.

Литература

1. *Бэрон Р.* Агрессия / Р. Бэрон, Д. Ричардсон. — СПб. : Питер, 2000. — 336 с.
2. *Мещеряков Б.* Большой психологический словарь / Б. Мещеряков, В. Зинченко. — СПб. : Прайм-ЕВРОЗНАК, 2004. — 672 с.
3. *Фурманов И. А.* Агрессия и насилие : диагностика, профилактика и коррекция / И. А. Фурманов. — СПб. : Речь, 2007. — 480 с.
4. *Хьюзман Л. Р.* Как физиология влияет на человеческую агрессию / Л.Р. Хьюзман // *Аткинсон Р. Л.* Введение в психологию / Р. Л. Аткинсон [и др.] ; под ред. В.П. Зинченко. — СПб. : Прайм-Ев-рознак, 2007. — С. 82—83.

ХАРАКТЕРИСТИКА ОБРАЗА ТЕЛА У ЛЮДЕЙ С НАРУШЕНИЯМИ ПИЩЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ

Е.С. Кривова, студентка 3 курса
katril.m@yandex.ru

Научный руководитель — канд. психол. наук,
доц. О. П. Макушина

В современном обществе телу как своеобразному хранилищу «Я», отражению внутреннего мира человека, выставленному на публичное обозрение, уделяется повышенное внимание. Тело рассматривается как соответствующее или не соответствующее общественному эталону красоты, сравнительная оценка которого влияет на мнение человека о себе.

Под образом тела понимается восприятие человеком эстетики и сексуальной привлекательности своего собственного тела. Образ тела — феномен психологический по своей природе и сформирован скорее представлениями о себе и своем Я — телесном, чем реальной физической данностью [3].

Нарушения пищевого поведения — класс психогенно обусловленных поведенческих синдромов, связанных с нарушениями в приёме пищи.

Если собственное тело рассматривается человеком как удовлетворительное, то есть образ тела является позитивным, то он чувствует себя комфортно так, как он выглядит. Он не стесняется своего тела, свободно двигается, легко реагирует на критику своего тела, при этом самооценка не снижается. Тело для него — неосновной показатель собственной личности, такой человек не демонстрирует свое тело на всеобщее обозрение и не скрывает его. В еде разборчив, руководствуется чувством голода, не злоупотребляет и не ограничивает себя. Связь с собственным телом сильна, поэтому человек легко может распознать сигналы и удовлетворить потребности.

Основной характеристикой лиц с нарушениями пищевого поведения является отчуждение от собственного тела, оценка его

как «полного», «огромного», «уродливого». К этому обычно могут присоединяться недовольства отдельными частями тела. Например, девушка может думать, что у нее слишком большой нос или большие щеки [2]. Однако такие представления редко основываются на реальных фактах: даже при значительной потере веса удовлетворение собственным телом не наступает.

Отрицательная оценка своего тела формируется на основе представлений об Я — идеальном телесного образа и сравнений его с Я — реальным. Часто такой «совершенный образ», хранящийся в сознании личности, недостижим, малодостижим или труден для поддержания. Неадекватная оценка своего Я-телесного, и несоответствие его с Я-идеальным вызывает внутриличностный конфликт, решением которого зачастую являются попытки приблизить свой физический облик к желанному идеалу посредством ограничительного питания [1]. А стресс и негативные эмоции, связанные с неудовлетворенностью собой, могут приводить к «эмоциональному питанию» — потребление пищи с целью избавиться от внутренней неудовлетворенности, не связанной с чувством голода.

Тело у людей с пищевыми нарушениями — основная часть их личного счастья и успеха, поэтому любое отклонение от идеала расценивается как крах всей личности в целом. Такая картина мира тяжело поддается коррекции. Человека с искаженным образом тела и с расстройством пищевого поведения тяжело остановить: ведь он патологически убежден в своих изъянах. Поэтому помощь таким людям необходимо оказывать на стадии нарушения, пока убеждения поддаются критике.

Идеальный образ тела у лиц с нарушениями пищевого поведения формируется или подкрепляется средствами массовой информации. Д. Майерс пишет о том, что эталон стройности и красоты передается, например, с помощью внешности женщин, изображаемых в модных журналах, рекламах и некоторых игрушках. Людям с лишним (по мнению социума, в котором находится человек) весом часто прививают мысль о том, что потеря веса — это эффективный способ победить депрессию, обрести авторитет, спасти разваливающийся брак или стать успешным в жизни. Ложные надежды, связанные с похуданием, так привлекают, что диеты становятся уни-

версальным решением всех жизненных затруднений. Под действием ошибочных мыслей лица с нарушениями пищевого поведения отказываются от реального решения проблем, в надежде, что все само решится, как только они достигнут своего телесного эталона.

Негативный образ тела проявляется во внешнем облике: человек стремится одеваться так, чтобы скрыть свои мнимые недостатки (мешковатая одежда темных тонов и т.п.), наносить излишнее количество декоративной косметики, закрывать некрасивые части тела, носить вещи, увеличивающие или уменьшающие реальные объемы.

Социальная жизнь также страдает: человек перестает посещать общественные места (бассейны, пляж) из-за страха показать свое «уродливое» тело и получить негативную оценку окружающих. Особенно это касается заведений, посещение которых предполагает потребление пищи (кафе, рестораны, продуктовые магазины), это связано или с боязнью нарушить диету, или с боязнью быть не одобренным окружающими, иногда эти два страха сочетаются. На комплименты такой индивид реагирует с подозрением, видит в них негативную окраску и скрытый смысл. Часто жалуется на свое внешнее несовершенство, чем может надоедать своим друзьям, коллегам, вплоть до разрыва отношений.

Связь физического и психического у такого человека нарушена: сигналы от органов чувств либо не чувствуются, либо трактуются не верно. Может происходить разобщение с собственным телом: игнорирование сигналов тела происходит из-за боязни принять свое тело, дать ему «право голоса». Человек может не ощущать голод или насыщение, чувство беспокойства расценивать как желание поесть. Особые трудности могут возникнуть у детей, воспитывающихся в обстановке излишней скованности, в подавлении телесного, чувственного начала. Часто в результате неправильного воспитания (подавление спонтанности и эмоциональности) подросток ведет себя как автомат и теряет гармоничность и естественность манер. Схожая картина может наблюдаться у лиц, перенесших сексуальные злоупотребления. В этом случае нарушение пищевого поведения выражается в наказании собственного тела за якобы греховность: ограничение его в еде или поглощение большого количества пищи до наступления боли в области живота.

Обобщая выше сказанное, мы можем предположить, что образ тела у лиц с нарушениями пищевого поведения имеет негативную

направленность и характеризуется преувеличением своих физических недостатков и обесцениванием своих привлекательных черт. Их Я — реальное и Я — идеальное не совпадает в силу недостижимости последнего. Такие люди маскируют телесные «уродства», избегают социальных контактов, где может быть негативная оценка их телу или пищевому поведению. Все эти факты сужают личное пространство человека и препятствуют их росту и развитию.

Литература

1. Агапов В. С. Возрастная репрезентация Я-концепции личности / В. С. Агапов // Психология и жизнь : сб. науч. трудов. — М., 2007. — 345 с.
2. Матусевич М. С. Особенности формирования пищевых нарушений у подростков / М. С. Матусевич // Молодой ученый. — 2013. — № 12. — С. 814—817.
3. Скугаревский О. А. Образ собственного тела : его компоненты и их динамика в онтогенезе. Сообщение 1 / О. А. Скугаревский // Психотерапия и клиническая психология. — 2004. — № 2. — С. 12—16.

СООТНОШЕНИЕ ФЕНОМЕНОВ ИНТЕРНЕТ-ЗАВИСИМОСТИ И ИНТЕРНЕТ-АКТИВНОСТИ В ПСИХОЛОГИИ

А. О. Лаптев, магистрант 1 курса

Lichar666i@gmail.com

Научный руководитель — канд. психол. наук,

доц. О. В. Тимофеева.

Современные люди стараются шагать в ногу со временем. В настоящий момент научный прогресс не перестает удивлять человека каждый новый день. Создаются все более совершенные девайсы, умные системы, удобная техника, с помощью которой каждый

из нас может облегчить свою жизнь, всего лишь в одно нажатие решая возникающие трудности. И, конечно, функционирование множества устройств основано на подключении к сети Интернет.

Сложно представить, но Интернет, каким мы его знаем, появился не так давно. Сеть, часто именуемая Интернетом, — World Wide Web (WWW, или Всемирная паутина) — возникает в 1990 году (согласно другим источникам, в 1989 году) после создания гипертекстовой разметки документа [3, 4]. Всего лишь за 26 лет изобретение распространяется по всему земному шару, приобретает статус необходимого условия жизни в современном мире. Подключиться к Интернету становится легко — всего стоит только сделать звонок в компанию, предоставляющую данную услугу, или посетить их офис. Возможно, уже на следующий день человек может стать счастливым пользователем доступа в Интернет.

В самом общем смысле мы будем понимать под Интернетом некую глобальную сеть, объединяющую компьютеры тысяч региональных сетей и миллионов пользователей всего мира [3]. Интернет имеет множество привлекательных сторон. Самые масштабные из них, это, во-первых, глобальность: сеть Интернет охватывает огромные расстояния, связывая между собой отдельные компьютеры по всей Земле. Во-вторых, Интернет не имеет определенной специфики или ограничений по использованию: миллионы людей по всему свету могут обмениваться информацией при наличии технической возможности. Казалось бы, такие возможности не могут содержать в себе негативных сторон.

Однако уже в 1995 году, когда Всемирная паутина не имела столь широкого распространения, доктор И. Голдберг вводит термин «интернет-зависимость» для обозначения патологической тяги к пользованию Интернетом [5]. Получается, новое изобретение может вызывать расстройства.

Здесь возникает один важный и закономерный вопрос: как отличить интернет-зависимость от простого времяпрепровождения в Интернете? Считается ли человек зависимым, если долгое время использует Интернет для работы?

Для ответов на поставленные вопросы нам требуется введение понятия, описывающего длительное использование Интернета че-

ловеком без возникновения зависимости. И таким понятием становится термин интернет-активность. Под интернет-активностью мы понимаем длительное, целенаправленное использование Интернета, обусловленное конкретной необходимостью. интернет-зависимость в психологическом плане отличается, по нашему предположению, от интернет-активности следующими чертами [1, 2] (см. табл. 1):

Т а б л и ц а 1

*Различие феноменов интернет-зависимости
и интернет-активности*

Интернет-зависимость	Интернет-активность
1. Улучшение самочувствия достигается за счет самого факта нахождения в Интернете	1. Факт работы в сети напрямую не влияет на настроение
2. Отсутствует возможность остановиться использовать сеть	2. Человек всегда может выйти из сети, если это не противоречит целям деятельности
3. Трата большого количества времени путем жертвования социальным окружением	3. Свободное время распределяется человеком самостоятельно, поддерживаются социальные контакты
4. Чувство одиночества и депрессия, возникновение страха и пустоты вдали от компьютера	4. Человек не испытывает негативных переживаний по причине отсутствия Интернета.
5. Использование лжи для нахождения в Интернете	5. Ложь не определяется целью побывать в сети
6. Возникновение проблем в социальной сфере (работа, учеба и др.)	6. Возникающие проблемы не связаны с желанием проводить все время в Интернете

Важным является выявление понимания разницы между выделенными нами понятиями среди обычных пользователей Интернета. Для этого был организован опрос людей в возрасте от 21 до 53 лет (50 человек).

На вопрос: «Как часто в течение дня вы используете интернет» 40 % опрошенных ответили — «очень часто», 13 — «скорее часто, чем редко», 20 — «иногда», 17 — «скорее редко, чем часто», и 10 — «не использую совсем» (рис. 1).

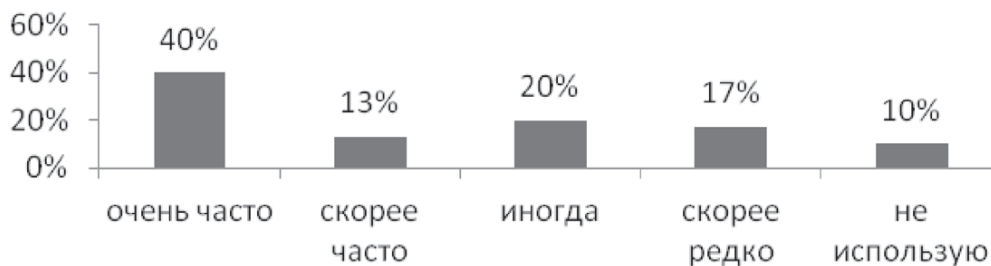

Рис. 1. Процентное соотношение ответов испытуемых на вопрос: «Как часто в течение дня вы используете Интернет?»

Основная цель использования Интернета — получение информации. Остальные варианты ответов представлены на диаграмме (рис. 2).

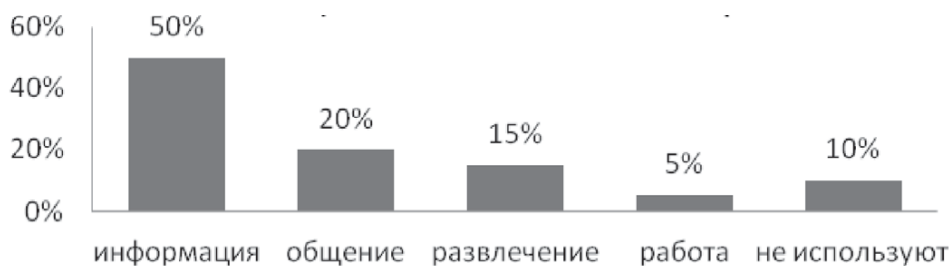

Рис. 2. Процентное соотношение ответов испытуемых на вопрос: «Основная цель использования Интернета»

Из общего числа опрошенных 70 % считают главной характеристикой интернет-зависимого человека отсутствие каких-либо иных желаний, кроме постоянного пребывания в Интернете; 20 ответили, что это болезнь; 10 интернет-зависимых людей отличаются по наличию абстинентного синдрома (синдрома отказа).

Из всех опрошенных, только 2 человека признали себя интернет-зависимыми (4 % от общего числа), 12 человек отметили у себя наличие легкой степени интернет-активности (24 %).

Таким образом, Интернет имеет много различных положительных сторон, его использование может улучшать качество нашей жизни. Но злоупотребление Интернетом ведет к возникновению зависимости, не уступающей по степени тяжести наркомании. Разумное и осмысленное использование сети, названное нами как и нтернет-активность, позволяет избежать пагубного влияния

Интернета на личность человека. Данная тема требует проведения большого количества эмпирических проверок, что свидетельствует о ее значимости и новизне в психологии.

Литература

1. Антоненко Ю. А. Социально-психологическая реальность Интернета / Ю. А. Антоненко // ЧФ : Социальный психолог. — 2006. — № 1. — С. 32—41.
2. Войскунский Е. А. Интернет-зависимость: психологическая природа и динамика развития / Е. А. Войскунский. — М., 2009. — С. 152—164.
3. Таненбаум Э. Компьютерные сети / Э. Таненбаум, Д. Уэзеролл. — СПб., 2012. — С. 70—81, 203—205, 305—324.
4. Украинцев Ю. Д. История связи и перспективы развития телекоммуникаций / Ю. Д. Украинцев, М. А. Цветов. — Ульяновск, 2009. — 128 с.
5. Урываев В. А. Проблемы социально-психологической адаптации Интернет-зависимых подростков / В. А. Урываев, Т. Г. Смолькова // ЧФ : Социальный психолог. — 2006. — № 1. — С. 80—83.

МОТИВАЦИЯ ДОСТИЖЕНИЯ КУРСАНТОВ С РАЗНОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТЬЮ

**Т. В. Лахно, студентка 3 курса
ltv19@mail.ru**

**Научный руководитель — канд. психол. наук,
доц. О. В. Тимофеева**

В течение 2014—2015 годов в силовых структурах Российской Федерации произошел ряд сокращений сотрудников в связи с несоответствиями требованиям занимаемых должностей, а именно с низким уровнем знаний в профессиональных областях.

При общении с преподавателями выпускных классов школ было замечено, что молодое поколение не проявляет интерес к обучению, имеет пассивную жизненную позицию. Как следствие, молодежи становится сложнее утвердиться в жизни, добиться успеха в будущей профессии. Проведя беседы уже с выпускниками ВУЗа 2016 года, было выявлено, что некоторая часть из них до сих пор не может ответить на вопрос о причинах выбора будущей профессии. Кроме того, было выявлено, что у таких ребят наблюдается низкий уровень успеваемости, нежелание участия в жизни института. В связи с этим можно предположить, что данные курсанты преследуют цель получения диплома, а не качественного образования.

Такая тенденция стала возможной, потому что у многих курсантов не сформирована адекватная мотивация, в том числе мотивация достижения.

В 1938 году Г. Мюррей выделил мотив достижения как устойчивую характеристику личности. Он обратил внимание на то, что наряду с биологическими или органическими потребностями существует ряд психогенных, которые формируются на основе базовых потребностей путем воспитания и обучения и объяснял данное понятие как устойчивую потребность индивида в достижении определенного уровня в различных делах, успехах в деятельности. Проявляемый интерес к мотивации достижений позволяет понять, что именно она лежит в основе мотивации человека, без которой невозможен был бы прогресс или развитие человечества в целом [2].

Позже стала популярной модель мотивации: движущие силы поведения и развития личности. Такое положение можно было проследить во многих теориях личности.

Во второй половине XX века стоит также отметить вклад Х. Хекхаузена. Он понимал мотивацию достижения как «попытку увеличить либо сохранить наиболее высокие способности человека ко всем видам деятельности, к которым могут быть применены критерии успешности и где выполнение подобной деятельности может, следовательно, привести либо к успеху, либо к неудаче» [4, с. 120].

Итак, у каждого человека имеется преобладающая тенденция действовать согласно либо одному, либо другому, противоположному мотиву. В целом, мотив достижения объединяется с резуль-

тативным выполнением какой-либо деятельности, а мотив избегания неудачи — с тревожностью, страхом и защитным поведением.

Профессиональную идентичность можно рассматривать как итог процессов профессионального самоопределения, персонализации и самоорганизации. Он может прослеживаться в осознании себя представителем определенной профессии, а также отражаться в «когнитивно-эмоционально-поведенческих самоописаниях» [1].

Формирование профессиональной идентичности любого человека зависит от конкретных факторов. Рассмотрим условия, которые влияют на процесс становления профессиональной идентичности курсанта военного учебного заведения. Учитывая их, можно оказать положительное влияние на успешное ее формирование. Фактически их можно разделить на внешние и внутренние.

Рассмотрим некоторые из них. К внешним условиям Л. Б. Шнейдер относит: уровень структурирования повседневной деятельности курсантов в ходе обучения; различные требования к военно-профессиональной подготовке курсанта; информационную среду, которая формирует положительный образ и цели, перспективы профессионального и личностного будущего; наличие обратной связи о личностных проявлениях, профессиональном поведении курсанта.

Важно отметить, что именно на самых первых этапах становления профессиональной идентичности внешние факторы играют приоритетную роль. К внутренним условиям формирования профессиональной идентичности можно отнести следующие: эмоционально-положительный фон, на котором была получена информация о профессии; эмоционально-позитивное отнесение себя к профессиональному сообществу; готовность специалиста принять на себя профессиональную ответственность; мотивационная активность реализации себя в профессиональной деятельности [3].

Исходя из вышесказанного, мы можем прийти к выводу, что у курсантов с высокой профессиональной идентичностью будет наблюдаться мотивация на достижение успеха, а с низкой — на избегание неудач.

Таким образом, сформированная мотивация на достижения вместе с активным развитием профессиональной идентичности курсантов военного вуза в будущем будут залогом становления грамотного специалиста.

Литература

1. *Малютина Т. В.* Профессиональная идентичность, ее структура и компоненты / Т. В. Малютина // Омский научный вестник. — 2014. — № 5. — С. 149—152.
2. *Мещеряков Б.* Психология. Полный энциклопедический словарь / Б. Мещерякова, В. Зинченко. — СПб., 2007. — 896 с.
3. *Симаков А. А.* Формирование профессиональной идентичности у курсантов военного ВУЗа / А. А. Симаков // Мир науки, культуры, образования. — 2011. — № 5. — С. 116—118.
4. *Хекхаузен Х.* Мотивация достижения / Х. Хекхаузен. — СПб., 2001. — 120 с.

СКЛОННОСТЬ К ВИКТИМНОМУ ПОВЕДЕНИЮ У ЛИЦ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ СОЦИАЛЬНО- ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТИРОВАННОСТИ

**Г. С. Македонова, магистрант 2 курса
galya.makedonova@mail.ru**

**Научный руководитель — канд. психол. наук,
доц. О. В. Тимофеева**

Анализ эволюции человеческого общества показывает, что его состояние является прямым следствием протекающих в нем процессов. Ведь именно социальные, экономические, политические изменения являются мощным фактором общественного развития. Современное общество вынуждено развиваться в условиях социальной нестабильности. Одним из последствий этого является распространение социального отклонения от общественных норм, усиление виктимности [4].

Виктимность или виктимогенность — приобретенные человеком физические, психические и социальные черты и признаки, которые повышают вероятность его превращения в жертву (преступления, несчастного случая, деструктивного культа и т.д.).

© Македонова Г. С., 2016

Виктимное поведение является одним из видов девиантного поведения. А в классификации девиаций Е. В. Змановской оно относится к аутодеструктивному, т.е. саморазрушительному поведению [2].

Склонность к виктимному поведению нами рассматривается как явление, которое складывается из психологических и социальных факторов. К социальным факторам мы относим специфику взаимоотношений в семье, ее структуру, особенности членов этой семьи. Основными факторами виктимизации детей в рамках семейной структуры являются следующие.

1. Факторы, связанные с психическими особенностями родителей, влияющими на эмоциональное становление ребенка. Сюда относится специфика взаимодействия родителей с детьми. Это гиперопека матери, основанная на тревожности и чувстве одиночества; нервные срывы в виде крика, физического наказания, жестокого обращения; психопатология родителей; эмоциональные нарушения организации семьи; определенные личностные особенности матерей (депрессия, низкая самооценка, жертвенность, нарциссизм и др.).

2. Факторы, связанные с объективным состоянием социально-экономического статуса семьи. Сюда будут отнесены: низкий социально-экономический статус семьи, жизненная неустроенность, экономическая нестабильность; неполная семья, отсутствие необходимой социальной поддержки; чрезвычайно молодой возраст родителей.

3. Факторы, связанные с нормами и стилем семейного воспитания. К этой категории относится следующее: особенности стиля семейного воспитания; расхождение норм и ценностей семьи, абстрактность понятия морали; конфликты в семье; алкоголизация одного или обоих родителей.

Таким образом, социальные факторы связаны с психическими особенностями родителей, влияющими на эмоциональное становление ребенка, с объективным состоянием социально-экономического статуса семьи, с нормами и стилем семейного воспитания и многое другое [2].

Но не только социальные факторы способствуют формированию склонности к виктимному поведению, важную роль играют

и психологические особенности самого индивида. Под индивидуально-психологическими особенностями личности мы понимаем своеобразные свойства психической активности, которые выражаются в следующих характеристиках:

— темперамент — закономерное соотношение устойчивых индивидуальных особенностей личности, характеризующих различные стороны динамики психической деятельности и поведения [1];

— характер — индивидуальное сочетание устойчивых психических особенностей человека, обуславливающих типичный для данного субъекта способ поведения в определенных жизненных условиях и обстоятельствах [1];

— направленность личности — устойчивая устремленность, ориентированность мыслей, чувств, желаний, фантазий, поступков человека, которая является следствием доминирования определенных мотиваций [1]. Структура направленности складывается из потребностей, интересов, идеалов, убеждений;

— способности — индивидуально-психологические особенности, отличающие одного человека от другого, определяющие успешность выполнения деятельности или ряда деятельностей, не сводимые к знаниям, умениям и навыкам, но обуславливающие легкость и быстроту обучения новым способам и приемам деятельности [1].

Таким образом, на человека оказывают влияние, с одной стороны, внешние факторы — социум, а с другой стороны, внутренние — его психологические особенности. От них, в свою очередь, зависит способность человека приспособливаться к окружающему миру, другими словами адаптивность, которая, в конечном счете, приводит к адаптированности.

Согласно А. А. Налчаджян, социально-психологическая адаптированность — это состояние взаимоотношений личности и группы, при котором личность без длительных внешних и внутренних конфликтов продуктивно выполняет свою ведущую деятельность, удовлетворяет свои социогенные потребности, в полной мере идет навстречу тем ролевым ожиданиям, которые предъявляет к ней эталонная группа, переживает состояние са-

моутверждения и свободно выражает свои творческие способности [3].

Предполагается, что существуют отличия в склонности к виктимному поведению у лиц с разным уровнем адаптированности: у лиц с высоким уровнем социально-психологической адаптированностью низкая склонность к виктимному поведению, у лиц со средним уровнем социально-психологической адаптированностью средняя склонность к виктимному поведению, а у лиц с низким уровнем социально-психологической адаптированностью высокая склонность к виктимному поведению

Таким образом, на формирование склонности к виктимному поведению оказывают влияние социальные и психологические факторы, которые взаимодействуют между собой на протяжении всей жизни человека. Человек рождается с определенными личностными задатками, попадает в социум и в результате чего происходит развитие и становление его личности. Человеку постоянно приходится приспосабливаться к меняющимся условиям окружающей среды, адаптироваться. И, в соответствии с тем, хорошо он это делает или нет, многое определяется, в том числе и склонность к виктимному поведению.

Литература

1. Большой психологический словарь / под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. — М., 2003. — 672 с.

1. *Малкина-Пых И. Г.* Виктимология. Психология поведения жертвы / И. Г. Малкина-Пых. — М., 2006. — 864 с.

1. *Налчаджян А. А.* Социально-психическая адаптация личности (формы, механизмы и стратегии) / А. А. Налчаджян. — Ереван, 1988. — 69 с.

1. *Фоминых Е. С.* Виктимность как девиация на уровне психологии личности и социальной общности / Е. С. Фоминых // Актуальные проблемы психологии личности : материалы межрегион., заочной науч.-практ. конф. — Новосибирск, 2009. — С. 144—148.

СВЯЗЬ СУБЪЕКТИВНОГО ПЕРЕЖИВАНИЯ ОДИНОЧЕСТВА СО СКЛОННОСТЬЮ К ВИКТИМНОМУ ПОВЕДЕНИЮ

Л. О. Максименкова, студентка 3 курса

lilek.sux@mail.ru

Научный руководитель — канд. психол. наук, доц. О. П. Макушина

За последние десятилетия человечество сделало значительные шаги в постижении как окружающего пространства, так и самого себя. Но современный высокотехнологичный мир не всегда благоприятен для психического здоровья и развития отдельной личности. Несмотря на огромное количество людей, живущих на планете Земля, актуальной на сегодняшний момент становится проблема одиночества. В настоящее время данная проблема является предметом изучения психологии, философии, педагогики и медицины [1]. Однако проблема одиночества только на первый взгляд кажется общедоступной и легко постигаемой.

В этой связи становится актуальным и рассмотрение смежных проблем и феноменов, вытекающих из многогранности субъективного переживания одиночества. Среди таковых можно выделить склонность к виктимному поведению.

Итак, что же такое одиночество? Одиночество — это «один из психогенных факторов, влияющих на эмоциональное состояние человека, находящегося в измененных (непривычных) условиях изоляции от других людей» [5, с. 248]. Можно выделить некоторые основные характеристики этого феномена: одиночество — это, во-первых, дефицит социального взаимодействия; во-вторых, это субъективный опыт; в-третьих, это субъективно неприятное для человека психическое состояние.

Кроме того, человек зачастую может демонстрировать противоречивые и парадоксальные тенденции в поведении. Иногда он, сам того не осознавая, способен притягивать к себе определённым поведением негативные воздействия внешней среды. В связи с этим становится интересным рассмотрение такого понятия как «виктимность».

Виктимное поведение — это так называемое «поведение жертвы», при котором человек склонен попадать в неприятные и опасные ситуации. Виктимность — это достаточно устойчивое личностное качество, характеризующее объектную характеристику индивида становиться жертвой внешних обстоятельств и активности социального окружения [2]. Виктимность может быть реализованной и потенциальной, при этом во втором случае говорят о склонности к виктимному поведению. В этой связи А. М. Матусевич и Л. В. Кубышко указывают на существование некоего «виктимного потенциала», который реализуется в определённых жизненных ситуациях [4]. Виктимизация — это процесс и результат приобретения склонности к виктимному поведению. Наличие условий, приводящих к превращению человека в жертву, принято называть виктимогенностью. Виктимного человека отличает ряд характерных особенностей. И. Г. Малкина-Пых к таковым относит: трудности в принятии решений, постоянное стремление к положительному отношению к себе, беспомощность и дискомфорт при отсутствии контактов, неадекватное отношение к критике, зависимость от окружающих, острая боязнь одиночества, привязанность к другим, отсутствие границ [3]. Ввиду этого у нас возникло предположение, что чувство одиночества может являться одним из факторов виктимизации личности.

В настоящее время нет современных данных о связи субъективного переживания одиночества со склонностью к виктимному поведению. В связи с этим очевидна необходимость проведения исследований, которые позволят получить представления о современном состоянии данной проблемы.

Цель нашего эмпирического исследования состояла в подтверждении гипотезы о наличии прямой связи между субъективным переживанием одиночества и склонностью к виктимному поведению, а именно: чем выше уровень одиночества, тем сильнее выражена склонность к виктимному поведению.

Базой эмпирического исследования служили факультет философии и психологии и геологический факультет ВГУ. Выборка эмпирического исследования состояла из 63 студентов юношеского возраста данных факультетов, а конкретно из 35 студентов женского пола и из 28 — мужского.

Для осуществления данных задач нами использовался метод стандартизированного самоотчета. Данный метод реализовывался

в следующих методиках: методика диагностики уровня субъективного ощущения одиночества Д. Рассела и М. Фергюсона и методика «Склонность к виктимному поведению» О. О. Андронниковой [3], которая включает в себя следующие шкалы: социальная желательность ответов, склонность к агрессивному виктимному поведению, склонность к самоповреждающему и саморазрушающему поведению, склонность к гиперсоциальному поведению, склонность к зависимому и беспомощному поведению, склонность к некритичному поведению, реализованная виктимность. Полученные данные обрабатывались с помощью методов количественного, статистического, и качественного анализа. В частности, с целью проверки нормального закона распределения полученных результатов использовался коэффициент согласия Пирсона; связь чувства одиночества с виктимным поведением проверялась нами с помощью корреляционного анализа (коэффициент линейной корреляции Пирсона). Результаты полученных нами данных приведены в таблицах 1 и 2.

Т а б л и ц а 1

Процентное соотношение испытуемых с разными уровнями одиночества

Уровень	%
Низкий уровень	62
Средний уровень	32
Высокий уровень	6

Т а б л и ц а 2

Процентное соотношение испытуемых с разной степенью выраженности виктимного поведения

Степень выраженности	Шкалы методики						
	1	2	3	4	5	6	7
Ниже нормы	13 %	37 %	40 %	16 %	32 %	33 %	76 %
Норма	76 %	59 %	46 %	57 %	63 %	63 %	22 %
Выше нормы	11 %	4 %	14 %	27 %	5 %	4 %	2 %

Итак, по результатам исследования было выявлено, что большинству испытуемых присущ низкий уровень одиночества. Вероятно, таким людям не свойственна тяга к уединению и изоляции

от окружающих. В то же время большинство студентов продемонстрировали выраженность реализованной виктимности ниже нормы, что может свидетельствовать о том, что они редко попадают в критические ситуации, либо у них уже успел выработаться защитный способ поведения. В результате корреляционного анализа была выявлена прямая связь между показателями методики субъективного ощущения одиночества Д. Рассела и М. Фергюсона и шкалой склонности к зависимому и беспомощному поведению ($r = 0,379$ при $p = 0,01$), шкалой реализованной виктимности ($r = 0,438$ при $p = 0,01$) и шкалой склонности к некритичному поведению ($r = 0,295$ при $p = 0,05$) методики исследования склонности к виктимному поведению О. О. Андронниковой. Связь с другими шкалами данной методики оказалась статистически не значима.

Таким образом, наша гипотеза о наличии прямой связи между субъективным переживанием одиночества и склонностью к виктимному поведению частично подтвердилась. Есть основания полагать, что чувство одиночества является одним из факторов виктимизации и чем выше уровень одиночества, тем сильнее выражена реализованная виктимность, склонность к зависимому и беспомощному поведению и склонность к некритичному поведению.

Литература

1. Климентьева Е. Н. Одиночество как социальная проблема современной России / Е. Н. Климентьева // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 1: Регионоведение. — 2009. — № 3. — С. 97—101.
2. Кондратьев М. Ю. Азбука социального психолога-практика / М. Ю. Кондратьев, В. А. Ильин. — М. : ПерСэ, 2007. — 464 с.
3. Малкина-Пых И. Г. Виктимология. Психология поведения жертвы / И. Г. Малкина-Пых. — М. : Эксмо, 2010. — 1150 с.
4. Матусевич А. М. Психологические аспекты виктимности / А. М. Матусевич, Л. В. Кубышко // Молодой ученый. — 2014. — № 8. — С. 924—927.
5. Психологический словарь / под ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. — Москва : Политиздат, 1990. — 494 с.

УДОВЛЕТВОРЁННОСТЬ БРАКОМ У СОЗАВИСИМЫХ СУПРУГОВ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ СЕМЕЙНОЙ ТРЕВОГИ

О. Ю. Малеева, магистрант 2 курса
omaleeva@inbox.ru

Научный руководитель — канд. психол. наук,
доц. Н. М. Пинегина

В последнее время внимание специалистов всё более привлекают вопросы брака и семьи. Основной проблемой, выступающей на этом пути, является отсутствие целостного и систематического изложения психологи семейных отношений, что обусловлено достаточной молодостью этой отрасли психологической науки в связи с некоторым пренебрежением к ней в прошлом, а также невозможностью экспериментального исследования.

Актуальность данной работы заключается в том, что на сегодняшний день в психологии недостаточно разработаны вопросы, касающиеся качества брака. В основном внимание уделяется отдельным сторонам семейных взаимоотношений: совместимости супругов, стабильности брака и т.д. В то же время «некачественный» брак достаточно часто приводит к распаду семьи. Печальная статистика разводов известна всем. По оценке специалистов сейчас распадается каждый второй брак. Десять лет назад распадался каждый третий [1]. Рост огромный — в полтора раза! Поэтому вопрос об укреплении брака и повышении его качества в настоящее время имеет очень большое значение.

Исследование проблемы удовлетворенности браком ведется как зарубежными, так и отечественными специалистами уже несколько десятилетий, и на данный момент существует большое количество эмпирических данных. Установлено, что удовлетворенность браком, которая определяется большинством авторов как внутренняя, субъективная оценка, отношение супругов к собственному браку, связана с целым рядом факторов. Зная различные факторы, которые влияют на удовлетворённость браком,

можно предотвратить распад многих семей и улучшить качество их брака. Мы в качестве одного из таких факторов рассмотрим уровень семейной тревоги. Однако, нас интересует удовлетворённость браком у созависимых супругов. Некоторые авторы рассматривают созависимость как болезнь, другие описывают её в форме полезного для практики психологического поведения. С нашей точки зрения, созависимость скорее соответствует патологическому развитию личности. Созависимость является мучительным состоянием для человека (подчас более мучительным, чем сама зависимость). Клинические закономерные «спутники» созависимости: дистимия, тревога, депрессия, пограничные нарушения, пассивно-агрессивное поведение, психосоматические нарушения.

Единого определения созависимости нет. В качестве рабочего можно принять следующее определение: «Созависимый человек — это тот, кто полностью поглощен тем, чтобы управлять поведением другого человека и совершенно не заботиться об удовлетворении собственных жизненно важных потребностей» [4, с. 39]. Созависимость в известном смысле — это отказ от себя.

Соответственно актуальность нашего исследования продиктована необходимостью в дополнении теоретических построений, относящихся к проблеме удовлетворённости браком у созависимых супругов с разным уровнем семейной тревоги, потребностью в получении новых фактов, которые позволят расширить теорию и сферу ее применения.

Цель работы — изучить удовлетворённость браком у созависимых супругов с разным уровнем семейной тревоги.

Объектом нашего исследования является удовлетворённость браком у созависимых супругов.

Предметом исследования служит удовлетворённость браком у созависимых супругов с разным уровнем семейной тревоги.

В качестве гипотезы исследования выступает предположение о том, что существуют различия в удовлетворённости браком у созависимых супругов с разным уровнем семейной тревоги, а именно: супруги с низким уровнем семейной тревоги больше удовлетворены браком, чем супруги со средним и высоким уровнями семейной тревоги.

С целью проверки гипотезы нами было проведено эмпирическое исследование, объектом которого выступили 74 семейных пары. Общий объём выборки составил 148 человек.

В эмпирическом исследовании использовались метод стандартизированного самоотчета, который реализовался в следующих психодиагностических методиках: «Методика определения созависимости» Д. Фишера для определения степени созависимости у супругов [2]; опросник «Анализ семейной тревоги» (АСТ) (Э. Г. Эйдемиллер и В. Юстицкис) [3] (цель — изучение общего фона переживаний индивида, связанного с его позицией в семье, с тем, как он воспринимает себя в семье, т.е. изучение уровня семейной тревоги); тест-опросник удовлетворенности браком, разработанный В. В. Столиным, Т. Л. Романовой и Г. П. Бутенко [3] (экспресс-диагностика степени удовлетворенности-неудовлетворенности браком).

Обработка полученных данных с помощью описанного диагностического комплекса проводилась методами качественного и количественного, в том числе и статистического анализа. Для выявления значимости различий удовлетворённости браком созависимых супругов с разным уровнем семейной тревоги был использован критерий Стьюдента.

Таким образом, проанализировав эмпирические данные по трём методикам, мы можем сформулировать следующие выводы.

1. 106 супругов из 148 человек являются в той или иной мере созависимыми. Они полностью поглощены тем, чтобы контролировать поведение других и совершенно не заботятся об удовлетворении собственных жизненно важных потребностей. Для них также характерна ещё склонность к трудоголизму, перееданию, азартным играм или употреблению алкоголя и других одурманивающих веществ. Они боятся неожиданностей, ищут недостатки вместо преимуществ в большинстве ситуаций, оценивают свои жизненные ситуации как кризисные и считают, что у них появились проблемы со здоровьем из-за постоянных волнений, стрессов и «самосжигания». Кроме того, они боятся быть отвергнутыми теми, кого они любят.

2. Для 28 супругов, что составляет 26,4 % от выборки, характерен низкий уровень семейной тревоги, 64 супругов, что составляет

60,4 %, характерен средний уровень семейной тревоги, а для 14 супругов, что составило 13,2 % от всей выборки, характерен высокий уровень семейной тревоги. Таким образом, супруги со средним и высоким уровнем семейной тревоги испытывают сомнения, страхи, опасения, которые касаются, прежде всего, семьи — здоровья её членов, их отлучек и поздних возвращений, стычек и конфликтов, возникающих в семье. Важными составляющими «семейной тревоги» являются также чувство беспомощности и ощущение неспособности вмешаться в ход событий в семье, направить его в нужное русло. Индивид с семейно-обусловленной тревогой не ощущает себя значимым действующим лицом в семье, независимо от того, какую позицию он в ней занимает и насколько активную роль играет в действительности.

3. При проведении статистического анализа были обнаружены различия в показателях удовлетворённости браком у созависимых супругов с разными уровнями семейной тревоги.

4. В результате проведённого эмпирического исследования гипотеза полностью подтверждена, а именно: супруги с низким уровнем семейной тревоги больше удовлетворены браком, чем супруги со средним и высоким уровнями семейной тревоги.

Литература

1. Браки и разводы в России. Неутешительная статистика. — Режим доступа : <http://arriva.ru/publications/news/26899/>

2. *Макушина О. П.* Методы психодиагностики зависимого поведения : учеб. пособие для вузов / О. П. Макушина. — Воронеж : Издательско-полиграфический центр ВГУ, 2012. — 76 с.

3. *Макушина О. П.* Методы психодиагностической и психотерапевтической работы с супругами : учеб. пособие для вузов / О. П. Макушина, В. А. Тенькова. — Воронеж : Издательско-полиграфический центр ВГУ, 2010. — 80 с.

4. *Москаленко В. Д.* Зависимость : семейная болезнь / В. Д. Москаленко. — М. : ПЕР СЭ, 2002. — 335 с.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЛИДЕРСТВО КАК ОБЪЕКТ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Я. А. Матвиенко, магистрант 1 курса
matvienkoa@yandex.ru

Научный руководитель — д-р психол. наук, доц. К. М. Гайдар

К теме лидерства постоянно обращаются все, кому не безразлична их судьба и будущая жизнь. Это предмет бесчисленных статей в журналах, газетах, биографиях и автобиографиях лидеров прошлого и настоящего [3].

Феномен лидерства так же стар, как человечество, он универсален и неизбежен. Он существует везде — в больших и малых организациях, в бизнесе, в религии, в компаниях и университетах, в неформальных организациях, шайках, демонстрациях.

Из множества различных аспектов лидерства политическое лидерство, особенно лидерство в нации, государстве, занимает особое положение. Выборность государственных и политических лидеров является основным принципом формирования института власти, что предполагает участие в его образовании большинства социально активных членов общества, в общественном, групповом и индивидуальном сознании которых рождается и действует система представлений о политическом лидере [1, 2].

В связи с вышесказанным психологическое изучение феномена политического лидерства является актуальным и сможет облегчить решение многих задач, стоящих перед политикой нашей страны.

Целью нашего исследования является изучение особенностей политического лидерства как объекта современной социальной психологии.

Лидерство — один из механизмов интеграции групповой деятельности, когда индивид или часть социальной группы выполняет роль лидера, т.е. организует, направляет деятельность всей группы, которая ожидает, принимает и поддерживает его действия [4]. Лидер обладает качественно иными, по сравнению

с другими членам группы, характеристиками, которые лежат в основе механизмов осуществления лидерства [5].

В отечественной психологии проблемы лидерства рассматривались с различных сторон:

— с позиций исторической роли и предназначения выдающейся личности (Г. Плеханов);

— с позиций революционного авангардизма (Н. Добролюбов, А. Герцен, Н. Чернышевский, В. Ленин);

— с позиций исполнения естественных прав человека и освобождения его от социального гнёта даже через мятеж (М. Бакунин);

— как отражение объективной потребности общественных масс («толпы») в «герое» — выдвигенце (Н. Михайловский);

Исследователи ВЦИОМа выделили 16 основных черт, по которым, по их мнению, необходимо сравнивать реальных политических лидеров [6]: опыт политической и хозяйственной деятельности; волевые качества, профессионализм; государственный подход к решению проблем; способность к соблюдению конкретной последовательной политической позиции; энергичность; активность; стремление к порядку; культура; просвещенность; ораторское мастерство; независимость; готовность к защите интересов граждан; харизматичность, обаяние; честность, порядочность; бескорыстность; лабильность.

В настоящее время социально-политический процесс обрел массовость, общественные отношения усложнились, определилось новое политическое сознание. Благодаря широкому развитию телевидения, прессы, радио, интернет-ресурсам, у общенациональных лидеров появляется уникальная возможность, минуя правящую элиту, обращаться непосредственно к народу. Вместе с тем, эти же средства массовой информации (СМИ) дают возможность стоящим у власти эффективно манипулировать общественно-политическим сознанием.

Развитие информационно—коммуникационных систем выдвигает проблему формирования представления о политическом лидерстве.

В современном обществе своеобразии политического пространства таково, что граждане формируют, как правило, свои представления о политических лидерах на основе их символической репре-

зентации в СМИ, а не в результате непосредственного контакта с ними. На смену убеждений в качестве предметной основы политической коммуникации лидера и общества все чаще приходит имидж политика, создаваемый и распространяемый в СМИ. Присутствие политического лидера в СМИ предстает как необходимое условие его позиционирования в политическом пространстве.

На основе теоретического анализа данных по теме исследования мы можем сделать вывод о высокой роли изучения политического лидерства в современной социальной психологии. Это позволит:

- а) оптимизировать процесс политической практики, а именно в исполнительской ветви государственной власти и органов управления;
- б) совершенствовать процедуру государственных выборов политических лидеров первого и второго порядка;
- в) оптимизировать работу pr-менеджеров и психологов политических лидеров;
- г) формировать представления о действующем лидере страны и региона, углубить понимание гражданами личностных и социально-психологических особенностей действующих политических лидеров.

Литература

1. Блюндель Ж. Что такое лидерство и как оно может быть оценено / Ж. Блюндель // Городское управление. — 2007. — № 2. — С. 2—7.
2. Блюндель Ж. Что такое лидерство и как оно может быть оценено / Ж. Блюндель // Городское управление. — 2007. — № 6. — С. 2—10.
3. Володарская Е. Студенчество и наука : анализ социальных представлений / Е. Володарская // Высшее образование в России. — 2006. — № 2. — С. 90—95.
4. Райгородский Д. Я. Психология и психоанализ власти. Хрестоматия / Д. Я. Райгородский. — Самара : Изд. дом «БАХРАХ», 1999. — Т. 1. — С. 577—578.
5. Тулеев А. М. Политическое лидерство в регионах современной России : автореф. дис. ... канд. полит. наук / А. М. Тулеев. — М., 2000. — С. 7—9.
6. Экономические и социальные перемены : Мониторинг общественного мнения. — 1999. — № 2. — С. 18.

ТИПЫ ЛИЧНОСТЕЙ, СКЛОННЫХ К СУИЦИДУ

Е. С. Назарова, магистрант 1 курса

katerinanazarova@mail.ru

Научный руководитель — канд. психол. наук, доц. Н. М. Пинегина

Скорее всего, каждый человек проходил такой этап в своей жизни, на котором он думал о совершении суицида, однако, дальнейшие мысли в большинстве случаев никто не заходил. Специальные защиты и установки — это те механизмы, которые удерживают людей и не дают перейти на зону риска. К сожалению, данные механизмы срываются не у всех, тогда приходится сталкиваться с неизбежностью произошедшего с близкими, друзьями, знакомыми. Важно понимать, что такой «сбой» в защитных механизмах и установках происходит не из-за наличия какой-либо психической патологии, а, как известно, суициденты, в основном, абсолютно психически здоровые люди. Чтобы разобраться, какие именно личности более склонны к совершению суицида, нужно выделить их типы.

Р. Комер, исходя из классификации Э. Шнейдмана, дал описание четырех типов людей, которые стремятся положить конец своему существованию. Здесь он выделяет искателей смерти; инициаторов смерти; отрицателей смерти и игроков со смертью [2].

Первый тип личности или искатели смерти при совершении попытки самоубийства идут к цели — умереть. Однако, такая целеустремленность преобладает относительно недолго, после чего приходят сомнения, терзающие суицидента некоторое время от часа до нескольких дней, а в следующий период желание покончить с собой снова возвращается.

Второй тип (инициаторы смерти) тоже имеют главную цель — покончить жизнь самоубийством, но они лишь убеждены в том, что смерть неминуема, а суицид — лишь ускорение данного процесса. Некоторые стойко убеждены, что их смерть является вопросом дней или недель. Обычно к этой категории относятся случаи

попыток суицида среди пожилых и тяжелобольных людей. Так, считается, что Э. Хемингуэй, будучи всю жизнь крепким и здоровым, был крайне обеспокоен ухудшениями в своем физическом состоянии, что и подвигло его к решению закончить жизнь самоубийством [1].

Итак, искателем смерти является человек, твердо намеренный покончить с собой при совершении попытки самоубийства, а инициатор смерти — это человек, совершающий попытку самоубийства из убеждений того, что данный процесс уже начался и является необратимым, а суицидент лишь ускоряет его.

Третий тип личности под названием отрицатели смерти стойко верят, что при прекращении своей жизни они не лишают себя существования, а обменивают его на более счастливое, которое можно прожить лишь в ином мире. Верующие в загробное существование и попадают под эту категорию, так, к примеру, члены секты «Небесные врата» из тридцати девяти человек в 1997 году покончили жизнь самоубийством, свято веря в освобождение души и возможности вознестись к высшим сферам на небесах.

Четвертый и последний тип, выделенный Э. Шнейдманом, зовется «Игроки со смертью». Данный тип на протяжении своей жизни испытывает некоторую двойственность и противоречивость в своих чувствах по отношению к возможности собственной смерти. Данная двойственность проявляется как при попытке самоубийства, так и в способе его совершить. Такой тип людей, подсознательно желающих умереть, что чаще всего и происходит, прибегают к таким попыткам, которые не гарантируют стопроцентный смертельный исход. Так, к примеру, всем известная игра «русская рулетка», при которой заряжается револьвер одним патроном во всем барабане и по кругу передается игрокам, является отличным примером типов людей, любящих «играть со смертью» [1].

Итак, отрицатели смерти — это такие типы людей, совершающих попытку самоубийства, которые не признают смерть в виде конца своего существования, тогда как игроки со смертью — те личности, что испытывают двойственные чувства о возможности своей смерти даже в случае совершения попытки суицида.

Таким образом, мы можем выделить такие типы суицидальных личностей, как искателей смерти, инициаторов смерти, отрицателей смерти и игроков со смертью — для всех типов людей. Для того, чтобы предотвратить любые попытки суицида со стороны любой категории и группы людей, важно знать и понимать основные мотивы, цели и причины происхождения данного феномена.

Литература

1. Шнейдман Э. Душа самоубийцы / Э. Шнейдман. — М., 2001. — 163 с.
2. Комер Р. Патопсихология поведения. Нарушения и патологии психики / Р. Комер. — СПб., 2002. — 608 с.

К ВОПРОСУ О СКЛОННОСТИ К ДЕПРЕССИИ ЖЕНЩИН

А. Насири, магистрант 2 курса
alinasiri84@yahoo.com

Научный руководитель — канд. психол. наук, доц. О. В. Тимофеева

Депрессия — синдром, характеризующийся пониженным настроением (гипотимией), торможением интеллектуальной и моторной деятельности, снижением витальных побуждений, пессимистическими оценками себя и своего положения в окружающей действительности, соматоневрологическими расстройствами [1].

Как правило, выделяют три группы депрессий: соматогенные (органическая и симптоматическая), эндогенные (шизофреническая, циркулярная, периодическая, инволюционная), психогенные (невротическая, истощения, реактивная).

Очевидно, что склонность к этим видам депрессии будет иметь различную природу. В первом случае значимой будет тяжесть соматического заболевания, во втором — наличие психического отклонения, в третьем — острота жизненного кризиса.

Интересными, на наш взгляд, являются акценты, расставляемые в качестве основополагающих для возникновения депрессии. В случае соматогенных депрессий и эндогенных (с опорой на название) основная причина кроется в заболевании — соматическом или психическом. При психогенных депрессиях причиной, в первую очередь, видится скорее нечто внешнее. Мы считаем, что для возникновения депрессии имеют значение как внешние факторы (заболевание, кризисы и т.п.), так и то, что называется Дж. Энгелем «диатез», т.е. внутренние факторы. Мы их называем склонностью.

Склонность понимается нами как предрасположенность к чему-нибудь, наличие условий для возникновения чего-нибудь, подверженность чему-либо [2].

Отсюда под склонностью к депрессии мы понимаем предрасположенность к пониженному настроению (гипотимии), торможению интеллектуальной и моторной деятельности, снижению витальных побуждений, пессимистическим оценкам себя и своего положения в окружающей действительности, соматоневрологическим расстройствами, возникающим при наличии соответствующих условий.

Благодаря получившим широкое распространение идеям психоаналитического направления общепринятым считается роль родительской семьи в формировании характера взрослого человека, паттернов его поведения. Несомненно, на формирование личности, ее направленности оказывают влияние и ряд образовательных учреждений, в которых обучается ребенок. Считаем, что склонность к депрессии женщин связана и с ее социальным статусом: наличием/отсутствием замужества. Изучением склонности к депрессии замужних и незамужних женщин посвящено наше исследование, результаты которого в ближайшее время станут доступными научной общественности.

Литература

1. Блейхер В. М. Толковый словарь психиатрических терминов / В. М. Блейхер, И. В. Крук. — Воронеж, 1995. — 527 с.
2. Большой психологический словарь / под ред. Б. Г. Мещерякова и В. П. Зинченко. — СПб., 2005. — 672 с.

ЛИДЕРСКИЕ КАЧЕСТВА В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ

А. Н. Подстрешная, студентка 2 курса

nastya_podstresh@mail.ru

Научный руководитель — канд. психол. наук, доц. Н. М. Пинегина

Лидерство является достаточно популярным феноменом в обществе. В большинстве случаев инициативу и ответственность оно передает своим лидерам. Лидерство практически полностью формируется социальной сферой: это семья, детский сад, школа. Именно в школе больше всего формируется личность лидера.

Лидеры есть почти в каждом коллективе и играют огромную роль в его деятельности, оказывают влияние на эмоциональную сферу группы и ведут за собой.

Само слово «лидер» в переводе с английского языка означает «руководитель», «командир», «вожак».

Лидер — член группы, за которым она признает право принимать ответственные решения в значимых ситуациях, т. е. это авторитетная личность, играющая центральную роль в организации совместной деятельности и регулировании взаимоотношений в группе [4].

Р. Л. Кричевский дает следующее определение лидерства: это «...преимущественно психологический по своей природе феномен, спонтанно возникающий и развертывающийся в системе неформальных отношений людей и вместе с тем выступающий средством организации отношений этого типа, управления ими» [2, с. 17].

Необходимо дать краткую характеристику подросткового возраста. Хронологические рамки — от 11—12 до 14—15 лет. Этот период является самым маленьким по продолжительности, но именно в это время происходит основное развитие личности [3]. Это период полового созревания, «гормональная буря».

Л. С. Выготский выделяет три новообразования в подростковом возрасте: чувство взрослости, развитие рефлексии и на ее

основе развитие самосознания. Чувство взрослости является центральным и специфическим новообразованием отрочества. Это представление подростка о себе как уже не о ребенке [5].

Следует отметить, что, по мнению Д. Б. Эльконина, ведущей деятельностью детей этого возраста становится общение со сверстниками. Главная потребность этого периода — найти свое место в обществе, быть «значимым» — реализуется в компании сверстников [6].

Действительно, в период отрочества подросток по-другому оценивает собственные взаимоотношения с семьей, он начинает дорожить отношениями со сверстниками. Ребенок стремится покинуть зону влияния родителей, что обычно выражается в негативизме — «стремлении противостоять любым предложениям, суждениям, чувствам тех, на кого направлено отчуждение». Это является «началом активного поиска подростком собственной уникальной сущности, собственного «Я» [3, с. 346]. Причиной мощного влияния сверстников на подростка является схожесть переживаемых проблем и возможность поддерживать друг друга.

Подростковый возраст — период в развитии личности, когда возникает актуальная потребность самоутверждения, самореализации, в том числе и в лидерской деятельности. Именно лидерские качества дают возможность подростку проявить свою жизненную позицию, чувствовать себя уверенно, закрепиться в обществе и гармонично расти и развиваться.

Что же такое «лидер» в подростковой группе? Это подростки, которые своим поведением, влиянием на других членов группы, способностью в достижении учебных задач обеспечивают успешность деятельности подростковой группы. Лидер часто является эталоном, наиболее референтным лицом в классе, с помощью которого все другие оценивают свои и чужие поступки.

Также в подростковой группе необходимо различать лидеров, избранных официально, и неформальных лидеров. Официальный лидер, например, это староста. Зачастую официальный лидер назначается педагогом. В таком случае лидер пренебрегает интересами группы, ставя на первое место взгляды педагога. В

результате лидер может потерять свой авторитет, а положение неформального лидера изменится, его влияние увеличится. Также лидерами могут стать как положительные подростки, так и подростки-хулиганы.

Исходя из анализа особенностей подросткового возраста, мы можем выделить свойственные подростковому лидеру качества, опираясь на классификацию Н. Р. Битяновой [1].

К общим качествам лидера она относит: активность, инициативность, компетентность, общительность, сообразительность, настойчивость, самообладание. А также работоспособность, наблюдательность, самостоятельность, организованность [1].

Кроме общих качеств она выделила специфические качества лидера, так называемые «своеобразные индикаторы». К ним относятся: организаторская проницательность; способность к активному психологическому воздействию; склонность к организаторской работе, лидерской позиции, потребность брать ответственность на себя [1].

Как мы уже знаем, ведущей деятельностью этого периода, является общение со сверстниками. Но мотивы общения на протяжении подросткового возраста меняются: от желания находиться в среде сверстников к мотиву занять определенное место в коллективе, а в последствии и стремление к автономии [6]. Здесь мотивы общения являются предпосылками формирования общительности, инициативности и самостоятельности. Общаясь со сверстниками, стремясь расширить круг своих знакомых и друзей, подросток развивает свои коммуникативные навыки. Это впоследствии может дать толчок развитию организаторской проницательности. Имея опыт взаимодействия с разными людьми, подросток начинает искать к каждому человеку свой подход, что помогает формировать способность к активному психологическому воздействию.

Формирующееся чувство взрослости требует от подростка принятия собственных решений, планирования своих действий, а это проявляется в организованности, которая также является лидерским качеством. Но кроме принятия решений, подростку необходимо отстаивать свою точку зрения, он хочет

доказать, что он уже не ребенок, что он такой же, как и взрослые. Для этого ему необходима настойчивость. Следствие этого — развитие еще одного лидерского качества — склонности к организаторству, лидерской позиции, потребности взятия на себя ответственности.

Также в подростковом возрасте развивается рефлексия, на основе которой потом развивается самосознание. Подросток познает себя как личность, отличную от других, что вызывает у него стремление к самовоспитанию, к развитию самообладания.

Таким образом, мы рассмотрели проблему лидерских качеств в подростковом возрасте. Лидерство является необходимым условием развития личности. За его счет подросток удовлетворяет свою потребность в общении, закрепляется в обществе, удовлетворяя тем самым чувство взрослости. Став лидером, ребенку приходится брать на себя ответственность, представлять и защищать интересы группы перед другими. То, как сформируется личность в этом возрасте, играет огромную роль во всей жизни человека.

Литература

1. *Битянова Н. Р.* Психология личностного роста / Н. Р. Битянова. — М. : Академия, 1995. — 210 с.
2. *Кричевский Р. Л.* Психология руководства и лидерства в спортивном коллективе / Р. Л. Кричевский, М. М. Рыжак. — М., 1985. — 224 с.
3. *Мухина В. С.* Возрастная психология : феноменология развития, детство, отрочество : учебник для вузов / В. С. Мухина. — Москва : Академия, 2000. — 456 с.
4. Психология. Словарь / под ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. — М., 1990. — С. 189—191.
5. *Сапогова Е. Е.* Психология развития человека : учеб. пособие / Е. Е. Сапогова. — М. : Аспект Пресс, 2005. — 460 с.
6. *Шаповаленко И. В.* Возрастная психология / И. В. Шаповаленко. — М. : Гардарики, 2007. — 350 с.

ОБЗОР ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ФОРМИРОВАНИИ ЗАВИСИМОСТИ ОТ ПСИХОАКТИВНЫХ ВЕЩЕСТВ

А. А. Пылаев, магистрант 1 курса
krapinsky@bk.ru

Научный руководитель — канд. психол. наук, доц. О. П. Макушина

Зависимость от психоактивного вещества — форма поведения, при которой человек утрачивает контроль над его употреблением так, что вся его жизнь концентрируется только на этом. Впоследствии возможно как выработка толерантности по отношению к данному веществу, так и появление синдромов абстиненции при прекращении приема. «Сутью такого поведения становится значительное изменение иерархии ценностей человека, уход в иллюзорно-компенсаторную деятельность и существенная личностная деформация» [5, с. 69] Также, в аналогичном значении, в мировом сообществе употребляется термин аддикция или аддиктивное поведение.

Изначально к веществам, вызывающим химическую зависимость, относили только лекарственные препараты (от английского — drug). К ним причисляли любые непищевые продукты, способные воздействовать как на организм, так и на психику человека. К примеру: героин, опиум, морфий, марихуана и т.д. В дальнейшем от этого термина пришлось отказаться, поскольку он не включал в себя круг сходных по механизмам формирования зависимости веществ: алкоголь, табак, кофеин. По этой причине ученые предпочитают термин психоактивные вещества (ПАВ).

Для постановки диагноза в классификации Diagnostic and Statistical Manual of mental disorders (DSM—4), принятой в США [3], используются следующие критерии.

Деадаптивный паттерн употребления психоактивных веществ, приводящий к выраженному дистрессу или ухудшению.

Три и более из нижеследующих симптомов: толерантность;

синдром отмены; психоактивные вещества употребляются чаще и в больших дозах, чем хотелось бы; постоянное желание или безуспешные попытки контролировать употребление психоактивных веществ; употребление психоактивных веществ за важным делом; употребление психоактивных веществ, продолжающееся, несмотря на возникающие или возрастающие в этой связи проблемы в личной и социальной жизни.

На современном этапе развития психологической науки изучение механизмов формирования химической зависимости происходит на междисциплинарном уровне. В наиболее общих чертах исследования предоставлены: социокультурной, биологической и психологической точкой зрения. Те же, в свою очередь, разбиваются на отдельные теоретические подходы. Так, в рамках социокультурной теории считается, что на формирование зависимости оказывает влияние социально-экономическое положение человека, его этническая принадлежность. Психологическое направление зачастую переносит основы психологических направлений на модель зависимости. Так, есть психоаналитическая, бихевиористическая, когнитивная теория аддиктивного поведения. К биологическим теориям можно отнести теории «генетической предрасположенности», «биохимических факторов». Ни одна из точек зрения на данный момент не может считаться полностью научно доказанной. И зачастую, именно по этой причине, при терапии химических аддикций представленные теории берутся в совокупности.

По большей части, основы, лежащие в той или иной концепции формирования зависимости, практически универсальны для каждой страны. Первая причина такого явления заключается в том, что, как уже говорилось, большинство современных исследований строится на сочетании культурных, психологических и биологических факторов. Изменяются только взгляд на их вклад в развитие аддикции. Вторая причина банальна, большинство подходов привязаны к определенному базовому теоретическому направлению. К примеру, приверженцы бихевиористского направления считают, что зависимость к ПАВ формируется по механизмам классического условно-рефлекторного обуславливания. И соответственно, приверженцы бихевиоризма вне зависимости

от географической локализации будут придерживаться примерно схожих взглядов. И последняя по порядку, но не по важности, причина заключается в том, что существуют определенные стандарты, за рамки которых трудно выйти, не нарушая законов страны. К примеру, Всемирная Организация Здравоохранения выпускает Международную Классификацию Болезней (International statistical Classification of Diseases and related health problems), в которой отражена господствующая научная парадигма по данному вопросу.

В отечественной психологии изучение зависимого поведения приобрело свой специфический оттенок. В 1976 году в нашей стране произошло отделение наркологии от психиатрии, в связи с чем данные направления изучали зависимое поведение в практически полной изоляции друг от друга. Такое разделение привело к двум диаметрально противоположным позициям на понимание влечения к ПАВ. Среди специалистов-наркологов принято психопатологизировать данный феномен. Таким образом, ему приписывается психологически или физиологически обусловленные психические изменения, идентичные патологическим. Это означает, что наличие влечения уже признается отклоняющейся характеристикой личности. К таким специалистам-наркологам относятся: В. Б. Альтшулер, Л. Н. Благов, М. А. Михайлов, Е. А. Брюн и др. Отдельные представители наркологического направления идут дальше, утверждая, что к патологиям можно также причислить феномен созависимости. Следуя подобным взглядам, они предлагают и созависимость лечить медикаментами, а некоторые специалисты требуют ввести принудительное лечение на законодательном уровне. Самое главное то, что имеется в виду не устранение физических аспектов зависимости, а лечение, сходное с терапией бредовых и депрессивных расстройств. Ю. С. Савенко такую парадигму ученых относит к гипердиагностической.

В свою очередь, на позицию, близкую к зарубежным ученым, встают В. Д. Менделевич и М. Л. Зобин [1, 2], утверждающие, что не критичность к собственному поведению, неадекватное поведение не может свидетельствовать о патологиях психики, поскольку химическая потребность стала необходимой для поддержания гомеостаза организма. «Поведение наркозависимого не может

признаваться аморальным, поскольку следование нормам морали у него блокируется неопределенным физиологическим влечением, являющимся основополагающим признаком его болезни» [4, с. 29]. По их мнению, отечественные разработки игнорируют мировой опыт изучения аддиктивной зависимости, находятся в так называемом информационном вакууме.

К сожалению, размер статьи не позволяет привести все аргументы противоборствующих сторон. Но определенные выводы можно сделать уже прямо сейчас. Изучение зависимого поведения — огромный пласт как в психологических, так и в смежных науках. Несмотря на то, что проведен колоссальный объем исследований по данной теме, универсальной всепоглощающей теории еще не создано. В нашей же стране это осложняется еще тем, что намечен серьезный раскол между научными дисциплинами, изучающими одинаковую тему. На психологах же лежит особая ответственность, поскольку они находятся между двух огней. И вне зависти от того, чей подход ближе к истине, психологический аспект зависимости всегда будет актуальным.

Литература

1. *Зобин М. Л.* К вопросу об оценке эффективности лечения в наркологии / М. Л. Зобин // Наркология. — 2006. — № 10. — С. 70—72.

1. *Зобин М. Л.* Отечественная наркология : 35 лет самостоятельного пути. Неутешительные итоги / М. Л. Зобин. — Режим доступа : [http:// www.narcom.ru/publ/info/962.html](http://www.narcom.ru/publ/info/962.html).

1. *Комер Р.* Патопсихология поведения: нарушения и патологии психики / Р. Комер. — СПб. : Прайм-еврознак, 2007. — 640 с.

1. *Менделевич В. Д.* Аддиктивное влечение / В. Д. Менделевич, М. Л. Злобин. — М. : МЕДпресс-информ, 2012. — 263 с.

1. *Менделевич В. Д.* Психология девиантного поведения / В. Д. Менделевич. — СПб. : Речь, 2005. — 445 с.

ВОЗРАСТНАЯ ДИНАМИКА ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СМЕРТИ

В. Н. Романенко, студентка 3 курса

psix-tyt@yandex.ru

Научный руководитель — канд. психол. наук, доц. О. П. Макушина

Современный мир, вместе с развитием СМИ, обрушил на человека поток информации, большей частью негативного характера, который все труднее «фильтровать». Ежедневно мы видим новостные ленты, на первых полосах которых царит жестокость — военные конфликты, теракты, несчастные случаи и вооруженные столкновения. Такие события наталкивают нас на мысли о собственной смертности и конечности своего бытия, что может вызывать беспокойство или страх. И если еще в начале прошлого века знания об умирании и смерти были доступными и понятными обывателю, современное общество не дает такого опыта подрастающему поколению, оно как бы отрицает сам факт смертности. Публичное обсуждение смерти — под негласным табу. Часто человек, впервые сталкиваясь с конечностью бытия, бывает не готов к этому, что приводит к разнообразным психологическим травмам.

Вопросы, связанные с темой жизни и смерти, сопровождают человека на протяжении всей его жизни, как бы он не пытался отгородиться от них. Личность проходит ряд возрастных преобразований в своем развитии, ее представления о конечности жизни меняются вслед за ними. Следовательно, мы можем проследить особенности взаимоотношений с собственной смертностью на каждом возрастном этапе. В основе нашего исследования будет лежать возрастная психосоциальная классификация фаз развития и возрастных кризисов Э. Эриксона [6].

Принято считать, что вопросы конечности бытия интересуют сугубо людей пожилого возраста или тех, кто встретился со смертью, но как бы человек не пытался избежать этой темы, он будет возвращаться к ней на каждом этапе своей жизни. Известно, что возрастные кризисы ведут не только к качественным изменениям

личности, но и каждый раз вновь поднимают извечные экзистенциальные вопросы бытия.

Базовые представления о смерти возникают уже в первые годы жизни (1—2 годы жизни) и имеют орально-сепаративный характер. Ребенок рассматривает смерть как акт проглатывания — выплевывания или как сепарацию людей друг от друга [2].

После разрешения кризиса 3-х лет ребенок начинает осознавать и окончательно ощущать себя отдельно от родителей, чувство собственного бытия начинает приносить ему удовольствие. Вслед за этим появляется страх его потери, который воплощается в страхе смерти [5].

Дошкольники (4—6/7 лет) воспринимают небытие как сон, отъезд или расставание, для них смерть проявляется в отдалении от людей. Так, страх темноты или трудности с засыпанием являются проявлениями страха смерти в этом возрасте. В этот период дети могут верить, что мертвый продолжает жить в новом месте, например, загробном мире [2].

Младшие школьники (6/7—12 лет), как правило, персонифицируют смерть, облакая ее в конкретный образ: старуха с косой, злая ведьма, скелет, вампир и т.д. Ее образ ассоциируется сугубо с физической, но никак не с ментальной конечностью существования. Для детей этого возраста характерно представление небытия как отсутствие физической целостности. Смерть представляется как конечное событие, которого можно избежать и которое происходит исключительно от внешних причин [2]. Страхи этого возраста воплощаются в конкретных персонажах фольклора, сказок или кино [3]. Можно сказать, что это время «монстров под кроватью».

Основная трудность юности (13—19 лет) — это расставание с идеей личного бессмертия. Рецидив младенческого нарциссизма побуждает почти каждого видеть себя в мечтах великим и гениальным, благодаря чему невозможность вечного существования «заменяется» идеей вечной славы, вечной жизни в героических деяниях и т. п. Да и вера в физическое бессмертие не проходит сразу. Отчаянные, смертельно опасные поступки некоторых подростков — не просто проверка своей силы и смелости, а буквально игра со смертью, проверка судьбы и абсолютная уверенность, что все обойдется [4]. Представления подростков о смерти могут быть и положительными вследствие возможной привлекательности ее романтического образа и несформированного антисуицидального барьера.

В молодости (19—35 лет) страх конечности бытия снижает свою активность и снова меняет форму. Смерть рассматривается не как конечный пункт, а как переходный этап в новую «лучшую» жизнь, но для того чтобы попасть в неё, нужно реализоваться в этом мире как профессионал своего дела и хороший родитель [3]. Таким образом, молодые люди не столько боятся самого процесса прекращения жизни, сколько ухода из нее «никем». Страх смерти переходит в неосознаваемую сферу, в связи с чем увеличивается количество неврозов.

Вместе с кризисом «середины жизни» (35—40 лет) вновь появляются экзистенциальные вопросы: «Зачем я живу?», «В чем цель моей жизни?», «Оглядываясь назад, чего я достиг?» и т.п. Смерть появляется на «горизонте» жизни, подталкивая к переоценке прошлого опыта и изменению своего будущего. Часто этот кризис сопровождается кардинальными изменениями по собственной инициативе [6].

Основной деятельностью взрослого человека (35—55/60 лет) является профессиональная реализация и воспитание детей, мысли о конечности жизни отходят на «задний план», но не исчезают совсем. Страх смерти в скрытой невротической форме может проявляться вместе с уходом из жизни близких людей, чужая кончина напоминает нам, что ничто не может быть вечным. Взрослеющие дети заставляют задуматься о своем возрасте, а уход из профессиональной деятельности подводит к «последнему» этапу жизни [7].

Старость (от 55/60 лет) знаменуется «закатом эпохи» для каждого человека. Люди этого возраста относятся философски к вопросу собственной смерти: уходит яркий эмоциональный фон этого переживания, и на смену ему появляются чувства скорби и боли из-за неизбежности конца жизни [3]. Пожилым людям свойственно конкретизировать свою смерть — происходит подготовка к обряду умирания, смерть перестает быть чем-то далеким и неясным — происходит ее принятие [7].

Представление человека о конечности своего существования невозможно рассматривать сугубо в стадийном подходе, на него так же оказывают значимое влияние жизненный путь и опыт личности. Возрастные особенности служат скорее фундаментом, позволяющим рассматривать глобальные процессы развития и поэтапные изменения в представлениях человека касательно смерти.

Литература

1. Гаврилова Т. А. Осознание собственной смертности как фактор становления подросткового чувства взрослости / Т. А. Гаврилова, Ф. А. Швец // Вопросы психологии. — 2010. — № 4. — С. 37—44.
2. Гаврилова Т. А. Проблема детского понимания смерти / Т. А. Гаврилова // Психологическая наука и образование. — 2009. — № 4.
3. Душина Е. А. Исследование особенностей отношения к смерти в разные возрастные периоды жизни человека / Е. А. Душина // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. — 2012. — № 1.
4. Кон И. С. Психология ранней юности. — М. : Просвещение, 1989. — С. 74—91.
5. Карандашев В. Н. Жить без страха смерти / В. Н. Карандашев. — М. : Смысл : Академический проспект, 1999.
6. Элкин Д. Эрик Эриксон и восемь стадий человеческой жизни / Д. Элкин. — М. : Когито-центр, 1996.
7. Ялом И. Экзистенциальная психотерапия. / И. Ялом — М. : Класс, 2000. — 604 с.

ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЮНОШЕЙ, ПЕРЕЖИВАЮЩИХ ОДИНОЧЕСТВО

Е. Н. Рыбасова, студентка 2 курса
ribasov@mail.ru

Научный руководитель — канд. психол. наук, доц. Н. М. Пинегина

В данной статье представлен анализ личностных особенностей юношей, переживающих одиночество.

Период юношества представляет собой ту возрастную часть, в процессе которой человек переходит от детства к взрослости, точнее, от подросткового возраста к самостоятельной жизни [3]. Отечественный педагог-психолог В. С. Мухина определяет возрастные границы юношеского возраста от 15—16 до 21—25 [3].

Личностные особенности образуют единую систему, в которую включены определенные биологические, индивидуальные особенности человека, его социальное окружение, те отношения и деятельность, в которую данный человек включен. Личностные особенности влияют на поведение индивида, его творческую активность, наклонности. Совокупность определенных личностных особенностей формирует уникальную человеческую личность. Можно сказать, что личностные особенности образуют тип личности.

Теперь перейдем к рассмотрению некоторых личностных особенностей. Коммуникативность — довольно сложный показатель одиночества индивида. Человек может быть внешне как бы одинок, не иметь друзей, сводить до минимума социальные контакты, но, тем не менее, быть счастливым, чувствовать себя спокойно и защищено. А возможен и обратный вариант — человек общителен, дружелюбен, активен, но тем не менее, одинок, потому что не чувствует себя по-настоящему нужным, не может найти друзей и любовь. Действует по правилам современного общества — если ты не умеешь выгодно «продать» себя, то тебя уже не любят, ты уже не нужен.

Другие личностные особенности помогут лучше понять одинокую личность. Рассматривая эгоизм и альтруизм юношей, стоит отметить, что для большинства психологов эгоист — одинокий человек, заикленный на себе, от этого и одинокий, альтруист же, напротив, человек мира и добра, он всех любит, поэтому и не может быть одинок. Так ли это?

Л. А. Саломе в своей книге «Эротика» отмечала, что у эгоистов и альтруистов есть много общего — оба опустошают себя в погоне либо за неограниченной властью, либо же в стремлении стать святым, «всем». В итоге оба создают только иллюзию своего счастья, оба по факту одиноки. Потому что эгоист всегда направлен только на самого себя и думает только о самом себе, а альтруист думает обо всех, только не о себе [4].

В юношеском возрасте по сути дела происходит окончательное формирование либо эгоистической направленности индивида, либо альтруистической. В конечном итоге мы можем наблюдать формирование либо садистического характера, либо мазохистического.

Касаясь проблемы садизма и мазохизма в эгоистической и альтруистической ориентациях, следует остановиться на таких личностных особенностях как агрессивность (враждебность) и покорность, податливость. Многими авторами отмечалось, что среди одиноких людей чаще всего встречаются именно те индивиды, которые проявляют признаки агрессии по отношению к окружающим людям. Например, Зилбург отмечал, что «одиноким индивидом, как правило, проявляется болезненную скрытность или открытую враждебность» [1, с. 159—160].

Э. Фромм отмечал, что агрессивные люди одиноки. Он, как и Зилбург, связывал это с манией величия. В своей последней и одной из самых глубоких и интересных работ — «Анатомия человеческой деструктивности» Э. Фромм описывает психологические портреты личностей, которые стали воплощением человеческой агрессивности и враждебности, отмечая их непоколебимую уверенность в себе и своих идеях, враждебность и, как ни странно, одиночество [2].

Если рассматривать враждебность в юношеском возрасте, то стоит отметить, что она довольно часто может быть «следом» неразрешенного подросткового кризиса. Поскольку одиноким людям часто сложно бывает адаптироваться в обществе, в подростковом возрасте, они просто не способны примкнуть к какой-либо группе.

Таким образом, одиночество часто связано с невозможностью любить окружающих. Одиноким человек эгоистичен, требователен к другим людям, неспособен прощать. Это все превращает его в отстраненного диктатора этакое сверхчеловека, лишённого способности к состраданию и любви. Подводя итог, можно отметить, что в общении такие люди могут быть идеальными собеседниками, отличными ораторами. Они чаще всего являются лидерами, в них сильна воля к власти и превосходству.

Но есть и другая категория одиноких людей. Как было отмечено выше, это люди лишённые уверенности в себе, плохо адаптированные к жизни в обществе, мазохисты в той или иной степени. Они зачастую не проявляют открытой враждебности, предпочитая жалеть себя, довольствоваться своим положением. Они боятся сблизиться с другими, из-за страха быть отвергнутыми, считают себя хуже других.

Таким образом, несмотря на довольно обширную теоретическую базу, проблема одиночества в юношеском возрасте остаётся

ся одной из самых неразрешенных проблем психологии. Начать с того, что само определение юности является сложной задачей. Юноши — особая возрастная категория индивидов, которые уже не подростки, но еще и не зрелые люди. В юности человек формирует себя как личность, как специалиста, поэтому и проблема одиночества здесь более сложная, чем в подростковом возрасте. Да, эта проблема не такая острая, как у подростков, но если юноша не найдет себя, не найдет то, что наполнит его жизнь смыслом, то, что не избавит его от одиночества, — есть вероятность, что он пронесет это чувство через всю жизнь. И уже трудно сказать, кем он будет в дальнейшем — изгоем, конформистом или диктатором.

Литература

1. Лабиринты одиночества / под ред. Н. Е. Покровского. — М. : Прогресс, 1989. — 624 с.
2. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / Э. Фромм. — М. : Прогресс, 2008. — 635 с.
3. Шаповаленко И. В. Возрастная психология / И. В. Шаповаленко. — М. : Гардарики, 2007. — 350 с.
4. Саломе Л. А. Эротика / Л. А. Саломе. — М. : Прогресс, 1994. — 567 с.

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ В ПЕРИОД РАННЕЙ ЮНОСТИ

**А. В. Самофалова, студентка 2 курса
alcam@inbox.ru**

Научный руководитель — канд. психол. наук, доц. О. В. Тимофеева

Самоопределение личности, по утверждению А. В. Петровского, — это сознательный акт выявления и утверждения собственной позиции в проблемных ситуациях [2].

© Самофалова А. В., 2016

В современной психологической литературе чаще всего рассматриваются такие виды самоопределения, как социальное, личностное, жизненное и профессиональное.

Профессиональное самоопределение — это особая форма самоопределения, направленная на принятие решения о выборе профессии и путях формирования личности как профессионала [4].

Анализируя данное понятие, можно утверждать, что это не однократный акт принятия решения, а стабильно сменяющие друг друга выборы.

В выпускном классе ученики в первую очередь уделяют внимание профессиональному самоопределению. Оно подразумевает отказ, самоограничение от подростковых фантазий, в которых ребенок мог быть представителем любой профессии. Старшекласснику приходится активно разбираться в различных профессиях, однако это вовсе не просто, так как в основе отношения к профессии лежит не свой собственный, а чужой опыт: информация, полученная от родителей, друзей, знакомых и т.д. Данный опыт обычно не пережит, а потому абстрактен. Кроме того, нужно правильно оценить свои объективные возможности: уровень учебной подготовки, материальные условия семьи, здоровье и, главное, свои склонности и способности [1].

В период ранней юности человек находится на стадии профессионального обучения и подготовки, начинающейся с поступления в профессиональное учебное заведение (профессиональный техникум, училище, высшее учебное заведение). Но изначально юноша или девушка должны осознанно выбрать это учреждение. Социальная ситуация характеризуется новой социальной ролью личности (учащийся, студент), новыми взаимоотношениями в коллективе, гражданским и политическим совершеннолетием, большей социальной независимостью. Ведущая деятельность — профессионально-познавательная, которая нацелена на получение определенной профессии. В общем, происходит самоопределение в рамках учебно-профессионального профиля.

Профессиональное самоопределение считается центральным новообразованием ранней юности. Это новая внутренняя позиция, включающая осознание себя как члена общества и принятие себя в нем.

В содержательно-процессуальной модели профессионального самоопределения, которая была предложена Н. С. Пряжниковым, центром признается ценностно-нравственный аспект, развитие самосознания (самопознание, развитая рефлексия) и потребность в профессиональной компетентности [4].

Также следует выделить ряд особенностей профессионального самоопределения в раннем юношеском возрасте.

Во-первых, развитие личности неразрывно связано с её деятельностью, и в данном случае профессиональное самоопределение осуществляется в учебно-профессиональной деятельности.

Во-вторых, в старших классах практически всегда происходит изменение учебной мотивации у юношей и девушек. Они начинают рассматривать учебу как необходимый фундамент будущей профессиональной деятельности. Их интересуют только те предметы, которые им пригодятся в дальнейшем развитии личности как профессионала в той или иной области.

Кроме того, иногда центральным новообразованием ранней юности становится не столько профессиональное самоопределение, сколько психологическая готовность к нему. И. В. Дубровина указывает на то, что готовность к самоопределению подразумевает не завершенные в своем формировании психологические качества и структуры, а определенную зрелость личности, сформированность психологических механизмов и образований, обеспечивающих возможность роста личности сейчас и в будущем [5].

Выбирая профессию, старшие школьники в большинстве случаев ориентируются на уровень выраженности у себя, во-первых, нравственно-волевых, затем интеллектуальных и только потом организаторских качеств.

Содержанием профессионального самоопределения являются процессы самопознания (осознание собственных предпочтений, интересов, склонностей, а также особенностей своего темперамента и характера), самооценивания (сравнение результатов самопознания с уже сложившимся представлением о требованиях, выдвигаемых со стороны выбираемой профессии) и саморазвития (целенаправленное формирование в себе таких качеств, которые требуются для успешного выполнения профессиональной деятельности в будущем).

Итогом профессионального самоопределения личности в раннем юношеском возрасте выступает личная профессиональная перспектива, жизненный план. Способность к сознательному профессиональному самоопределению юношей крайне важно формировать с точки зрения развитых умений выстраивать профессиональные и жизненные стратегии, планировать и прогнозировать свое будущее, что требует от личности, находящейся в этом возрастном периоде, качеств действующего субъекта.

По результатам проведенного исследования мы можем предложить следующие рекомендации психологам, педагогам и самим учащимся старших классов, для того чтобы облегчить процесс профессионального самоопределения в данном возрасте. Психологам можно осуществлять психодиагностику профессиональной направленности (интересов, способностей, возможностей). Педагогам следует проводить классные часы и беседы с учащимися на тему того, в каких сферах деятельности необходимы знания по тому или иному предмету. Для формирования профессионального самоопределения самим учащимся рекомендуется посещать больше секций, кружков, внеклассных мероприятий, в которых они могут раскрыть в себе новые способности к той или иной специальности. А работникам профориентационных служб следует проводить беседы со школьниками на тему актуальности той или иной профессии, необходимых знаний и умений для определенного вида специальности с целью формирования представлений о выбираемой будущей профессии.

Таким образом, можно сделать вывод, что дальнейшее развитие профессионального самоопределения у старшеклассников происходит в процессе учебно-профессиональной деятельности, для которой характерна смена учебной мотивации. Однако первоначально появляется психологическая готовность к данному самоопределению. Изучаемый феномен включает в себя профессиональную направленность и интерес, а также процессы самопознания, самооценивания и саморазвития. На переходном этапе между подростничеством и юношеством каждый человек способен испытывать страх перед решительным шагом, который изменит его будущее.

Литература

1. Зеер Э. Ф. Психология профессий : учеб. пособие для вузов / Э.Ф. Зеер. — М., 2005. — 336 с.
2. Краткий психологический словарь / под ред. А. В. Петровского и М. Г. Ярошевского. — Ростов н/Д., 1998. — 512 с.
3. Пряжников Н. С. Методы активизации профессионального и личностного самоопределения / Н. С. Пряжников. — М., 2002. — 400 с.
4. Пряжников Н. С. Профессиональное и личностное самоопределение / Н. С. Пряжников. — М., 1996. — 256 с.
5. Формирование личности в переходный период от подросткового к юношескому возрасту / под ред. И. В. Дубровиной. — М., 1987. — 184 с.

ИНТЕРНЕТ-ЗАВИСИМОСТЬ У ПОДРОСТКОВ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ СУБЪЕКТИВНОГО ОДИНОЧЕСТВА

А. А. Сапьян, студентка 2 курса
nutka130996@rambler.ru

Научный руководитель — канд. психол. наук, доц. О. В. Тимофеева

Компьютерные технологии в последние десятилетия развиваются достаточно интенсивно. Их воздействие весьма существенно сказывается на формировании личности современного подростка. Наиболее широкое распространение в наше время получила компьютерная сеть Интернет, которая не менее известна под названием «Всемирная паутина». Больше не нужно проводить много времени в библиотеке, ездить на концерты любимой группы, посещать кинотеатры, утомлять себя походами по магазинам. Все, что необходимо, можно получить в течение нескольких минут, не отходя от экрана монитора. Следствие этого обстоятельства крайне негативное — происходит формирование интернет-зависимости.

По словам специалистов, в настоящее время интернет-зависимость не включена в список психических заболеваний и расстройств. Однако тот факт, что такая зависимость не зарегистрирована в официальном списке болезней, совсем не означает, что отсутствует и сама проблема. Интернет для подростков — это целый мир, где они общаются, отдыхают, где перед ними море интересной информации. Тем не менее, Интернет часто выступает источником зависимого поведения уже с подросткового возраста.

Зависимость — это ощущаемая человеком навязчивая потребность в определенной деятельности [5]. На сегодняшний день один из видов нехимической зависимости — интернет-зависимость — стала предметом серьезного изучения как в зарубежной, так и в отечественной психологии.

Отличительная особенность интернет-зависимости заключается в том, что это не химическая зависимость, т.е. она не разрушает организм, по воздействию ближе к видам зависимости от азартных игр. Известно, что для формирования традиционных видов зависимости требуются годы, в то время как для интернет-зависимости этот срок значительно сокращается: согласно по данным К. Янг, 25 % людей обрели зависимость в течение шести месяцев после начала работы в Интернете, 58 % — в течение второго полугодия, а 17 % — после одного года пользования Интернетом. Зависимость, в первую очередь, замечают родные и близкие зависимого человека по изменениям в его поведении, распорядке дня, резким сменам настроения [3].

Как известно, основной аудиторией Интернета является молодежь, поэтому в скором времени одной из наиболее важных общественных проблем может стать невозможность социальной адаптации. Интернет-зависимые подростки уже не обладают гармоничной личностью, их личность становится аддиктивной. Опасность заключается в том, что очень часто, рано или поздно, аддиктивные личности становятся социально дезадаптированными [4].

Существуют определенные факторы, указывающие на риск формирования интернет-зависимости у подростков: увеличение времени пользования компьютером, снижение успеваемости в

учебе, отсутствие интереса к происходящему вокруг, резкие смены настроения, неадекватное поведение в ответ на предложение выключить компьютер [1].

Почему же подростки с высоким уровнем субъективного одиночества более склонны к формированию интернет-зависимости?

Подростки переживают одиночество в большей степени как личную ущербность и неполноценность, дефицит внимания со стороны окружающих, как тягостное недобровольное состояние, от которого хочется убежать прочь. У подростков появляется страх встречи с самим собой таким, какой он есть (т.е. неприятие себя). Переживается одиночество от отсутствия сил, желания и умения использовать свои ресурсы и возможности. Одиночество порождается безысходностью, когда подросток физически один, предоставлен сам себе и рядом нет никого, кто бы помочь, понять и поддержать. В силу своих психологических особенностей большая часть подростков еще к этому не готова.

Многие авторы рассматривают Интернет как инструмент преодоления чувства одиночества [2]. Во-первых, подростку не составляет проблем легко найти в Интернете собеседника в любое время суток на протяжении семи дней в неделю для непосредственного общения. Это способствует преодолению физической отдаленности и чувства дистанции. При этом Интернет служит источником распространения социальных связей по всему миру. Во-вторых, онлайн-общение может быть анонимным: в большинстве случаев подросток предпочитает взаимодействие в сети без показа своей истинной идентичности. В то же время интернет-общение не позволяет восполнить недостаток непосредственного эмоционального общения с людьми «лицом к лицу».

И. М. Баланов считает, что преодоление одиночества с помощью Интернета может зависеть и от того, какие психологические потребности он призван удовлетворять.

Как известно, любая деятельность направлена на удовлетворение потребностей. Спектр базовых потребностей современного подростка достаточно широк. Помимо необходимых для жизни потребностей (физиологических потребностей и потребностей в безопасности), важное место занимают социальные потребности

(потребность в общении, любви, признании) и потребности, связанные с развитием личности (потребности в познании, понимании, самореализации) [1].

Достаточно распространено мнение о том, что интернет-зависимость — это не официальный диагноз, что она скорее является симптомом других серьезных проблем в жизни личности, таких как депрессии, трудности в общении и т.д.

Но, несмотря на это, интернет-зависимость безоговорочно признается негативным направлением трансформации личности, преобразования деятельности (ее мотивационных, целеобразующих и операциональных составляющих), разрушающе воздействует на личность подростка.

Таким образом, можно сделать вывод, что формирование зависимости от Интернета наиболее вероятно у подростков с высоким уровнем субъективного одиночества, так как во время онлайн-сеансов подростки стремятся удовлетворить потребность в контакте с окружающими. Вероятность формирования интернет-зависимости у подростков, не ощущающих себя одинокими, ниже.

Литература

1. *Балонов И. М.* Компьютер и подросток / И. М. Балонов. — М., 2002. — С. 32—58.
2. *Василюк Ф. Е.* Психология переживания / Ф. Е. Василюк. — М., 1984. — С. 234—240
3. *Войскунский А. Е.* Психологические исследования феномена Интернет-аддикции / А. Е. Войскунский // Тезисы докладов 2-й Российской конференции по экологической психологии. — М., 2000. — С. 251—253.
4. *Короленко Ц. П.* Аддиктивное поведение. Общая характеристика и закономерности развития / Ц. П. Короленко // Обзорные психиатрии и медицинской психологии. — Москва, 1991. — Вып. 1. — С. 8—15.
5. *Свенцицкий А. Л.* Краткий психологический словарь / А. Л. Свенцицкий. — М., 2011. — 512 с.

ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И МЕТОДЫ КОРРЕКЦИИ СТРАХОВ У ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Д. С. Сафонов, студент 2 курса
89601118104@mail.ru

Научный руководитель — канд. психол. наук, доц. Н. М. Пинегина

Детские страхи — весьма актуальная проблема в современном мире. Страх — это специфическое острое эмоциональное состояние, особая чувственная реакция, проявляющаяся в опасной ситуации. Страхи у детей появляются вместе с познавательной деятельностью и во многом носят возрастной переходящий характер.

Внешние проявления страха выражаются в мимике, жестах, в изменениях в голосе. Внутренние проявления — это физиологическая реакция на эмоцию страха, то есть организм человека может быстро определить, полезно или вредно для него данное конкретное воздействие.

Группы страха, выделенные А. И. Захаровым: «медицинские» (боль, уколы, врачи, болезни); страхи, связанные с причинением физического ущерба (неожиданные звуки, транспорт, огонь, пожар, стихия, война); страхи смерти (своей, родителей); страхи животных и сказочных персонажей; ночные страхи (кошмарных снов, темноты); социально-опосредованные страхи (людей, детей, наказания, опоздания, «одиночества»); «пространственные» страхи (высоты, воды, замкнутого пространства).

Причинами детских страхов в дошкольном возрасте являются: наличие страхов у родителей, гиперопека, гипоопека, повышенная требовательность к ребенку, эгоцентрическое воспитание; конкретный случай, который напугал ребенка; внушённые страхи — многочисленные запреты со стороны родителей и воспитателей, а также гнев и угрозы взрослых в адрес ребенка; детская фантазия; внутрисемейные конфликты; взаимоотношения со сверстниками; неврозы.

Характерными особенностями детских страхов в дошкольном возрасте являются динамичность и доминирование определённого вида страха над другими.

Дошкольный возраст наиболее благоприятный период для коррекции страха. Коррекция страхов осуществляется посредством арт-терапии (рисования, песочной терапии, игротерапии, сказкотерапии, куклотерапии), телесной терапии, функциональной музыки, релаксации, индивидуально-групповых занятий, улучшения детско-родительских отношений.

Арт-терапия способствует актуализации страхов, повышению уверенности в себе. Посредством рисования удаётся устранить страхи, порождённые воображением, то есть то, что никогда не происходило, но может произойти в представлении ребенка. Песочная терапия помогает выражать свои самые глубокие эмоциональные переживания, ребенок освобождается от страхов и пережитое не развивается в психическую травму. Игротерапия является ведущим средством психотерапии в дошкольном возрасте. Структурированный игровой материал: куклы, мебель, постельные принадлежности (они провоцируют желание заботиться о ком-то), оружие (способствует выражению агрессии), телефон, поезд, машины (способствуют использованию коммуникативных действий).

В сказкотерапии используют приёмы работы со сказкой: анализ, рассказывание, переписывание, сочинение сказок.

Куклотерапия снимает напряжение, перенося его на куклу: оживляя свой страх, играя с ним, ребенок бессознательно запечатлевает то, что он может сам управлять своим страхом.

Телесная терапия используется для снижения напряжённости, мышечных зажимов, тревожности. Повышает уверенность в себе, снижает страхи.

Успокаивающая и восстанавливающая музыка способствует уменьшению эмоциональной напряжённости, переключает внимание.

Релаксация обеспечивает гармонизацию уровней эмоциональной регуляции и снижение уровня тревожности. Подготавливает тело и психику к деятельности, сосредотачивает на своём внутреннем мире, освобождает от излишнего нервного напряжения.

Индивидуально-групповые коррекционные занятия повышают самооценку, устраняют внутренние конфликты у ребенка, развивают навыки взаимодействия друг с другом.

Улучшение детско-родительских отношений осуществляется через изменение семейной ситуации, корректируя, прежде всего отношение к ребенку, создание условий для раскрытия личности малыша, создание ему возможности проявить себя, свои чувства и эмоции.

Страх играет важную роль в жизни детей дошкольного возраста. С одной стороны — он может уберечь от необдуманных и рискованных поступков, а с другой — положительные и устойчивые страхи препятствуют развитию личности ребенка, сковывают творческую энергию, способствуют формированию неуверенности и повышенной тревожности.

Профилактика страхов состоит в воспитании таких качеств, как оптимизм, уверенность в себе, самостоятельность. Ребёнок должен знать то, что ему положено знать по возрасту, о реальных опасностях и угрозах, и относиться к этому адекватно. Если психологическая, родительская и медицинская помощь будет оказана в дошкольном возрасте, можно рассчитывать на эффект предупреждения развития психастенических черт характера и неврозов в более старшем возрасте.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАВИСИМОЙ ЛИЧНОСТИ

**Н. В. Седнева, магистрант 1 курса
n-sedneva@yandex.ru**

Научный руководитель — канд. психол. наук, преп. О. М. Бабич

Зависимое поведение, по определению Ц. П. Короленко и Н. В. Дмитриевой, это один из типов девиантного поведения, выражающийся в стремлении человека уйти от реальности путем искус-

ственного изменения своего психического состояния посредством приема некоторых веществ или постоянной фиксации внимания на определенных предметах или видах деятельности с целью развития и поддержания интенсивных эмоций [2]. Актуальность изучения зависимого поведения связана с тем, что данный феномен представляет собой серьезную социальную проблему, поскольку в выраженной форме имеет различные негативные последствия: утрату работоспособности, проблемы взаимоотношений с окружающими людьми и обществом в целом. Это наиболее распространенный вид отклоняющегося поведения, который охватывает разнообразные сферы жизнедеятельности человека, а также в той или иной форме затрагивают почти любую семью. В основе зависимого поведения лежат личностные особенности, способствующие формированию зависимости.

В своей концепции зависимой личности В. Д. Менделевич говорит о внутреннем происхождении зависимого поведения. При этом стержнем зависимой личности является инфантильность (инфантилизм) [6].

Зависимой личности присуща зависимость, внушаемость, некритичность, легковерность, податливость групповому воздействию, авторитарному управлению; неспособность адекватно планировать и прогнозировать своё будущее; ригидность — негибкость всей психической деятельности (установок, ожиданий, стилей поведения, осмысления действительности), склонность к широкому спектру фиксированных форм поведения; максимализм — крайность в каких-либо требованиях, взглядах, эмоциях, категоричность в суждениях; нетерпеливость; характерен страх быть покинутой. Вся структура зависимой личности пронизана эгоцентризмом — фиксацией внимания на себе, своих интересах, чувствах.

Для отнесения человека к зависимому типу В. Д. Менделевич выделяет следующие признаки (указывая, что пяти из них достаточно для диагностики клинической зависимости): неспособность принимать решения без советов других людей; готовность позволять другим принимать важные для него решения; готовность соглашаться с другими из страха быть отвергнутым, даже при осознании, что они не правы; затруднения начать какое-то дело самостоятельно; готовность добровольно идти на выполнение унижительных или неприятных

работ с целью приобрести поддержку и любовь окружающих; плохая переносимость одиночества — готовность предпринимать значительные усилия, чтобы его избежать; ощущение опустошенности или беспомощности, когда обрывается близкая связь; охваченность страхом быть отвергнутым; легкая ранимость, податливость малейшей критике или неодобрению со стороны. При этом активность зависимой личности в обыденной жизни значительно снижена и носит избирательный характер: в тех областях жизни, которые пусть временно, но приносят человеку удовлетворение и вырывают из мира эмоциональной стагнации и бесчувственности, он может проявлять недюженную активность для достижения цели [6].

Ц. П. Короленко и Н. В. Дмитриева предполагают наличие следующих личностных особенностей зависимой личности: желание немедленного и гарантированного получения удовольствия без учета отдаленных по времени отрицательных последствий; затрудненность процессов преодоления фрустрации, что мешает формированию необходимых профессиональных и социальных навыков, волевых функций; выраженный, не полностью осознаваемый психологический дискомфорт; неосознанное беспокойство, тревога, генерализованное чувство вины; затруднения в установлении социальных контактов, социальные фобии, чувство пустоты, скуки, одиночества; неуверенности в себе, в людях [2].

А. В. Котляров и В. Д. Москаленко отмечают, что зависимые личности эмоционально незрелы, стремятся избегать ответственности и принятия решений, предпочитают мнение других собственной оценке событий. Кроме этого, они готовы любой ценой заслужить положительную оценку, легкоранимы при малейшей критике или неодобрении; боятся быть отвергнутыми и плохо переносят одиночество. Зависимые личности часто испытывают ощущение беспомощности, проявляют низкую толерантность к фрустрации и испытывают трудности с выражением чувств. Для них характерна низкая самооценка, перфекционизм и чувство вины [3, 4].

Е. В. Емельянова указывает на следующие особенности зависимой личности: эгоцентризм (зацкленность на себе); заниженная самооценка, неуверенность в своих силах и способностях; неуме-

ние дифференцировать свои чувства и понять их происхождение; страх самостоятельно принимать решения, стремление передать ответственность за себя и свою жизнь другим людям; болезненное восприятие критики [1].

Зависимой личности свойственен недостаток уверенности в себе, и именно с этим, как полагают С. Пил и А. Бродски, связана потребность в зависимости; негативный взгляд на жизнь; страх перед миром и людьми, в которых он видит угрозу для себя; поиск поддержки во внешнем источнике при встрече с требованиями или проблемами; желание положиться на наркотики (или лекарства) или на людей; готовность к подчинению; отношение к внешнему контролю как к идеальному состоянию дел [5].

Б. Уайнхолд и Дж. Уайнхолд выделяют следующие характеристики зависимой личности: заниженная самооценка; неспособность отличить свои мысли и чувства от мыслей и чувств других; поиск внимания и одобрения других; ощущение ответственности за чувства других; постоянное ощущение страха быть отвергнутым; пренебрежение своими желаниями с целью получить одобрение других; непонимание своих нужд и желаний и ожидание, что другие определяют их потребности; категоричность в суждениях [7].

Таким образом, зависимость, с психологической точки зрения, является внутренним состоянием личности. Наряду с зависимостью, то есть отсутствием самостоятельности, страхом нести ответственность за свои решения и свою жизнь, основным в зависимом поведении личности является непреодолимое желание уйти от реальной действительности. Такие люди сверх восприимчивы к мнению окружающих, внушаемы и готовы подчиняться другим. Они не способны прогнозировать своё будущее и адаптироваться в обществе, что вызывает трудности в поддержании длительных отношений. Их отличает инфантилизм, эгоцентризм, отсутствие социальных интересов и сужение мировоззрения до способов удовлетворения единственной потребности, а активность направлена на удержание главного мотива — изменение неудовлетворяющего их психического состояния посредством получения или овладения объектом зависимости.

Литература

1. Емельянова Е. В. Кризис в созависимых отношениях / Е. В. Емельянова. — СПб. : Речь, 2014. — 320 с.
2. Короленко Ц. П. Психосоциальная аддиктология / Ц. П. Короленко, Н. В. Дмитриева. — Новосибирск : Олсиб, 2001. — 251 с.
3. Котляров А. В. Другие Наркотики, или Homo Addictus / А. В. Котляров. — М. : Психотерапия, 2006. — 480 с.
4. Москаленко В. Д. Зависимость. Семейная болезнь / В. Д. Москаленко. — М. : Институт консультирования и системных решений, 2014. — 360 с.
5. Пил С. Любовь и зависимость / С. Пил, А. Бродски. — М. : Институт Общегуманитарных Исследований, 2005. — 384 с.
6. Руководство по аддиктологии / под ред. В. Д. Менделевича. — СПб. : Речь, 2007. — 768 с.
7. Уайнхолд Б. Освобождение от созависимости / Б. Уайнхолд, Дж. Уайнхолд. — М. : Класс, 2002. — 224 с.

МОТИВАЦИЯ ДОСТИЖЕНИЯ СОМАТИЧЕСКИ БОЛЬНЫХ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН С РАЗНЫМИ ТИПАМИ ОТНОШЕНИЯ К БОЛЕЗНИ

**А. В. Селляр, магистрант 2 курса
alexandersellyar@gmail.com**

Научный руководитель — канд. психол. наук, доц. О. В. Тимофеева

От особенностей мотивационной сферы лиц, страдающих соматическими расстройствами, зависит построение ими модели прогноза заболевания, модели ожидаемых результатов лечения, перспективного плана жизни, организации психологического сопровождения людей в процессе выздоровления. Одной из ярких составляющих мотивационной сферы выступает мотивация достижений, под которой мы понимаем один из вариантов прояв-

ления мотивации деятельности, связанный, прежде всего, с преимущественной ориентацией личности на достижение успеха. В содержательно психологическом плане мотивация достижения является своего рода интерпретационным «ключом» понимания природы уровня притязаний, стремления к повышению самооценки, тактико-стратегическому подходу конкретных индивидов при выстраивании ими способов принятия ответственных решений и регуляции деятельностной активности [3].

В исследовании нас интересовала выраженность мотивации достижения у мужчин и женщин, страдающих соматическими заболеваниями. С одной стороны, мы предполагаем, что поскольку мужской гендерной роли приписывается сила, активность, то даже при соматической болезни у них должна быть ярче выражена мотивация достижения. Однако есть данные, свидетельствующие о большей переносимости физической боли и вынужденной обездвиженности женщинами [1, 2], что может объяснить их ресурсность в борьбе с болезнью. И в этом смысле есть основания предполагать большую выраженность мотивации достижения именно у данной группы соматических больных.

Кроме этого, мы подразумевали, что мотивация достижения мужчин и женщин может быть сходной при наличии у них одинаковых типов отношения к болезни. Отношение к болезни мы понимаем как отражение человеком своей болезни, связи с ней, проявляющееся в форме различных реакций [4].

Проведенное исследование типов отношения к болезни с помощью методики ТОБОЛ позволило нам констатировать преобладание у них следующих типов отношения к болезни: эргопатический — 25 % от выборки; анозогнозический — 34 % от выборки; анозогнозический и эргопатический — 13 % от выборки; гармоничный — 16 % от выборки.

Группа с противоречивым соотношением типов, включающая в себя по одному человеку, имеющих: меланхолический и эргопатический, анозогнозический, эргопатический и апатический, тревожный и паранойяльный, эгоцентрический и неврастенический.

Женскую группу нам удалось по преобладающим типам отношения к болезни разбить следующим образом: эргопатиче-

ский — 31 % от выборки; анозогнозический — 27 % от выборки; анозогнозический и эргопатический — 9 % от выборки; гармоничный — 12 % от выборки; сенситивный — 6 % от выборки; группа с противоречивым соотношением типов, включающая в себя по одному человеку, имеющих: меланхолический и эргопатический, тревожный и паранойяльный, эгоцентрический и неврастенический, меланхолический и эгоцентрический, ипохондрический и тревожный типы отношения к болезни.

Одной из особенностей, выявленных нами, является наличие в женской группе сенситивного типа отношения к болезни, который характеризуется чувствительностью к межличностным отношениям. Наличие такого типа отношения к болезни в результатах исследования вполне закономерно и может объясниться существованием большей возможности проявлять свои чувства, более «тонкой» душевной организацией, нежели это приписывается социальной ролью мужчине.

Для выявления мотивации (потребности) достижения, мы использовали тест-опросник «Потребность в достижении» Ю. М. Орловой, результаты которого наглядно представлены на рисунке 1. Согласно полученным данным, потребность в достижении у 67,5 % мужчин больных выражена на высоком уровне, у 20,3 % — на среднем, у 11,6 % — на низком.

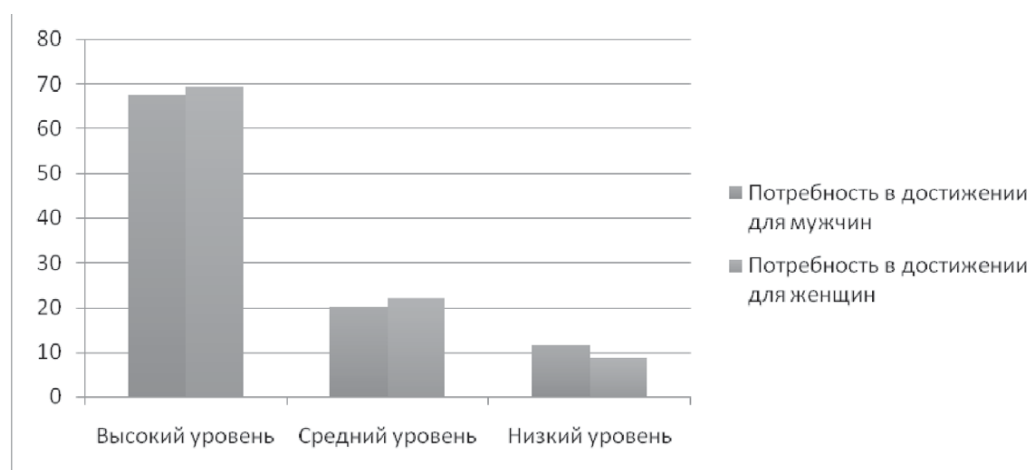

Рис. 1. Распределение выборки соматически больных мужчин и женщин по уровням мотивации достижения, в %

Для людей, страдающих соматическими заболеваниями, потребность в достижении характеризуется, в первую очередь, в потребности быстрого выздоровления, в сочетании с адекватной оценкой своего состояния, точностью выполнения лечебно-оздоровительных мероприятий, отбрасыванием мыслей о болезни, как проявление желания почувствовать себя здоровым. Этим можно объяснить высокий и средний уровни потребностей в достижении у больных мужчин, тип отношения к болезни которых, включает в себя эргопатический, анозогнозический и анозогнозический и эргопатический (как смешанный) типы.

Согласно нашим исследованиям, 69,2 % испытуемых женщин имеют высокий уровень потребности в достижениях, 22,0 % — средний и 8,8 % — низкий. Как и для больных мужчин, высокий и средний уровни выраженности потребности в достижении характерны для женщин, имеющих эргопатический, анозогнозический, гармонический и анозогнозический и эргопатический (как смешанный) типы отношения к болезни.

Таким образом, мы отмечаем, что выраженность мотивации достижения соматически больных мужчин и женщин обусловлено не половыми особенностями, а преобладающим типом отношения к болезни.

Проведенный теоретический и эмпирический анализ мотивации достижения соматически больных мужчин и женщин с разными типами отношения к болезни, позволяют сформулировать следующие рекомендации медицинскому персоналу и клиническим психологам:

- 1) при определении способов, методов лечения, выработки рекомендаций профилактического характера в ходе лечения людей, страдающих соматическими заболеваниями, целесообразно учитывать их мотивационную сферу и типы отношения к болезни;

- 2) обратить внимание на то, что большинству мужчин и женщин в отношении к болезни свойственны уход в работу или же отрицание болезни. Для повышения эффективности лечебного процесса необходимо просвещение данных пациентов о соблюдении указаний врача.

Полученные эмпирические данные позволяют нам наметить следующие перспективы исследования:

- 1) изучение особенностей мотивационной сферы людей, страдающих разными типами и видами соматических заболеваний;
- 2) разработка программы, позволяющей корректировать мотивационную сферу больного человека для более эффективного и быстрого излечения.

Литература

1. *Абрамова Г. С.* Психология в медицине / Г. С. Абрамова, Ю. А. Юдчиц. — М., 1998. — 272 с.
2. *Жариков Н. М.* Актуальные проблемы соматопсихиатрии и психосоматики / Н. М. Жариков. — Челябинск, 2002. — 134 с.
3. *Ильин Е. П.* Мотивация и мотивы / Е. П. Ильин. — СПб., 2006. — 312 с.
4. *Тимофеева О. В.* Внутренняя сторона болезни / О. В. Тимофеева. — Воронеж, 2014. — 68 с.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИЧНОСТИ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЗДОРОВЬЯ

Э. В. Смирнова, магистрант 2 курса
2012smirnova@mail.ru

Научный руководитель — д-р психол. наук, доц. К. М. Гайдар

Личность — понятие сложное, противоречивое и многообразное. С одной стороны, личность — это объект общественных отношений, но одновременно, с другой стороны, и их субъект, т.е. активное начало. Личность — это конкретный человек, всегда являющийся представителем определенного общества, государства, группы, осознающий себя и свое отношение к окружающим его людям и соци-

альной действительности, включенный в многообразные социальные отношения, занимающийся тем или иным видом деятельности и наделенный специфическими индивидуально-психологическими и социально-психологическими особенностями [1, 4, 6 и др.].

Из набора человеческих способностей и качеств особо выделяются те, которые формируются в различных сторонах процесса общения и взаимодействия с другими людьми. Их и называют социально-психологическими характеристиками личности. Ключевое значение среди них, на наш взгляд, имеют социально-психологическая адаптированность, социальный самоконтроль и социальная фрустрированность, поскольку они напрямую и многосторонне связаны со здоровьем человека.

В нашем понимании социально-психологическая адаптация представляет собой процесс активного приспособления личности к условиям внешней, прежде всего, социальной среды, определенный способ ее взаимодействия с этой средой. Содержательно социально-психологическая адаптация — это процесс психологического включения личности в сложившиеся структуры социальных, социально-психологических и профессионально-деятельностных связей и отношений, в исполнение соответствующих ролевых функций. На психологическом уровне адаптация обеспечивает нормальную работу всех психических структур личности при воздействии внешних факторов (принятие взвешенных решений, адекватное прогнозирование развития событий и др.) [6].

При анализе социально-психологической адаптации нетрудно заметить высокую вариативность этой характеристики. Как нам представляется, один из определяющих факторов данной вариативности — это характер и тип внутренней картины здоровья. Обобщая имеющиеся в научной литературе трактовки данного понятия, внутреннюю картину здоровья мы определяем как устойчивую интегрированную систему представлений, переживаний и установок человека в отношении своего физического, психического, психологического и социального состояния, своего здоровья в прошлом, настоящем и будущем. При пессимистической направленности внутренней картины здоровья успешность адаптации становится проблематичной, а при оптимистической — напротив, шансы на успешную адаптацию заметно повышаются. При позитивной мотивационной ориентированности

внутренней картины здоровья вероятность высокой социально-психологической адаптированности индивида возрастает, а при негативной мотивационной ориентированности, соответственно, снижается.

Социально-психологическая адаптация личности неразрывно связана с социальным контролем и самоконтролем. Социальный контроль представляет собой нормативный механизм регуляции общественных отношений, целостную систему средств и методов социального воздействия на членов социума. А с другой стороны, социальный контроль — это социальная практика использования и применения данного механизма.

Социальный самоконтроль предполагает интериоризацию социальных норм и требований, действие личностных нравственно-психологических механизмов, которые осуществляют непрерывный мониторинг поведения других людей и оценку его соответствия предписаниям и ожиданиям социума. Человек осознает себя во многом через наблюдение за другими членами общества (организации, группы), постоянно сопоставляя себя с ними, усваивая в процессе социализации нормы поведения, социальные установки и ценности [2].

Социальный самоконтроль можно определить как механизм поддержания социального порядка, основанный на проверке субъектом фактически достигнутых им результатов деятельности в соответствии с имеющимися социальными ожиданиями и нормами. Именно когда личность контролирует собственную психическую сферу, можно говорить о самоконтроле. Социальный самоконтроль обязательно включает систему различных способов и стратегий, с помощью которых личность согласовывает свое поведение с предписаниями и ожиданиями окружающих [5].

Особое значение приобретает самоконтроль в деле заботы человека о своем здоровье. Ведь такая забота практически неотделима от ориентации на здоровый образ жизни и от отказа индивида от вредных привычек. А действенность этого отказа прямо и недвусмысленно зависит от самоконтроля собственного поведения и образа жизни.

В тех случаях, когда по каким-либо причинам (в том числе и в связи с низким уровнем социального самоконтроля) социально-психологическая адаптация срывается, и личности не удается достичь требуемого уровня социально-психологической адапти-

рованности, она переживает состояние фрустрации. Если это состояние встречается в жизни человека достаточно часто, он рискует сформировать фрустрированность как устойчивую для него социально-психологическую характеристику. Фрустрированностью принято называть один из основных параметров психического состояния личности, при котором она прочно утрачивает позитивное и конструктивное отношение к окружающему миру и к самой себе. В этом состоянии человек испытывает значительное и устойчивое внутреннее напряжение, вызванное острым конфликтом потребностей, ценностей, установок и ценностных ориентаций.

Следует особо отметить значимость проблемы социально-психологической фрустрации для медицинской психологии. Ведь длительное дестабилизирующее действие социальных фрустрирующих факторов (фрустраторов) формирует серьезную напряженность адаптационных механизмов личности и, как следствие, парциальную дезадаптацию (предболезнь). Последняя в условиях малоэффективной психологической защиты и отсутствия или слабости социальной поддержки закономерно перерастает в тотальную психическую дезадаптацию (болезнь) [3].

Возникновение социально-психологической фрустрированности связано среди прочего с негативной оценкой индивидом состояния своего здоровья, точнее, с сопоставлением собственного здоровья со здоровьем окружающих. Если такое сравнение будет не в пользу данного индивида, и при этом он не будет видеть реальных возможностей исправить ситуацию, то это может способствовать формированию или закреплению у него состояния социально-психологической фрустрированности.

Исходя из этого, можно предположить, что при негативной направленности внутренней картины здоровья вероятность высокого уровня социально-психологической фрустрированности значительно увеличивается. И, напротив, позитивный тип внутренней картины здоровья, скорее всего, будет коррелировать с низким уровнем фрустрированности.

Сформулированные выше положения требуют в дальнейшем тщательной эмпирической проверки, что и составляет перспективу наших исследований соотношения социально-психологических характеристик личности и внутренней картины здоровья.

Литература

1. *Асмолов А. Г.* Личность как предмет психологического исследования / А. Г. Асмолов. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 1984. — 104 с.
2. *Кузнецова Е. М.* Социальный контроль : сущность и роль в современном обществе / Е. М. Кузнецова // Становление и развитие рыночных отношений в регионе : материалы междунар. науч.-практ. конференции. — Омск : Вестник Филиала ВЗФЭИ в г. Омске. — 2005. — Режим доступа : <http://www.aup.ru/articles/socupr/10.htm>
3. *Куликов Л. В.* Осознание здоровья как ценности / Л. В. Куликов // Психология здоровья. — СПб. : Мысль, 2000. — С. 240—284.
4. *Леонтьев А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность / А. Н. Леонтьев. — М. : Смысл : Академия, 2004. — 345 с.
5. *Никифоров Г. С.* Самоконтроль человека / Г. С. Никифоров. — Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. — 191 с.
6. *Шибутани Т.* Социальная психология / Т. Шибутани. — Ростов н/Д. : Феникс, 2002. — 544 с.

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАЩИТНЫХ МЕХАНИЗМОВ У ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК

Е. В. Сушкова, студентка 3 курса
lenka.s.v@mail.ru

Научный руководитель — канд. психол. наук,
доц. И. В. Завгородняя

Сегодня в психологической науке утвердилось мнение о значимости в развитии личности процессов социализации. Специфика влияния социума на человека определяется исторической средой, эпохой, в которой он живет. Наш век — время мобильности, динамики и скорости. Предъявляемые требования вынуждают людей ориентироваться на самих себя, нести ответственность за

собственные успехи и неудачи. Сохранить равновесие личности помогают защитные механизмы. Изучение их видов и особенностей является одной из научных областей психологии.

Психологическая защита — не абстрактный феномен, введенный в психологию З. Фрейдом, несмотря на то, что некоторые ее виды имеют подобные основания и модели формирования, их проявления будут специфичны в зависимости от ситуации и личностных особенностей человека, прибегающих к их использованию.

В психологии затрагивали аспект проявления защиты в зависимости от пола [2]. Сейчас нет никаких сомнений в том, что личность человека определяется социальными явлениями и отношением человека к ним. Поэтому в нашем исследовании мы уделим большее внимание не феномену пола, как биологической характеристике, а понятию гендера, как социальному полу.

В современной психологии гендерные особенности защитных механизмов — тема, разработанная незначительно. В России ученые обращаются к данной области исследования только с конца 20 — начала 21 века, когда пришли к выводу о практической значимости изучения гендерных особенностей, благодаря увеличению женской активности в сферах, ранее считавшихся «мужскими» — политика, спорт, транспорт, полиция и иные. Продолжающиеся изменения полоролевой структуры общества создают необходимость изучения гендерных особенностей личности, что подтверждает актуальность нашего исследования.

В рамках проводимых ранее исследований [1] было установлено, что интенсивность использования психологических защит постепенно снижается с возрастом, поскольку это обусловлено стабилизацией эмоционально-личностной сферы. В юношеском возрасте защитные механизмы и гендерные характеристики являются сложившимися, достаточно устойчивыми образованиями, что позволяет исследовать их как в содержательном плане, так и проследить их соотношение. Кроме того, при выявлении каких-либо нарушений, существует возможность оказать своевременную, динамичную и результативную помощь в коррекции, так как в юношеском возрасте механизмы защиты и гендерные проявления личности еще пластичны и гибки.

Гипотеза исследования состоит в предположении о наличии различий в преобладании защитных механизмов у юношей и девушек, имеющих различную выраженность гендерных характеристик:

— при выраженной маскулинности у юношей и девушек преобладают такие защитные механизмы как отрицание, замещение, рационализация;

— при выраженной фемининности у юношей и девушек преобладает регрессия, реактивное образование.

— при выраженной андрогинности использование защитных механизмов лабильно, нельзя установить преобладание определенного.

В качестве объекта эмпирического исследования выступают юноши и девушки, в возрасте от 18 до 23 лет, студенты Воронежского государственного университета, факультетов: компьютерных наук, химического, математического, прикладной математики, информатики и механики, философии и психологии. Объем выборки составляет 80 человек, 40 юношей и 40 девушек.

В качестве метода исследования выступал метод стандартизированного самоотчета, который реализовывался в методиках: тест-опросник механизмов психологической защиты личности «Индекс жизненного стиля» (авторы — Г. Келлерман, Х. Р. Конте, Р. Плутчик, в адаптации Л. Р. Гребенникова, Е. С. Романовой) и методика полоролевой диагностики маскулинности-фемининности (автор С. Бем).

Проанализировав полученные данные, мы можем сказать о преобладающем проценте (68,0 %) выраженной андрогинности среди испытуемых, которая характеризуется смешением, объединением в себе инструментального мужского поведения и экспрессивного женского. Это может быть связано с состоянием современного общества, в котором сегодня большое внимание уделяется равенству полов в большинстве стран, что, в свою очередь, приводит к повышению конкуренции в ранее чисто мужских или женских сферах. Следовательно, людям необходимо осваивать навыки адаптации, развивать в себе множество качеств, которые в дальнейшем возможно будет использовать как ресурс при столкновении интересов.

Выраженная маскулинность выявлена у 13,0 % испытуемых. Следует отметить, что все они принадлежат мужскому полу. Вероятно, их поведение будет проявляться в большинстве своем в свойственных мужчинам качествах: целеустремленности, напористости, самоуверенности, склонности к лидерству, аналитическом мышлении. Такой незначительный процент маскулинных юношей может быть связан с повышающейся до сих пор женской активностью. Девушки стремятся доказать свою независимость, реализоваться в ранее недоступных сферах, продемонстрировать свою силу и самостоятельность.

Выраженная фемининность установлена у 19,0 % испытуемых. Среди них присутствуют представители женского пола. Мы можем предположить, что им свойственны эмоциональность, застенчивость, женственность, нежность, сердечность. Данный небольшой процент фемининных девушек может быть связан с большим количеством новых обязанностей и требований, которые предъявляет современное общество, следующее принципу равноправия. Будучи фемининной, сложнее отстоять себя в рамках конкуренции, присущей сегодня большинству сфер общества.

Детально проанализировав результаты, полученные по обоим методикам, и сопоставив их между собой, мы можем констатировать, что значительное преобладание имеют регрессия и реактивное образование у девушек, с выраженной фемининностью. При этом у юношей с выраженной маскулинностью преобладают рационализация и замещение по сравнению с другими испытуемыми. Важно отметить, что не установлено значительного преобладания какого-либо механизма психологической защиты у андрогинов, в отличие от испытуемых с выраженностью маскулинностью или фемининностью, что в очередной раз может служить доказательством их лабильности и гибкости, высокой адаптивности к условиям среды.

Следует отметить, что у 20,0 % испытуемых выраженность регрессии соотносятся с низкими показателями проявления рационализации, при этом у 33,0 % испытуемых противоположно, высокие показатели рационализации соотносятся с низкими показателями регрессии. Следовательно, чем больше выражена регрессия, считающаяся незрелым механизмом защиты, тем меньше рационализация — зрелый механизм психологической защиты.

Статистический критерий Манна-Уитни позволил установить, что при выраженной маскулинности преобладающим защитным механизмом будет являться рационализация, ($U = 24,5$) при выраженной фемининности — регрессия ($U = 5,5$) и реактивное образование ($U = 17,5$). Андрогинны не демонстрируют значительного преобладания одного вида психологической защиты над другим. Это дает основание утверждать, наша гипотеза подтверждена частично.

Литература

1. *Дворянчиков Н. В.* Половозрастные и полотипические особенности механизмов психологических защит / Н. В. Дворянчиков, С. С. Носов // Вестник Санкт-Петерб. ун-та. — 2007. — Вып. 4. — С. 261—266.

2. *Носов С. С.* Теоретико-экспериментальные аспекты изучения гендерных особенностей защитных механизмов / С. С. Носов // Известия Росс. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. — СПб., 2010. — Вып. 125. — С. 58—69.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ ИДЕАЛЬНОМ РОДИТЕЛЬСТВЕ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН РАННЕЙ ВЗРОСЛОСТИ

М. М. Тарасова, магистрант 2 курса
mariytar@yandex.ru

Научный руководитель — канд. психол. наук,
доц. И. В. Завгородняя

О роли социальных представлений написано немало работ. Представления не только отражают особенности общественного и индивидуального сознания в быстроменяющемся мире, но и выступают важнейшими регуляторами, как поведения человека, так и функционирования общества и государства. В основе представлений мужчин и женщин о родительстве лежат социальные пред-

ставления, которые сформированы знаниями человека об окружающем мире, о свойствах, локализации и формах существования в нем объектов и их взаимодействиях друг с другом.

Социальные представления — это способ понимания, человеческого истолкования явлений повседневной жизни. Семья является важным социальным институтом, в семье закладывается процесс социализации человека, и любые изменения в других сферах жизни человека, а также государства и общества в целом, отражаются на изменении в семье [3].

Представление о родительстве — это яркий образ явления родительства, который возникает на основе приобретенного опыта человека через его воображение. Представление образа, менее яркие и подробные, чем восприятие образа в реальной ситуации, однако оно более обобщенное и схематизированное. Представление о родительстве начинает формироваться в юношеских мечтах. У одних образ родительства возникает на основе тяжелых воспоминаний о детстве, у других, наоборот, на основе положительного примера родителей. У третьих — представление о родительстве появляется влиянием социальных и культурных моделей. В любом случае эти представления влияют на целостный взгляд на родителей и являются мощным мотивирующим фактором.

Соответственно представления об идеальном родителе можно рассмотреть на трех уровнях [1, 2]: уровень общества — влияние социальных факторов на представление о родительстве; уровень семьи — влияние родительской семьи на представления о родительстве; индивидуальный уровень (личностный уровень) — воздействие личностных особенностей на представление о родительстве.

Представление о родительстве складывается из представлений об идеальном отце и идеальной матери, которые в совокупности составляют идеал родителей. В современном обществе основной фигурой, влияющей на ребенка, считается мать. Поэтому первостепенно у молодежи складывается представление об идеальной матери — заботливая, любящая, ответственная, много времени проводит с ребенком, добрая [4].

Однако при всей значимости этого института родительство как психологический феномен исследовано недостаточно. Отдельные

психологические компоненты идеального родительства (психология материнства в период ожидания ребенка, родительское отношение, детско-родительское взаимодействие, стили семейного воспитания и др.) изучаются в отрыве от остальных компонентов его структуры и вне динамики. Формирование и функционирование представлений о родительстве нуждается в психологическом сопровождении.

Целью данной работы выступило изучение социального представления о родительстве мужчин и женщин. В исследовании приняло участие 100 человек, в том числе женщины в количестве 50 человек и мужчины в количестве 50 человек, в возрасте от 30 до 35 лет. Социальные представления мужчин и женщин изучались на основании методики Р. Г. Овчаровой «Представления об идеальном родителе».

Проведя качественный анализ диагностики представлений об идеальном родителе мужчин и женщин на основании методики Р. Г. Овчаровой, мы установили, что большинство мужчин имеют знания об идеальном родителе как о прощающем (40 %), бескорыстном (74 %), практичном (46 %), справедливом (54 %), ответственном (46 %), не решающий за детей (66 %), снисходительный (66 %). Меньше всего мужчины представляют идеального родителя как такого, который сотрудничает с детьми. Большинство женщин имеют знания об идеальном родителе как о сильном (60 %), практичном (44 %), благоразумном (40 %), бескорыстном (76 %), прощающем (48 %), ответственном (70 %), не решающем за детей (56 %), снисходительном (40 %), альтруистичном (40 %). Также женщины считают, что идеальный родитель не всегда тороплив (64 %) и не всегда понимает (80 %). Стоит отметить, что большинство мужчин и женщин выделяют почти одинаковые характеристики родительства. Но все же стоит отметить, что такую характеристику, как сотрудничает с детьми, большинство женщин выделяют, в отличие от мужчин.

Итак, мы видим, что есть некоторые различия в осознании респондентов родственной связи с детьми, представление о себе как о родителе, представления об идеальном родителе, образ супруга как родителя общего ребенка, знание родительских функций, образ ребенка, т. е. в когнитивном компоненте. Так, для женщин более значимыми являются такие показатели, как ответственный, альтруист, не всегда понимает своего ребенка. Для мужчин более значимыми является такой показатель, как справедливый.

Проведя качественный анализ диагностики эмоционального показателя представлений о родителе мужчин и женщин, мы установили, что ощущение мужчин и женщин себя как родителя, родительские чувства, отношение к ребенку, отношение к себе как к родителю, отношение к супругу как к родителю общего ребенка мы выявили следующие результаты. Большинство мужчин считают, что идеальные родители должны эмоционально демонстрировать следующие характеристики: счастливый (66 %), добрый (66 %), радостный (66 %), мягкий (68 %), не боящийся извиниться перед ребенком (46 %), ласковый (63 %), теплый (66 %), жалеющий (54 %), любящий (66 %), обижающийся на детей (54 %), не стыдящийся за ребенка (54 %). Меньше всего мужчины представляют идеального родителя как такого, который проявляет недовольство детьми. Большинство женщин считают, что идеальные родители должны эмоционально демонстрировать по отношению к ребенку следующие характеристики: счастливый (60 %), жалеющий (44 %), не стыдящийся за ребенка (48 %), не боящийся извиниться перед ребенком (44 %), готовность к родительству (40 %). Стоит отметить, что большинство как женщин, так и мужчин считают, что идеальный родитель не должен проявлять недовольство детьми. Помимо этой характеристики большинство женщин считают, что идеальный родитель не должен проявлять раздражение, мягкость, крик по отношению к ребенку, нельзя не интересоваться детьми.

Итак, мы видим, что есть некоторые различия в эмоциональном компоненте. Так, для мужчин более значимыми являются такие показатели, как не стыдящийся за ребенка, нельзя не интересоваться детьми. Для женщин более значимым является такой показатель, как не проявление раздражения по отношению к ребенку.

Проведя качественный анализ диагностики поведенческого показателя представлений об идеальном родителе мужчин и женщин, мнений мужчин и женщин в отношении родителя по уходу, материальному обеспечению, воспитанию и обучению ребенка, о взаимоотношениях с супругом(-ой) как с родителем общего ребенка, стиле семейного воспитания, мы выявили следующие результаты. Большинство мужчин считают, что идеальные родители в своем поведении демонстрируют следующие характеристики: воспитывать (58 %), хвалить (52 %), баловать (50 %), опекать (48 %), помогать (54 %), не всегда

может повлиять на ребенка (66%), не всегда выполняющий капризы ребенка (66 %). Меньше всего мужчины представляют идеального родителя как такого, который ограничивает свободу детей (12 %).

Большинство женщин считают, что идеальные родители в своем поведении демонстрируют следующие характеристики: воспитывать (76 %), хвалить (78 %), не влиять на ребенка (98 %), не вмешиваться в жизнь ребенка (44 %). Меньше всего женщины представляют идеального родителя как такого, который мало проводит времени с ребенком (48 %).

Итак, мы видим, что есть некоторые различия в поведенческом компоненте. Так, для мужчин более значимыми являются такие показатели, как хвалить ребенка, опекать, помогать. Для женщин более значимым является такой показатель, как воспитывать.

Таким образом, можно отметить, что мужчины и женщины считают, что идеальный родитель должен уметь управлять собой и своими эмоциями, действиями и сознательно регулировать свое поведение, иметь силу воли, демонстрировать большую жизненную силу, энергию, прочность, не бояться выполнять задачи, которые требуют длительных усилий, иметь четко определенную позицию и убеждения и при необходимости отстаивать их. Мужчины больше, чем женщины, уверены, что идеальный родитель все простит своему ребенку, понимает чувства членов семьи, в том числе и ребенка, терпим к недостаткам членов своей семьи, опекает. Также мужчины считают, что у идеального родителя дети оставляют приятные переживания и не могут вызывать негативные чувства.

Литература

1. Варга А. Я. Введение в системную семейную психотерапию / А. Я. Варга. — СПб. : Когито-Центр, 2011. — 184 с.
2. Девярых С. Ю. Феномен родительства : социально-психологический аспект / С. Ю. Девярых. — Витебск : ВГУ им. П. М. Машерова, 2005. — 104 с.
3. *Московичи С.* Социальное представление : исторический взгляд / С. Московичи // Психол. журн. — 1995. — Т. 16, № 1. — С. 3—18.
4. *Овчарова Р. В.* Психологическое сопровождение родительства / Р. В. Овчарова. — М. : Изд-во Института психотерапии, 2003. — 319 с.

УСЛОВИЯ И ФАКТОРЫ ГАРМОНИЧНОГО РАЗВИТИЯ ОДАРЕННЫХ ДЕТЕЙ

К. К. Тимофеева, студентка 1 курса
Timofeeva@phipsy.vsu.ru

Научный руководитель — д-р психол. наук, доц. К. М. Гайдар

Одаренные дети сталкиваются с различного рода трудностями. И для того, чтобы их преодолеть, таким особенным детям необходима поддержка и помощь взрослых людей, в первую очередь, родителей и учителей.

В общении с одаренными детьми взрослые допускают немало ошибок. Родители часто либо перегружают своих уникальных детей, либо сдерживают их умственную активность, не находя при этом «золотой середины». Умственное, эмоциональное и физическое перенапряжение ребенка, постоянная критика его деятельности могут привести к появлению у него заниженной самооценки, к скрытности и даже боязни социума. Сдерживание якобы чрезмерной умственной активности ребенка тормозит свойственный ему темп развития, являющийся для него нормальным.

Учителя тоже, в силу определенных причин (например, психологической неготовности или педагогической некомпетентности), могут целенаправленно не замечать особенностей своих одаренных учеников, либо, напротив, пользоваться ими.

Перейдем к освещению условий и факторов, необходимых для гармоничного развития одаренных детей. В связи с опережающим умственным развитием их достаточно трудно воспитывать: они очень активны, требуют постоянного внимания, задают вопросы. Потакать таким детям нельзя, но еще хуже — подавлять энтузиазм ребенка в познании мира. Ведь исследования психологов показали, что высокий уровень активности положительно влияет на интеллект, что нельзя сказать о пассивности и безынициативности, тормозящих интеллектуальный подъем.

Одаренному школьнику важна доброжелательная реакция на его безудержное желание познавать мир. Необходимо отвечать на вопросы, задаваемые ребенком, откликаться на его просьбы о помощи, поддерживать его начинания.

Все эксцентричные поступки и, казалось бы, странные идеи детей родителям стоит воспринимать внимательно и позитивно, а стремление к самостоятельности и независимости стоит поддерживать. Кроме того, ребенку необходимо предоставить свободу выбора интересного ему вида деятельности. Не лишнее в данном случае — предложить ребенку перечень возможных занятий, из которых он выберет понравившееся ему в большей степени.

Родители с раннего возраста должны научить одаренного ребенка спокойно реагировать на неудачи. Это очень важно, поскольку одаренные ребята бывают настолько критичны к себе, что их желание делать все идеально даже приводит к неврозам, депрессиям, к формированию неадекватно заниженной самооценки [2]. Целесообразно способствовать тому, чтобы ребенок не только принимал участие в занятиях, в которых не преуспевает, но даже получал удовольствие от этого. Считается, что таким образом удастся ослабить его болезненную реакцию на неудачу. Помимо этого, самим родителям необходимо научиться адекватно реагировать на ошибки своего ребенка, не ругая его, а мотивируя тем, что лишь путем проб и ошибок возможно достичь желаемого результата.

При обучении одаренных детей наиболее часто применяют два способа их психолого-педагогической поддержки: ускорение и обогащение [1].

Суть ускорения — более раннее поступление ребенка в первый класс и последующее «перепрыгивание» через классы. Этот способ позволяет ребенку развиваться в соответствии со своими природными уникальными способностями, нередко опережая сверстников. Обогащение подразумевает дополнительные занятия в кружках, секциях, школах специальных дисциплин. В таких организациях обеспечивается персональный подход к каждому ребенку, что ускоряет процесс развития.

Итак, важнейшим условием гармоничного развития одаренного ребенка является участие в этом процессе взрослых людей (родителей, учителей), их поддержка, понимание и помощь. Лишь в этом случае развитие одаренного ребенка проходит менее болезненно и более продуктивно.

Исходя из вышеизложенного, сформулируем рекомендации для родителей и учителей, направленные на создание комфортных условий для развития одаренного ребенка.

1. Если у ребенка проявляются задатки в каком-либо виде деятельности, выражающиеся в быстром усвоении материала и достижении эффективных результатов, необходимо обеспечить ему условия для их развития. Этому будет способствовать включение ребенка в соответствующий вид деятельности.

2. Важно учитывать наличие интереса и субъектной позиции ребенка. Если наблюдаются способности, но отсутствует интерес, то следует позаботиться о его развитии путем обогащения социальной ситуации развития.

3. Одаренные дети часто опережают своих сверстников в развитии. Желательна парциальная оценка их деятельности: «Это тебе удалось, а вот над этим стоит еще поработать». Такой подход позволит укрепиться адекватной самооценке и научит ребенка видеть перспективы своего совершенствования.

4. Стоит учитывать не только уровень развития разных сфер личности одаренного ребенка, но и их зрелость. Например, когнитивная сфера одаренного ребенка может выносить достаточно серьезные нагрузки, но при этом эмоциональная сфера может не выдерживать предлагаемого объема. Поэтому важно обращать внимание на состояние ребенка, учить его расслабляться, отдыхать.

Литература

1. Психология одаренности : от теории к практике / под ред. Д. В. Ушакова. — М., 1999. — 128 с.

2. Савенков А. И. Детская одаренность : развитие средствами искусства / А. И. Савенков. — М., 1999. — 220 с.

КОНФЛИКТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ СУПРУГАМИ В ПЕРИОД ВЗРОСЛОСТИ

Т. А. Турищева, студентка 2 курса
turishewa.tatjana@yandex.ru

Научный руководитель — канд. психол. наук, доц. О. В. Тимофеева

На данный момент в психологической науке нет общепризнанного определения понятия конфликта. Но все существующие определения схожи в том, что они одинаково передают сущность конфликтов: все трактовки изучаемого феномена делают акцент на том, что конфликт представляет собой взаимную борьбу, противоречия, он оказывает отрицательное воздействие на человека, так как сопровождается переживаниями, препятствует нормальному существованию. В нашей работе под конфликтом мы будем понимать столкновение противоположно направленных, несовместимых друг с другом тенденций в осознании отдельно взятого индивида, в межличностных взаимодействиях или межличностных отношениях индивидов или групп людей, связанное с острыми отрицательными эмоциональными переживаниями.

По действующим в конфликтах субъектам выделяют внутриличностный, межличностный, между личностью и группой, межгрупповой, межстрановой (межгосударственный) и глобальный конфликты [1].

Именно межличностный конфликт мы и будем подробно рассматривать в нашей работе. Такой конфликт чаще всего обусловлен тем, что в качестве конфликтующих сторон выступают личности с различными чертами характера, взглядами, ценностными ориентациями, жизненными установками.

В психологической науке существуют различные подходы к периодизации взрослости. В нашей работе за основу мы возьмем периодизацию взрослости, предложенную Б. Г. Ананьевым. Он предлагает различать три периода: ранняя взрослость (18—25 лет), средняя взрослость (26—46 лет), поздняя взрослость (47—60 лет).

Люди находят друг друга благодаря своей схожести, вопреки мнению, что противоположности притягиваются [5]. Но конфликтные ситуации в семье — распространенные явления.

Остановимся на причинах, по которым возникают супружеские конфликты [2]: психосексуальная несовместимость супругов; неудовлетворение потребности в значимости своего «Я», неуважение чувства достоинства со стороны партнера; неудовлетворение потребности в положительных эмоциях: отсутствие ласки, заботы, внимания и понимания; пристрастие одного из супругов к чрезмерному удовлетворению своих потребностей (алкоголь, наркотики, финансовые расходы только на свои нужды и т.д.); неудовлетворение потребности во взаимопомощи и взаимопонимании по вопросам ведения домашнего хозяйства, воспитания детей, в отношении к родителям и т.д.; различия в потребностях по проведению досуга, увлечениях.

Мы столкнулись с альтернативной точкой зрения относительно возникновения супружеских конфликтов: кризисы в развитии семьи [3, 4].

В первый год супружеской жизни конфликты обусловлены адаптацией супругов друг к другу. Второй кризисный период связан с появлением детей. Во время третьего периода возникают конфликты однообразия. Четвертый период связан с возникновением чувства одиночества из-за ухода детей из семьи, с эмоциональной зависимостью супругов друг от друга.

Данный подход, скорее, не является альтернативным, так как затруднения в удовлетворении потребностей актуализируются в определенные периоды — кризисы развития семьи.

В специальной литературе встречается интересный для нас подход, где семьи делятся на конфликтные, кризисные, проблемные, невротические [1].

Особенность конфликтных союзов состоит в том, что между супругами имеются постоянные сферы, в которых их интересы, потребности, намерения и желания приходят в столкновение. В результате этого у партнеров возникают особо сильные и продолжительные отрицательные эмоциональные состояния. Но данный союз может существовать достаточно долгий промежуток времени благодаря взаимным уступкам и компромиссным решениям.

В кризисных брачных союзах супруги занимают непримиримые и порой враждебные позиции по отношению друг к другу. В отличие от конфликтных союзов, здесь абсолютно нет места уступ-

кам и компромиссным решениям. Противостояние интересов и потребностей супругов носит резкий характер и захватывает важные сферы жизнедеятельности семьи. Данный тип союзов либо находится на грани распада, либо, в конечном итоге, распадается.

Нередко трудные жизненные ситуации способны нанести ощутимый удар стабильности брака. Так возникают проблемные супружеские союзы. В качестве преград, встающих на пути семьи и создающих проблему, выступают: отсутствие жилья, тяжелая и продолжительная болезнь одного из супругов, финансовые трудности, тюремное заключение одного из супругов и многое другое. У одного или обоих супругов возможно появление психических расстройств на фоне существующих проблем. Из проблемного союза легко может возникнуть невротический. Основную роль в такой семье играют накопленные воздействия жизненных трудностей, которые оказывают влияние на психику супругов. У партнеров отмечается повышенная тревожность, расстройство сна, высокий эмоциональный фон, повышенная агрессивность и др.

Распределение ролей и характер общения определяют формы взаимодействия между членами семьи. С. В. Ковалев и Т. М. Мишина предлагают следующую классификацию типов взаимодействия в семье:

1. Сотрудничество — гибкое распределение ролей в семье, взаимная поддержка и взаимопомощь, высокий уровень эмпатии, готовность вместе решать конфликтные ситуации.

2. Паритетные отношения — союз, основанный на взаимной выгоде и равных правах партнеров. При разрешении конфликтных ситуаций каждый партнер стремится к личной выгоде, игнорируя интересы семьи как целого. Вместе с тем есть готовность искать компромиссное решение.

3. Соревнование — выраженное стремление к первенству на фоне сохранения доброжелательности к партнеру.

4. Конкуренция — желание обойти и «подавить» партнера любыми средствами.

5. Антагонизм — несовместимость, противоречивость интересов членов семьи, искажение или утрата эмоциональной привязанности.

6. Соперничество — открытые столкновения супругов, обусловленные несогласованностью семейных ролей.

7. Псевдосотрудничество — вполне благополучные отношения, однако помощи и эмоциональной поддержки в семье нет.

8. Изоляция — дистантные отношения супругов, в которых внешняя согласованность действий сочетается с эмоциональной разобщенностью.

Рассмотрим способы регулирования конфликтов, предложенные К. Томасом. Это: конкуренция как стремление добиться удовлетворения своих потребностей в ущерб другому; приспособление, которое представляет собой принесение в жертву собственных интересов ради другого; компромисс; избегание, предполагающее отсутствие стремления как к кооперации, так и к достижению собственных целей; сотрудничество, когда партнеры находят альтернативные, полностью удовлетворяющие интересы обеих сторон решения.

Так, при избегании конфликта ни одна из сторон не достигает успеха, при конкуренции, приспособлении и компромиссе либо один из партнеров оказывается в выигрыше, а другой проигрывает, либо обе проигрывают, идя на уступки. Лишь в ситуации сотрудничества оба партнера могут найти решение, при котором они оба останутся в выигрыше.

В ходе проведенного исследования нами было обнаружено, что степень удовлетворенности браком в семьях, где супруги выбирают стратегию сотрудничества, выше, чем при выборе любой другой стратегии.

Литература

1. *Бабосов Е. М.* Конфликтология : учеб. пособие / Е. М. Бабосов. — Минск, 2000. — 355 с.

2. *Владин В.* Гармония брака / В. Владин, Ю. Капустин. — Кемерово, 1988. — 303 с.

3. *Дорно И. В.* Современный брак : проблемы и гармония / И. В. Дорно. — Москва, 1990. — 272 с.

4. *Кратохвил С.* Психотерапия супружеских отношений / С. Кратохвил. — М., 2008. — 326 с.

5. *Скиннер Р.* Семья и как в ней уцелеть / Р. Скиннер, Дж. Клинз. — М., 1995. — 328 с.

ПРОБЛЕМА СТИЛЯ УПРАВЛЕНИЯ В ПСИХОЛОГИИ

Л. В. Царёва, магистрант 2 курса

qual04@parfumfinist.vrn.ru

Научный руководитель — канд. физ.-мат. наук,

доц. О. П. Малютина

Эффективность функционирования любой организации достаточно тесно связана с качеством управления. Качество управления — один из ключевых критериев конкурентоспособности фирмы в условиях быстро изменяющейся макро- и микро-бизнес среды. Интерес к данной теме резко возрос в начале 90-х гг., именно в это время наблюдается кардинальное изменение принципов управления. Современные компании проявляют все большую заинтересованность в эффективном управлении человеческими ресурсами. Особенную значимость при этом получает запрос к психологии труда со стороны бизнеса.

Разработка проблемы стиля в психологии связана с широким кругом исследований. Это исследования жизненного пути личности, индивидуальности, субъекта деятельности. Понятие «стиль», как самостоятельное, было введено Г. Адлером, под которым он понимал комплекс индивидуальных черт и особенностей поведения, изменение во времени жизненных целей человека, помогающих компенсировать его индивидуальные дефекты [5]. Позже данное определение стали использовать другие ученые с целью объяснения единства множества психологических проявлений. В этом плане интерес представляют работы Г. Олпорта, Р. Стагнера, Дж. Клейна, Р. Гарднера. В отечественной психологии наиболее систематично и последовательно этот вопрос разрабатывался Е. А. Климовым и В. С. Мерлиным в качестве концепции индивидуального стиля деятельности. Необходимо отметить, что существуют значительные различия между зарубежными и отечественными подходами к проблематике стиля. Если в зарубежной (западной) психологии акцент в протекании психических процессов в основном делается на лич-

ностные факторы (при этом стилю приписываются качества свойства личности), то в отечественной науке феномен разрабатывался в рамках деятельностного подхода. Здесь стиль — это интегральный феномен, являющийся результатом взаимодействия индивидуальности и требований, предъявляемых к деятельности.

Стиль руководства (управления) принято выделять как самостоятельное стилевое направление, по предметному содержанию относящееся к группе специфических стилей конкретной профессиональной деятельности и предполагающее непосредственную включенность субъекта в различные социальные системы. Оно напрямую определяет эффективность деятельности субъекта, требуя профессионального обучения, зависит от всей совокупности внешних и внутренних условий [5]. Имеется в виду степень включенности психики в управление деятельностью (поведением). В самом общем виде под стилем управления понимают совокупность приемов, манеру поведения и общения руководителя с подчиненными, направленных на побуждение их к действиям по достижению организационных целей максимально эффективным способом.

Многообразие подходов к исследованию стилей управления позволяет поставить ряд дискуссионных вопросов. Во-первых, это проблема классификации и числа стилей, предлагаемых разными подходами, его эффективность, во-вторых, тема, касающаяся выделения наиболее устойчивых элементов стиля управления, и, наконец, вопрос о детерминантах, определяющих проявления тех или иных стилевых особенностей. Также нет единого мнения среди ученых в отношении сочетания административных и лидерских функций руководителем. Остановимся на них подробнее.

Главным направлением проводимых в последние годы исследований является наличие большого количества типов стилей управления. При этом их появление не сопровождается достаточно глубоким теоретическим обоснованием и анализом их содержания. Зачастую мы наблюдаем ситуацию противопоставления и отделения особенностей одного типа руководства от другого. В существующих классификациях и типологиях не достаточно полно отражены те средства и методы, которые задействованы современным менеджментом. Как правило, они объясняют стиль лишь

на основании одного или двух критериев оценки. Число стилей, выделяемых учеными различно — от двух и более у разных авторов: двухфакторная модель Мак Грегора; «управленческая решетка Блейка и Мутона», включающая в себя пять основных стилей руководства; модель К. Левина, описывающая три базовых стиля; Д. Голуман в своих работах говорит о шести стилях управления, Р. Хаус и Т. Митчелл описывают четыре стиля и т.д.

Отсутствует единое мнение и по вопросу степени эффективности стиля, а также возможности ее последующей оценки. Анализ исследований в этой области позволяет сделать вывод о невозможности точной оценки эффективности руководства ни при помощи экспертных оценок, ни через наблюдаемые формальные показатели его деятельности (Р. Согдил, В. В. Люкин, А. Г. Аллахвердян) [3, 5]. Согласно А. Л. Журавлеву, каждый стиль в определенных условиях проявляет свои сильные и слабые стороны и относительную эффективность. Под конкретными условиями понимаются рабочая ситуация, отношения в коллективе, способы выполнения поставленных задач. И с этой точки зрения наиболее эффективными стилями управления будут являться коллегиальный и смешанный; стилями средней эффективности директивно-коллегиальный и директивно-попустительский; низкоэффективными попустительски-коллегиальный и директивный; наименее эффективным — попустительский [1].

Вопрос об устойчивости-гибкости стиля также является открытым. Исследователями чаще всего выделяется совокупность условий, детерминирующих проявления того или иного стиля. Это индивидуальные особенности руководителей и сотрудников, отношения между ними, сложность производственных задач, мотивация коллектива. Наиболее интересна в этой связи теория ситуативного лидерства Р. Херси—К. Бланшара, согласно которой, в отличие от многообразия предлагаемых другими авторами теорий, основные стили управления используются соответственно ситуации и зависят от уровня развития подчиненных: их компетенции и мотивации [4].

Сегодня нет единого мнения по поводу факторов, формирующих стиль управления. Например, Ф. Фидлером выделяются три основных фактора, это отношения между подчиненными и их руководителем,

структура выполняемых задач, а также должностные обязанности. Руководителя, подчеркивает он, необходимо помещать в ситуации, которые соответствуют его стилю. Согласно А. Л. Журавлеву, ведущими детерминантами стиля становятся исторически сложившиеся нормы, регламентирующие поведение руководителя, специфические принципы управления, социально-психологические характеристики коллектива, личность руководителя и ситуационные переменные [2].

Таким образом, подчеркнем тот факт, что в разработках проблемы стиля управления в психологической науке накоплено наряду с базовыми общепризнанными положениями большое количество противоречивых данных. Сегодня также недостаточно внимания уделяется вопросам, связанным со структурно-функциональной организацией стиля. Многообразие подходов к изучению феномена и диагностических инструментов для выявления особенностей стиля управления руководителя позволяют делать различные выводы. Обращаясь к описанию содержательных и формальных аспектов стилей руководства мы наблюдаем заимствование новых понятий концепции «индивидуальный стиль деятельности». Это позволяет говорить о единстве данного феномена и общности его структурно-функциональной организации.

Литература

1. Журавлев А. Л. Стиль и эффективность руководства производственным коллективом : автореф. дис. ... канд. психол. наук / А. Л. Журавлев. — М., 1976. — 22 с.

2. Журавлев А. Л. Факторы формирования стиля руководства производственным коллективом / А. Л. Журавлев. — М. : Наука, 1988. — 203 с.

3. Люкин В. В. Психологическое содержание, происхождение и эффективность индивидуального стиля руководства : автореф. дис. ... канд. психол. наук / В. В. Люкин. — М., 1981. — 16 с.

4. Мескон М. Х. Основы менеджмента / М. Х. Мескон, М. Альберт, Ф. Хедоури. — М. : Дело, 1992. — 702 с.

5. Толочек В. А. Стили профессиональной деятельности / В. А. Толочек. — М. : Смысл, 2010. — 199 с.

ПОНЯТИЕ И ПРИЧИНЫ СУИЦИДА, СКЛОННОСТИ К НЕМУ У ПОДРОСТКОВ

Е. В. Чуйкова, студентка 2 курса
lena290397@rambler.ru

Научный руководитель — канд. психол. наук, доц. О. В. Тимофеева

В истории мировой цивилизации проблема суицида выступала как религиозная, юридическая и морально-этическая. Это проблема последнего выбора, свободы, предельных состояний и самораскрытия личности.

Э. Дюркгейм определяет самоубийство как каждый смертный случай, который непосредственно или опосредованно является результатом положительного или отрицательного поступка, совершенного самим пострадавшим, если этот последний знал об ожидавших его результатах [1].

Следует отличать понятие «суицид» от понятия «суицидальное поведение». Суицид невозможно рассматривать вне комплексной проблемы суицидального поведения. По мнению А. Е. Личко, термин «суицидальное поведение» включает в себя все проявления суицидальной активности: мысли, намерения, высказывания, угрозы, попытки, покушения. Суицидальное поведение можно разделить на три ступени, в зависимости от форм проявления. Первая ступень такого поведения — это пассивные суицидальные мысли по поводу своей смерти. Вторая ступень проявляется в суицидальных замыслах — это момент, при котором человек продумывает время, место и способ совершения самоубийства. Третья ступень — это суицидальные намерения, на данной ступени к замыслу присоединяется волевое решение, что свидетельствует о переходе внутреннего проявления поведения во внешнее.

Существует различие и между понятиями «суицидальные попытки» и «суицидальные склонности», которое необходимо отметить. Суицидальная попытка — это целенаправленное оперирование средствами лишения себя жизни, не закончившееся смертью.

Суицидальная склонность — это предрасположенность человека к вероятным суицидальным действиям. Однако это не то же самое, что суицидальное намерение. Последнее отличается от суицидальной склонности наличием волевого компонента.

Перед психологической наукой на современном этапе стоит важная задача изучения личностных и возрастных детерминант суицидальных склонностей молодежи, в частности, подростков.

Л. Б. Шнейдер, изучая и описывая девиантное поведение детей и подростков, понимала под суицидальным поведением людей разные формы их активности, обусловленные стремлением лишить себя жизни и служащие средством разрешения личностного кризиса. Причину возникновения кризиса она видела в столкновении с препятствием, которое личность встречает на пути удовлетворения своих важных потребностей [3].

Суицидальные склонности, которые могут привести к суицидальному поведению, зависят от ряда внешних и внутренних факторов.

Внутренними факторами являются индивидуальные особенности личности (характер, темперамент, психофизическое и эмоциональное состояние, субъективное мнение личности об отсутствии у нее способностей к чему-либо или их низкий уровень и др.), которые повышают риск суицида, образуют внутреннюю среду для отражения внешних факторов.

К внешним факторам относятся: микросоциальные условия биографического характера, например, семейное воспитание, межличностные отношения в семейной, дружеской или профессиональной группах; объективные факторы деятельности, влекущие дезадаптацию (экстремальность, риск, ответственность и т.д.).

В отечественной психологии в рамках комплексного подхода уделяется внимание уникальному сочетанию внешних и внутренних факторов. Например, А. А. Султанов при изучении причин суицидального поведения у подростков и юношей выделил три основные группы факторов, наличие которых может повлиять на развитие суицидальной склонности: дезадаптация, которая тесно связана с нарушением социализации, когда место подростка в социальной структуре не соответствует уровню его притязаний; конфликты с семьей, чаще всего обусловленные несогласием с той системой цен-

ностей, которая установилась у старшего поколения; алкоголизация и наркотизация как причина для возникновения суицидальной ситуации и предпосылок для быстрой ее реализации.

Причины суицида в целом очень сложны и многочисленны. Их истоки можно искать в биологических, генетических, психологических и социальных сферах человека.

Д. Д. Федотов и соавторы отмечают, что суицидальные попытки и намерения (по типу истерических реакций) чаще возникают у подростков как ответная реакция на систематические словесные унижения, игнорирование их мнения близкими и сверстниками, ущемление самостоятельности.

А. Г. Амбрумова, Е. М. Вроно различают следующие типы суицидоопасных ситуационных реакций подросткового возраста [2]:

— реакция депривации (характерна чаще для младшего и среднего подросткового возраста). Сопровождается потерей интересов, угнетением эмоциональной активности, скрытностью, молчаливостью, негативными переживаниями. Зачастую это следствие жесткого авторитарного воспитания;

— эксплозивная реакция (чаще средний подростковый возраст). Сопровождается аффективной напряженностью, агрессивностью, завышенным уровнем притязаний, стремлениями (часто необоснованными) к лидерству. Происходит вследствие воспитания в таких семьях, где эти реакции характерны для взрослых;

— реакция самоустранения (средний и старший подростковый возраст с чертами незрелости). Сопровождается эмоциональной неустойчивостью, внушаемостью, несамостоятельностью. Это, как правило, педагогически запущенные подростки с невысоким интеллектом.

Обеднение и формализация детско-родительских отношений, сочетание экспрессивности, возбужденности, негативизма, доминантности, эгоцентризма, которые присущи данному возрасту, объединяясь в достаточно сложный комплекс симптомов, формируют личность с поврежденными моральными структурами, которая склонна к пассивности, избеганию волевого преодоления возникающих трудностей. Подрастающее поколение обладает высокой суицидальной компетентностью, придает нравственный смысл су-

ициду, склонно к высокой внушаемости, что приводит к возникновению и закреплению принимающего отношения к суициду.

Таким образом, склонность к суициду — есть сложный комплексный феномен, который не может рассматриваться только как следствие психического заболевания или влияния тяжелых стрессов. Поэтому именно предварительная индивидуальная диагностика личностных характеристик у подростков способствует раннему выявлению дезадаптивных, депрессивных тенденций, интересу подростков к суициду.

Литература

1. Дюркгейм Э. Самоубийство : социологический этюд / Э. Дюркгейм. — М., 1994. — 7 с.

2. Погодин И. А. Суицидальное поведение : психологические аспекты / И. А. Погодин. — М., 2011. — 17 с.

3. Шнейдер Л. Б. Девиантное поведение детей и подростков / Л. Б. Шнейдер. — М., 2005. — 166 с.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЧУВСТВА ВИНЫ В ПСИХОЛОГИИ

**Ю. Ю. Шаталова, магистрант 1 курса
solarmandarinka@gmail.com**

Научный руководитель — канд. психол. наук, доц. О. П. Макушина

Чувство вины — отрицательноокрашенное чувство, объектом которого является некий поступок субъекта, кажущийся ему причиной последствий, которые неблагоприятно скажутся по отношению к другим людям. Иными словами, вина обозначается как негативное отношение к своему действию, в случае которого возникает сожаление, угрызение совести и раскаяние.

Вина — не что иное, как эмоциональное проявление совести. Чувство вины как бы напоминает нам, что у нас есть совесть, ко-

торой мы не воспользовались вовремя. Виной является недовольство собой, переживание несоответствия внутренним нравственным требованиям и невыполнения морального долга перед своим внутренним Я.

Чувство вины не является чувством врожденным. Оно формируется родителями в процессе воспитания ребенка, иногда осознанно, иногда нет. Иными словами, это чувство становится социально-обусловленным, которое вставляется в душу методом формирования болезненных переживаний у ребенка за его неправильные действия.

Если рассмотреть структуру вины, то обнаруживается тот факт, что нет единой классификации данного феномена, и что разные авторы видят его по-своему.

Мы рассмотрим две наиболее известные классификации И. А. Белик и Д. Ангер. И. А. Белик позиционирует вину как образование, состоящее из четырех компонентов: эмоциональный компонент (переживания дисфоричного характера: угнетенность, сожаление, раскаяние); когнитивный компонент (осознание и анализ своего действия или поступка); мотивационный компонент (стремление уладить конфликтную ситуацию); психосоматический компонент (головная боль, головокружение, тяжесть в животе) [1].

Д. Ангер рассматривает вину как эмоцию, состоящую из двух компонентов: вербально-оценочная реакция, в основе которой лежит негативное отношение к себе или самообвинение; вегетативно-висцеральная реакция, которая как тяжкий и груз ложится на плечи человека в виде угрызений совести сожалении о совершенном [3].

Так как классификаций много и среди них нет какой-либо универсальной структуры, охватывающей всю полноту раскрываемого нами феномена, то по нашему мнению, наиболее предпочтительной выглядит классификация И. А. Белик, поскольку она наиболее широко раскрывает компоненты чувства вины и объединяет трактовки происхождения этого чувства, о чем будет говориться далее.

Вина выполняет ряд функций: выступает в роли морального регулятора личности; формирует самоотношение; способствует профилактике психических расстройств.

Однако успешное осуществление этих функций возможно только в том случае, если переживание у человека не будет слишком большим, но и слишком малым, а точнее оно должно быть оптимальным, т.к. чрезмерное проявление чувства вины приводит к мучительным переживаниям, которые подрывают собственное достоинство.

В настоящее время во многих источниках можно встретить трактование вины как деструктивной эмоции, которая отрицательно влияет на личность. Если говорить об истории возникновения такой тенденции, то стоит вспомнить З. Фрейда, которым впервые была предложена эта точка зрения. Он рассматривал вину как нравственную разновидность тревоги, «тревогу совести». Также он говорил о моральной тревоге, социальной и тревоге отчуждения, чтобы объяснить природу чувства вины. Оно, согласно З. Фрейду, появляется благодаря Сверх-Я. В сознательном проявлении чувства вины Я и Сверх-Я выступают в противоборствующей тенденции, неосознанное же чувство будет так или иначе связано с невротическими расстройствами. Также З. Фрейд выделяет два уровня чувства вины: 1) сознательный уровень — эмоция; 2) бессознательный уровень — тревога.

Но это было не единственным взглядом на природу чувства вины, и некоторые ученые, которые были не согласны с точкой зрения З. Фрейда, выдвинули другую идею, провозглашавшую положительную роль этого феномена. Чувство вины служило неким регулятивным адаптационным аппаратом человеческого поведения. Переживание вины повышает готовность идти человека на уступки, мотивирует на восстановление справедливости, а также формирует потребность в соблюдении общественных норм. В. А. Сухомлинский писал, что «чувство вины — благородное чувство воспитанного человека; не переживает вины только дурак и дремучий нравственный невежда» [3].

Чувство вины является феноменом сугубо социально-психологическим. Его появление детерминировано вовлеченностью человека во взаимоотношения и общение с другими людьми. В психологии традиционно вина трактовалась как моральная эмоция, которая толкает человека на поведение, которое строго со-

ответствует общественным нравственным нормам и традициям. По мнению К. Изарда, чувство вины поддерживает в человеке конформность и социальную ответственность, а также сдерживает присущий всем человеческий эгоизм.

Просмотрев и проанализировав трактовки и мнения разных авторов, можно сказать, что нет единой точки зрения на то, как влияет на жизнь человека чувство вины, несет ли оно вред или все же идет на пользу личности. Приверженцы различных теорий трактуют вину по-своему, исходя из концепций, которые они изучают. Все еще не ясно, какое же все-таки влияние оказывает это чувство, угнетающее или мобилизирующее? Однозначного ответа на этот счет дать нельзя, но можно сказать, что авторы внесли большой вклад в объяснение этого феномена. Несмотря на множество различных теорий, не было выдвинуто единой теории по этой теме и, наверное, это и правильно, т.к. столь разноплановый феномен нельзя подвести под что-то единое. Каждый человек, в свою очередь, испытывая чувство вины, обладая различными личностными качествами, по-разному будет проявлять это чувство в действии. Кто-то будет мучиться от угрызений совести, а кто-то бороться за справедливость.

По нашему мнению, чувство вины играет все же положительную роль в жизни человека, так как это чувство может играть роль нравственного регулятора поведения. Человек, который испытывает чувство вины по поводу своего какого-то объективно неправильного поступка, несет, если можно так выразиться, ответственность за себя и свои действия. Конечно, не стоит считать, что все люди должны винить себя за любое совершаемое ими действие. Речь идет только о тех случаях, когда человек, совершивший неправильный поступок, должен не только понять, но и признать свои ошибки. В тоже время, проявление данного феномена у человека является сугубо индивидуальным, так как все зависит от личностных особенностей. В одном случае кто-то попросту не умеет признавать свою неправоту и считает всегда себя во всем первым и правым. В другом же случае, у человека чувство вины может проявляться болезненно, и такой человек будет винить себя за все подряд. В подобных случаях чувство вины будет проявляться лишь в негативном ключе.

Тем не менее, мы допускаем, что в разумных границах чувство вины играет очень даже положительную роль. В итоге можно сказать, что тема чувства вины была и останется актуальной, не смотря на отсутствие единства к трактовке этой темы.

Литература

1. *Белик И. А.* Чувство вины в связи с особенностями развития личности : дис. ... канд. психол. наук / И. А. Белик. — СПб., 2006. — 209 с.
2. *Дружиненко Д. А.* Особенности переживания чувства вины подростками : дис. ... канд. психол. наук / Д. А. Дружиненко. — М., 2007. — 185 с.
3. *Ильин Е. П.* Психология совести : вина, стыд, раскаяние / Е. П. Ильин. — СПб. : Питер, 2015. — 288 с.
4. *Короткова Е. В.* Социально-психологический анализ вины и стыда как системы отношений личности к себе и другому : дис. ... канд. психол. наук / Е. В. Короткова. — Ростов н/Д., 2002. — 226 с.

ВОЛЕВОЙ КОМПОНЕНТ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ГОТОВНОСТИ К БРАКУ

Н. А. Шевченко, студентка 3 курса
sattva_n@mail/ru

Научный руководитель — ст. преп. В. А. Тенькова

На данный момент общество претерпевает серьезные изменения в экономической, политической, культурной, идеологической сферах, что существенно влияет на формирование духовно-нравственных аспектов личности. Если разбирать каждый аспект отдельно, то мы увидим, что из-за изменений в экономической сфере молодые люди все позже и реже вступают в брак, так как не способны в материальном плане обеспечить себя и свою семью. Из-

за изменений в идеологии постепенно происходит обесценивание института семьи и брака, изменения в культурной сфере влекут за собой постепенное падение уровня морали, нравственности, духовности, семейных ценностей, что в свою очередь негативно влияет на создание семьи. Вышесказанное подтверждает статистика: граждане стали реже принимать решения о вступлении в брак. Количество зарегистрированных в загсе пар сократилось, на 1,7 % — в 2015 году было оформлено 983 тыс. союзов (в 2014—1 млн.).

Юношеский возраст — это возраст формирования адекватных брачно-семейных представлений. В настоящее время с точки зрения В. Ковалева представления о браке у молодежи имеют ряд негативных особенностей: так, в возрасте 13—15 лет происходит прогрессирующее разделение и противопоставление понятий любви и брака. У студенческой молодежи (по данным анкетного опроса) значимость любви при выборе спутника жизни оказалась на четвертом месте после качеств «уважение», «доверие», «взаимопонимание». Происходит явное «оттеснение» любви в браке на фоне ее предшествующего всевластия. Юноши и девушки могут воспринимать семью как помеху своим чувствам и лишь впоследствии, мучительным путем проб и ошибок, прийти к постижению нравственно-психологической ценности брака [1].

Психологический словарь трактует психологическую готовность к браку как систему психологических характеристик субъекта, обеспечивающих успешное вступление в брак. Она включает в себя физиологическую готовность к браку (способность к репродуктивной функции) и общеличностную готовность (необходимый уровень психического развития — психологическая зрелость).

И. В. Гребенников понимает психологическую готовность к браку как определенную степень личностной зрелости, что помогает мобилизовать ресурсы, при семейной проблематике. Психологическая готовность к браку — это личностное образование, основными системными компонентами которого являются ценностные ориентации, брачная мотивация, представления о супружеской иерархии, супружеские установки и ожидания, представления о супружеских отношениях [2].

И. Ю. Зудилина трактует психологическую готовность к брачным отношениям как интегральную характеристику, объединяющую психологические мотивы, знания, умения, навыки и качества личности, которые обеспечивают построение отношений супругов в браке и выражены в когнитивном, мотивационном, операциональном, эмоциональном и поведенческом компонентах.

Таким образом, давая различные определения психологической готовности к браку, все исследователи склоняются к мысли о том, что для устойчивости семейно-брачных отношений необходимо, чтобы молодые люди, вступающие в брак, имели определенный уровень социальной и личностной зрелости, без которого сложно будет преодолевать жизненные трудности. Подчеркивая значимость личностных качеств, многие авторы (Р. А. Гаспарян, Е. Г. Козлов, Л. С. Нерсисян, А. Ц. Пуни и др.) выделяют в структуре психологической готовности следующие компоненты:

- мотивационные (потребность успешно выполнить поставленную задачу, интерес к деятельности, стремление добиться успеха и показать себя с лучшей стороны);

- познавательные (понимание обязанностей, задач, оценки её значимости, знание средств достижения цели, представление вероятных изменений обстановки);

- эмоциональные (чувство ответственности, уверенности в успехе, воодушевления);

- поведенческие особенности поведения личности в конфликтных ситуациях [2];

- волевые (управление собой и мобилизация сил, сосредоточение на задаче, отвлечение от посторонних воздействий, преодоление сомнений, боязни) [3].

Рассмотрим более подробно волевой компонент психологической готовности к браку, так как он играет особую роль в рассмотренной структуре психологической готовности. Он определяет готовность к действиям, а именно готовность вступления в брак.

Волевой компонент готовности к браку включает способность управлять собой, своими эмоциями, чувствами и действиями; мо-

билизацию сил для достижения поставленной цели, сосредоточение на задаче, отвлечение от посторонних воздействий, преодоление сомнений, боязни [3].

Волевой компонент готовности сводится к желанию создать хорошие условия жизни в семье для каждого её члена, любви к близким людям и детям, к положительному настрою на создание, укрепление и сохранение семьи в различных ситуациях, к потребности трудиться на благо семьи. На наличие этой готовности указывают такие характеристики, как психологическая установка на создание и укрепление семьи, положительные эмоции, от выполнения семейных дел и обязанностей, стремление к преодолению препятствий на пути к созданию благополучной семьи [4].

Сформированность волевого компонента оказывает влияние на взаимоотношения в семье, позволяет предвидеть последствия своих поступков, регулировать свое состояние и поведение для предотвращения семейных конфликтов [5].

Обобщая теоретический материал мы можем констатировать, что хорошо сформированный волевой компонент психологической готовности к браку позволит юношам сформировать такие ценные семейные качества, как забота о других; самоотверженность; внимание по отношению к членам семьи; эмпатия; сочувствие; сопереживание; поддержка и духовное единение с членами семьи; возможность совместно проводить время; сотрудничать; способность к кооперации и совместному труду; принятие всех плохих и хороших сторон членов своей семьи; проявлении терпения к окружающим.

Благополучие в семейной жизни возможно только при совместной ориентированности супругов на создание стабильной, крепкой семьи. Данную цель возможно достичь путем саморегуляции, управления своими эмоциями и чувствами, корректировки своего поведения, т. е. определенными волевыми усилиями. Именно наличие воли, как основы саморегуляции и контроля поведения, обеспечивает преодоление трудностей возникающих в семейной жизни.

Литература

1. *Ковалев С. В.* Психология современной семьи / С. В. Ковалев. — М. : Просвещение, 1988. — 208 с.
2. *Стрюк Н. А.* Психологическая готовность к браку у юношей с разной сиблинговой позицией : выпускная квалификационная работа / Н. А. Стрюк. — Воронеж, 2014. — 80 с.
3. *Жолудева С. В.* Психологическая готовность к браку на разных этапах периода взрослости : автореф. дис. ... канд. психол. наук / С. В. Жолудева. — Ростов н/Д., 2009. — 258 с.
4. *Редозубова С. В.* Психологическая готовность к браку у лиц юношеского возраста / С. В. Редозубова. — Куйбышев, 2012. — 40 с.
5. *Чумаков М. В.* Эмоционально-волевая регуляция деятельности в социальном взаимодействии : автореф. дис. ... д-ра психол. наук / М. В. Чумаков. — Ярославль, 2007. — 37 с.

ПРОБЛЕМА САМОСОЗНАНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

И. А. Шеляг, студентка 1 курса
innashelyag@yandex.ru

Научный руководитель — преп. В. И. Тужикова

История изучения самосознания насчитывает не одну сотню лет и вместе с тем на современном этапе развития психологической науки остается актуальной и до конца не решенной. Долгие годы тема самосознания была малоизучаемой в отечественной психологии, и лишь с активным проникновением идей гуманистической психологии стала активно разрабатываться.

Целью нашей работы являлось исследование разработок проблемы самосознания личности в отечественной психологии.

Для достижения поставленной цели мы должны были решить следующие задачи.

© Шеляг И. А., 2016

1. Проанализировать литературу по проблеме исследования, изучить, как трактуется понятие самосознания в отечественной психологической литературе.

2. Раскрыть понятие самосознания, изучить проблему его возникновения и уровни его развития.

3. Установить взаимосвязи между понятиями самосознание, самопознание, самоотношение, самооценка.

Самосознание является необходимым условием существования личности. Без него нет личности. Личность осознает не только окружающую действительность, но и саму себя в своих отношениях с окружающим. Поэтому прав С. Л. Рубинштейн, когда отмечал, что изучение личности «завершается раскрытием самосознания личности».

Представленные в литературе точки зрения о генезисе феномена самосознания с достаточной полнотой можно обобщить в три позиции. Согласно первой позиции, самосознание в его простейших формах неясного чувствования собственного существования предшествует развитию сознания как способности дифференцированного отражения компонентов внешней реальности (В. М. Бехтерев). Согласно второй позиции (Л. С. Выготский, С. Л. Рубинштейн), самосознание — этап в развитии сознания, подготовленный развитием речи и произвольных движений. Третья точка зрения (И. М. Сеченов) гласит, что сознание и самосознание возникают и развиваются параллельно: к ощущениям, вызываемым внешними предметами, всегда «примешиваются» ощущения, вызываемые собственной активностью организма [3].

Проблеме самосознания посвящено немало исследований в отечественной психологии. Эти исследования сконцентрированы в основном вокруг двух групп вопросов. В работах Б. Г. Ананьева, Л. И. Божович, А. Н. Леонтьева, С. Л. Рубинштейна, И. И. Чесноковой, А. Г. Спиркина в общетеоретическом и методологическом аспектах проанализирован вопрос о становлении самосознания в контексте более общей проблемы развития личности. В другой группе исследований рассматриваются более специальные вопросы, прежде всего связанные с особенностями самооенок, их взаимосвязью с оценками окружающих. Исследования А. А. Бодалева по социальной перцепции заострили интерес к вопросу связи познания других людей и самопознания.

А. Н. Леонтьев, охарактеризовал проблему самосознания как проблему, венчающую психологию личности, и расценивал ее в целом как «нерешенную, ускользающую от научно-психологического анализа» [1].

Самосознание (от англ. — *self-consciousness*) — осознание человеком себя как индивидуальности.

Одним из главных вопросов в исследовании самосознания является его возникновение. У ребенка возникновение самосознания связывается с тактильными ощущениями, свойственными человеческому зародышу, с досознательным чувством собственного существования, с проходящим с первых недель жизни процессом дифференциации внешних и внутренних ощущений, с субъективным отделением ребенка от матери, наступающим к концу первого года жизни, с осознанием зарождающейся самостоятельности, обусловленной увеличением произвольности движений и возможностью речевого самовыражения, наступающей к двум-трем годам, с возможностью выразить свое эмоциональное отношение к окружающему, с переносом знаний, сформированных относительно другого человека, на себя самого, происходящим по мере развития социальной перцепции, интеллекта и сознания ребенка, с возникновением эмпатической способности к усвоению чужой точки зрения и оценок окружающих и, наконец, с возникающей интимизацией, рефлексией и нравственной самооценкой, возникающей в подростковом возрасте.

Самосознание имеет уровневое строение [3].

1. Отражение субъекта в системе его органической активности.
2. Отражение субъекта в системе его коллективной предметной деятельности и детерминированных его отношений.
3. Отражение субъекта в системе его личностного развития, связанного с множественностью его деятельностей

Соответственно этим трем уровням можно различать и единицы самосознания.

1. На уровне органического самосознания эта единица имеет сенсорно-перцептивную природу.

2. На уровне индивидуального самосознания — воспринимаемая оценка себя и соответственно самооценка, возрастная, половая и социальная идентичность.

3. На уровне личностного самосознания эта единица — конфликтный смысл, путем столкновения в поступке одних личностных качеств с другими, проясняющих для личности значение ее же собственных свойств и сигнализирующих об этом в форме эмоционально-ценностного отношения к себе [3].

Общая характеристика постановки проблемы самосознания в отечественной психологии объективно определилась, во-первых, социальными условиями развития психологической науки в советский период в нашей стране, во-вторых, наличием в ней разных школ и направлений, в-третьих, соотношением методологического, теоретического и эмпирического уровней исследования, которое по-разному складывалось на разных этапах развития отечественной психологии. Комплекс этих трех обстоятельств определил то, что на первом этапе советской психологии — в двадцатых и начале тридцатых годов в силу ориентации психологов на решение актуальных социальных и практических проблем преобладало изучение реального самосознания.

Таким образом, теоретический анализ источников позволил нам сделать вывод, что как возникновение, так и развитие и функционирование самосознания не могут быть поняты как лежащие на одной прямой, связывающей телесное самовыделение и высшие нравственные проявления самосознания. Происхождение самосознания, как и его развитие, разнородно и полимодально, разные системы отношений, включающие человека как природное существо, как объект и субъект общественных отношений и человеческих деятельностей, порождают и разные аспекты его самосознания, выражающиеся в разнообразных и не сводимых друг к другу феноменах.

Литература

1. *Леонтьев А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность / А. Н. Леонтьев. — М. : Политиздат, 1975. — 304 с.
2. *Спиркин А. Р.* Сознание и самосознание / А. Р. Спиркин. — М. : Политиздат, 1972. — 303 с.
3. *Столин В. В.* Самосознание личности / В. В. Столин. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 1983. — 288 с.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЛЖИ У ЛИЦ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ СОЦИАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Е. А. Шишкина, студентка 3 курса
shishkina.katyusha@gmail.com

Научный руководитель — канд. психол. наук, преп. Е. Н. Лисова

В современном обществе ложь все чаще воспринимается людьми как вполне нормальное и естественное явление. Нет такого человека, который никогда не лгал, и которого никто не обманывал. У одних ложь естественна и незаметна, такие люди могут лгать, не опасаясь разоблачений, у других же ложь очевидна, что ярко видно по невербальным признакам. Умение их определять является частью умственных способностей.

Тема нашей работы актуальна на сегодняшний день, так как роль квалификации лжи в различных жизненных ситуациях очень важна. Люди, как правило, оценивают ее как способ наживы, нанесения вреда другому, как зло и поэтому осуждают это явление. Но рассмотреть его только с негативной точки зрения — значит рассматривать односторонне, узко, только с одних позиций, что необъективно и несправедливо. Существует также и добродетельная ложь, направленная на благо другого человека, чтобы сделать его жизнь легче. Кроме этого ложь часто играет роль защитного механизма, поэтому, можно сказать, что ложь выступает как способ защиты своего «Я» от посягательств со стороны других, в том числе, когда человек рассматривает ситуацию межличностного взаимодействия как угрожающую [1].

В настоящее время современное общество еще больше заинтересовалось проблемой лжи, что проявляется в новых фильмах, как русского, так и зарубежного кинематографа, новых книгах, статьях. Много подростков, общающихся на различных интернет-форумах, говорят о возникшем интересе к психологии, и конкретно, к теме взаимодействия между людьми. Ложь, по их мнению, является интереснейшей темой для обсуждения. Большинство людей

хотят научиться определять, распознавать и пресекать ложь, обрести навыки дальновидности в межличностных отношениях, однако существует немного источников, которые могут помочь в этом.

Ложь как феномен интересен и мало изучен психологами, однако если рассматривать ложь в контексте интеллектуальных способностей, то литературы, по которой освещена эта проблема, совсем мало.

Особенно глубоко феномен лжи был рассмотрен П. Экманом в его труде «Психология лжи». Он утверждает, что обман (автор использует понятия «ложь» и «обман» как синонимы) — это всегда действие умышленное, и если человек лжет ненамеренно, хотя и говорит неправду, то его нельзя назвать лжецом. П. Экман рассматривает феномен «ложь», включая в его состав не только искажение истины, сообщение ложной информации, но и умолчание о чем-либо существенном в данной ситуации, сокрытие правды.

Ложь, по мнению П. Экмана, может иметь оправдание, если человек сам верит в то, о чем он говорит, не зная, что это ложь. В таком случае он не будет считаться лжецом, и его обман раскрыть значительно труднее [2]. Лжецом можно назвать лишь того человека, который бы лгал умышленно.

Проанализировав литературу по интересующей нас теме, мы выделили рабочее определение лжи. Итак, ложь — это осознанный продукт деятельности, представляющий собой социальный феномен, отождествляющийся с понятием обмана, неправды, намеренным искажением информации. Этот феномен тесно связан с социальным интеллектом. В свою очередь под социальным интеллектом мы будем понимать способность понимать поведение людей.

Психологический анализ феномена лжи позволит рассмотреть структуру, особенности лжи, характер взаимосвязи с другими личностными характеристиками, а изучение представлений о лжи поможет нам выделить различия в понимании этого феномена у лиц с разным социальным интеллектом.

Нами было проведено исследование, целью которого выступало подтверждение выдвинутой нами ранее гипотезы о том, что

представления о лжи у лиц с разным социальным интеллектом отличаются по ряду особенностей: эмоциональная оценка, способность к распознаванию признаков лжи, осведомленность о ее видах.

Итак, проанализировав данные, мы обнаружили три группы людей.

Первая — лица с высоким и выше среднего социальным интеллектом (23 %). Вторая — лица со средним уровнем социального интеллекта (57 %). Третья — лица с ниже среднего и низким социальным интеллектом (20 %).

Внутри каждой группы мы проанализировали представления о лжи.

Представители первой группы не дают однозначной эмоциональной оценки лжи, у них она нейтрально оценивается в 29 % случаях, в 29 % — положительно и в 42 % — негативно. Помимо этого, 71 % лиц данной категории выделяют более 8 видов лжи, около 82 % утверждают, что хорошо выявляют признаки лжи.

Представители второй группы оценивают ложь следующим образом. Нейтральные оценки встречаются в 29 % высказываний в отношении лжи, в 24 % — положительные и в 47 % — негативные. Помимо этого лица данной категории выделяют различное количество видов лжи, но не более 10, и только 29 % опрошенных утверждают, что хорошо выявляют признаки лжи и определяют ее.

У представителей третьей группы нейтральные оценки встречаются в 29 % высказываний в отношении лжи, положительные — в 14 % и негативные — в 57 %. Помимо этого лица данной категории выделяют не более 7 видов лжи, и 33 % опрошенных утверждают, что хорошо выявляют признаки лжи и определяют ее.

Таким образом, ложь оценивают практически одинаково лица с любым уровнем социального интеллекта (или негативно, или нейтрально), что вероятно, связано с тем, что в обществе в целом признано, что ложь является негативным явлением. Но в основном негативной ее считают люди с низким социальным интеллектом, так как, вероятно, испытывают сложности в ее распознавании. Значительная разница прослеживается в количестве выделенных видов: чем выше интеллект, тем большее количество видов лжи дифференцируется испытуемыми. Что касается самооценки

способности к распознаванию признаков лжи, мы видим, что лица с высоким и выше среднего социальным интеллектом данную способность оценивают как хорошо развитую.

Все это говорит о необходимости работы по развитию социального интеллекта, что может способствовать коррекции представлений о лжи.

Литература

1. Психолого-педагогический словарь / сост. Е. С. Рапацевич. — Минск, 2006. — 928 с.
2. Экман П. Психология лжи / П. Экман. — СПб., 2008. — 272 с.

ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДЕВУШЕК, ИСПЫТЫВАЮЩИХ НЕДОВОЛЬСТВО СОБСТВЕННЫМ ТЕЛОМ

Е. С. Щербатых, студентка 3 курса
eka.katyshka@mail.ru

Научный руководитель — преп. М. В. Петрушина

Ни для кого не секрет, что в современном обществе внешности человека и его внешнему облику уделяется много внимания. Ежедневно через телевидение, журналы и социальные сети нам диктуют то, как мы должны одеваться и выглядеть. Больше всего подвержены этому влиянию, конечно, девушки, которые порой просто не успевают за новыми идеалами внешности. К тому же, чаще всего соответствовать идеальным модельным данным просто невозможно. Отсюда порождается невероятная неудовлетворенность своим телом, даже когда никаких объективных причин для этого нет. Немаловажную роль в этом играет и отношение других людей к чужой внешности. Бывает так, что человека судят именно по тому, как он выглядит, приписывают какие-либо

качества, даже если человек ими не обладает. Все это и формирует отношение к собственному телу. Из-за реакции других людей, из-за несоответствия идеалам у людей могут появиться такие личностные особенности, которые порой мешают жить нормальной, полноценной жизнью. В худшем случае погоня за идеалом может приводить к анорексии, булимии, дисморфофобии.

Высокая распространенность этих заболеваний в настоящее время привлекла все же внимание общественности. На данный момент стараются пропагандировать здоровье, естественность, индивидуальность, свободу самовыражения, уход от строгих стандартов. Со стороны психологии также важно сейчас уделять внимание к отношению к собственному телу девушек, к особенностям девушек, которые неудовлетворены своим телом, постараться со своей стороны помогать девушкам полюбить себя такими, какие они есть. Именно в этом и заключается актуальность данного исследования. Целью данного исследования является изучение личностных особенностей девушек, испытывающих недовольство собственным телом.

Объект исследования — отношение к собственному телу.

Предмет исследования — личностные особенности девушек, испытывающих недовольство собственным телом.

В качестве гипотезы выступает предположение, что девушки, которые неудовлетворены собственным телом, имеют высокий уровень личностной тревожности, агрессивности и внешний локус контроля.

Прежде чем переходить к описанию и результатам исследования, необходимо уточнить, что мы понимали под недовольством собственным телом и под личностными особенностями.

Недовольство собственным телом является проявлением отношения к собственному телу, т. е. в данной работе мы рассматриваем именно эмоциональный компонент Физического Я.

Под личностными особенностями мы будем рассматривать такие черты личности, которые отличаются у девушек, имеющих недовольство собственным телом, и у девушек, у которых нет негативного отношения.

Многие авторы указывали на связь таких личностных особенностей, как агрессивность и тревожность, с отношением к

собственному телу [1, 2]. Когда девушки по каким-либо причинам начинают относиться к своему телу негативно, то они начинают видеть недостатки (которые в свою очередь могут быть реальными или выдуманными). Это сильно фрустрирует, порождает дезадаптированность и тревогу [2]. При этом у девушек появляется чувство стыда за несоответствие, как им кажется, своего тела с общепринятыми стандартами. Тревога может проявляться по поводу мнения других людей, как они воспримут тебя, как будут относиться. А. А. Налчаджян рассматривает агрессивность как адаптивную стратегию у лиц, недовольных своей внешностью [2]. Также автор указывает, что одновременно с агрессивностью у таких девушек развиваются такие черты характера, как мнительность и пессимистичность.

Человеку кажется, что из-за его физического недостатка окружающие плохо относятся к нему или не принимают его всерьез; он становится раздражительным и агрессивным, и окружающие действительно начинают не любить его, «подкрепляя» тем самым его первоначальную установку.

Подобный результат приводит к вторичным фрустрациям, а отсюда — к дальнейшему усилению агрессивных реакций.

Теперь перейдем непосредственно к исследованию. В исследовании приняли участие 40 девушек в возрасте от 18 до 23 лет. Данное исследование является пилотажным. Для более точных результатов и выводов требуется большее количество испытуемых.

Все испытуемые были поделены на две выборки: довольные собственным телом и имеющие какую-либо неудовлетворенность. Это было проделано с помощью опроса и Цветового теста отношений (ЦТО) Е. Ф. Бажина и А. М. Эткинда.

Для определения уровня тревожности использовался опросник Ч. Д. Спилбергера, для определения уровня агрессивности использовался опросник Басса-Дарки и для определения уровня интернальности использовался опросник УСК (уровень субъективного контроля), авторами которой являются Е. Ф. Бажин, Е. А. Голынкина, Л. М. Эткинд.

Полученные данные показали, что из всех опрошенных девушек 65 % довольны своим телом, а 35 % недовольны.

При этом среди недовольных собственным телом все 100 % имеют высокий уровень тревожности, среди удовлетворенных собственным телом 25 % среднего уровня тревожности и 75 % с высоким уровнем тревожности. Полученные данные говорят о том, что, несмотря на достаточно большой процент высокого уровня тревожности среди девушек вообще, недовольных собственным телом все же больше.

По показателю агрессивности среди девушек, имеющих недовольство собственным телом, 27 % имеют низкий уровень агрессивности, 32 % средний и 41 % высокий уровень. Среди девушек, которых устраивает своя внешность, по данному показателю 20 % имеют низкий уровень агрессивности, 65 % средний уровень и 15 % высокий.

Это говорит о том, что для девушек, имеющих недовольство собственным телом, действительно больше характерен высокий уровень агрессивности.

По данным методики УСК проценты разделились примерно одинаково: 55 % интерналов и 45 % экстерналов среди девушек выразивших недовольство собственным телом и 50 % интерналов и 50 % экстерналов среди девушек, которые довольны тем, как они выглядят. То есть это означает, что выраженных различий по данному показателю нет.

Таким образом, наша гипотеза подтверждается частично. Высокая тревожность и агрессивность действительно более характерны для девушек, имеющих недовольство собственным телом. По уровню субъективного контроля девушки, имеющие недовольство собственным телом в принципе не отличаются от девушек, которые своим телом удовлетворены.

Литература

1. Кон И. С. Открытие «Я» / И. С. Кон. — М. : Политиздат, 1978. — 367 с.
2. Налчаджян А. А. Агрессивность человека / А. А. Налчаджян. — СПб. : Питер, 2007. — 736 с.

НЕГАТИВНЫЕ ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ СОСТОЯНИЯ У СТУДЕНТОВ В УЧЕБНОМ ПРОЦЕССЕ

А. А. Ничуговский, магистрант 2 курса
sanekni@mail.ru

Научный руководитель — канд. психол. наук, доц. Н. Е. Есманская

Учебная деятельность на разных этапах обучения связана с достаточно высокими эмоциональными и информационными нагрузками, которые способствуют развитию у студентов таких негативных эмоциональных состояний, как тревога и учебный стресс.

Тревога понимается как эмоциональное состояние острого внутреннего мучительного бессодержательного беспокойства, связываемого в сознании индивида с прогнозированием неудачи, опасности или ожидания чего-то важного, значительного для человека в условиях неопределенности [2].

Тревога — это не только чувство, отчетливо ощущаемое во всем теле, например напряжение мышц, потоотделение, сухость во рту и головокружения. Тревога также имеет когнитивный компонент — сосредоточенность на мыслях о возможных неприятностях в будущем. Многие исследователи расценивали данный аспект тревоги, связанный с негативными ожиданиями, как определяющую ее когнитивную особенность [3].

К. Э. Изард считает, что тревога — это не отдельный самостоятельный феномен, а комбинация страха с одной или несколькими другими эмоциями: гневом, виной стыдом, интересом [1].

Закономерно, что тревога, закрепившись, становится достаточно устойчивым образованием и переходит в свойство личности — тревожность.

Возможно, что тревога несет студентам определенную пользу. Во-первых, тревога помогает мобилизоваться в определенных ситуациях, если только она не чрезмерна. Согласно известному закону Йеркса-Додсона, деятельность улучшается при умеренном уровне тревожности, но начинает давать сбой,

если тревожность становится чрезмерной. Во-вторых, тревога часто служит сигналом к проявлению бдительности и тем самым позволяет принять меры и избежать предвиденной опасности.

Однако студенты с повышенной тревожностью оказываются в ситуации «заколдованного психологического круга», когда тревожность ухудшает возможности и результативность деятельности в учебном процессе.

Следующим негативным эмоциональным состоянием является учебный стресс. Возникновение стресса происходит в напряженных ситуациях, при наличии определенных факторов давления на человека, предъявления к нему требований, которые могут расцениваться как опасные и угрожающие.

В учебной деятельности стрессовыми ситуациями чаще всего являются публичные выступления и сдача экзаменов и зачетов. Причины сочетания тревоги и учебного стресса могут быть следующие: прошлый опыт студента; феномен эмоционального заражения; личностные особенности (качества, которые связаны со стрессоустойчивостью личности, например, самооценка, уверенность в себе, склонность к риску, локус контроля).

Учебный стресс и тревога взаимосвязаны. Состояние стресса является необходимым для преодоления сложных этапов учебы, однако тревога в возникновении учебного стресса у студентов снижает адаптивную ценность последнего и приводит к появлению негативных физиологических и психических последствий.

В рамках профилактики негативных состояний студентов можно выделить два основных направления работы: организация мер, основанных на внешних условиях и внутренних условиях. Сюда относятся объективные условия обучения и субъективные особенности студентов.

В качестве основных форм работы можно использовать просветительскую и развивающую. Также важным направлением является обучение студентов определенным приемам саморегуляции и выработка навыков поведения в стрессовых ситуациях.

Литература

1. Изард К. Э. Психология эмоций / К. Э. Изард. — СПб. : Питер, 1999. — 403 с.
2. Ильин Е. П. Эмоции и чувства / Е. П. Ильин. — СПб. : Питер, 2010. — 701 с.
3. Психология : комплексный подход / под ред. М. Айзенка. — Минск : Новое знание, 2002. — 832 с.

СЕКЦИЯ ПЕДАГОГИКИ И ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

ОСОБЕННОСТИ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ СФЕРЫ РОДИТЕЛЕЙ ДЕТЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ

С.А. Войщева, студентка 3 курса
Sveta.voisheva@mail.ru

Научный руководитель — канд. психол. наук, преп. О.А. Иванова

Проблема интеграции в социум, повышения качества жизни детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) и их семей всегда является чрезвычайно важной в современном обществе. Лица с ОВЗ — это люди, имеющие недостатки в физическом и (или) психическом развитии, т. е. глухие, слабослышащие, слепые, слабовидящие, с тяжёлыми нарушениями речи, нарушениями опорно-двигательного аппарата и другие, в том числе дети-инвалиды [2]. С каждым годом в мире увеличивается число детей с ОВЗ, вызванные врожденными или приобретенными заболеваниями, иногда приводящими к полной инвалидности ребенка. Ко всему этому привело ухудшение состояния окружающей среды, алкогольная и наркотическая зависимости, повлияло даже повышение качества медицинской помощи матери и ребенку при рождении и жизни, которая значительно снизила детскую смертность, сделала необходимым обеспечение комфортной среды для детей с особенностями в развитии.

Родители — это самые близкие люди, принимающие ребенка таким какой он есть, независимо от социального статуса, состояния здоровья и индивидуальных особенностей. Семья — это то

место, где можно решить возникшие проблемы, найти помощь, понимание и сочувствие. Но та же семья может стать причиной формирования негативных качеств в ребёнке, препятствовать его адаптации в меняющихся жизненных условиях. Таким образом, семья, в частности родители, являются основополагающим фактором успешного воспитания детей с ОВЗ. Именно в семье ребёнок усваивает те или иные навыки поведения, представление о себе и других, о мире в целом, поэтому неотъемлемой частью реабилитации и поддержания жизнедеятельности ребенка с ОВЗ является комфортная, развивающая и адаптирующая среда дома, обеспечиваемая именно родителями малыша.

В большинстве же случаев родители ребенка с ОВЗ испытывают колоссальный стресс и депрессию с которой сложно справиться без помощи специалиста, что ведет к ухудшению общего состояния родителей, постоянным конфликтам в семье и общей эмоциональной напряженности. Так в современном мире назрела необходимость создания специальных психологических программ помощи не только детям с ОВЗ, но и их родителям. Очевидно, что изучение особенностей эмоциональной сферы родителей детей ОВЗ необходимо и актуально в практическом плане помощи семьям, имеющим детей с ОВЗ.

При появлении ребенка ОВЗ отношения внутри семьи, а также контакты с окружающим социумом искажаются. Причины нарушений связаны с психологическими особенностями больного ребенка, а также с колоссальной эмоциональной нагрузкой, которую несут члены его семьи в связи с длительно действующим стрессом. Многие родители в сложившейся ситуации оказываются беспомощными. Их положение можно охарактеризовать как внутренний (психологический) и внешний (социальный) тупик. Стресс, имеющий пролонгированный характер, оказывает сильное деформирующее воздействие на психику родителей и становится исходным условием резкого травмирующего изменения сформировавшегося в семье жизненного уклада. Деформируются сложившийся стиль внутрисемейных взаимоотношений, система отношений членов семьи с окружающим социумом, а также особенности миропонимания и ценностных ориентаций каждого из родителей ребенка с ОВЗ [3].

Отец ребенка с ОВЗ меньше, чем мать, проводит с ним времени в силу занятости на работе и в соответствии с традиционным пониманием этой семейной обязанности. Поэтому его психика не подвергается патогенному воздействию столь же интенсивно, как психика матери больного ребенка. Приведенные характеристики, как правило, являются наиболее распространенными. Но, безусловно, есть и исключения из правил [3].

Матерей часто одолевают страхи по поводу будущего ребенка, порождают чувство одиночества, потерянности и ощущение «конца жизни». Матери жалуются на обилие повседневных забот, связанных с ребенком, что ведет к повышенной физической и моральной нагрузке, подтачивает силы, вызывает утомление. Часто для таких матерей свойственно снижение психического тонуса, заниженная самооценка, что проявляется в потере вкуса к жизни, перспектив профессиональной карьеры, невозможности реализации собственных творческих планов, потере интереса к себе как к женщине и личности. Депрессивные переживания могут трансформироваться в невротическое развитие личности и существенно нарушить ее социальную адаптацию [1].

Часть матерей в силу сложившихся обстоятельств вынуждены изменять профиль своей работы или же вообще оставить ее. Уход женщины с любимой работы не только лишает ее заработка, но и изменяет ее социальный статус, ставит в зависимое положение от мужа, от семьи. Таким образом, в лице матери больного ребенка общество теряет квалифицированного специалиста в связи с невозможностью для нее продолжать работу по избранной до рождения ребенка специальности.

Возникает патологическая цепочка: недуг ребенка вызывает психогенный стресс у его матери, который в той или иной степени провоцирует возникновение у нее соматических или психических заболеваний. Таким образом, заболевание ребенка, его психическое состояние может являться психогенным и для родителей, в первую очередь матерей [3].

Одним из самых печальных проявлений, характеризующих состояние семьи после рождения ребенка с ОВЗ, является развод. Сложившаяся новая ситуация становится испытанием для проверки

подлинности чувств как между супругами, так и между каждым из родителей и больным ребенком. Известны случаи, когда подобные трудности спланивали семью. Однако часть семей не выдерживает такого испытания и распадается, что оказывает отрицательное воздействие на процесс формирования личности ребенка с отклонениями в развитии. Чувства страха, неуверенности в себе, различные формы депрессий — все эти болезненные состояния родителей являются не только ответной реакцией их личности на травмирующее переживание, но и ответной защитной реакцией всего их организма [1].

Все это говорит о необходимости целостного изучения эмоциональной сферы родителей детей с ОВЗ.

Под особенностями эмоциональной сферой родителей детей с ОВЗ мы понимаем сниженную психическую активацию, интерес, эмоциональный тонус, нервно-психическую напряженность, депрессивные состояния, слабый уровень регуляции в стрессовых состояниях.

В рамках научной работы нами была предложена программа исследования особенностей эмоциональной сферы родителей детей с ОВЗ. Цель исследования заключается в проверке гипотезы о существовании особенностей эмоциональной сферы родителей детей с ОВЗ по сравнению с эмоциональной сферой родителей здоровых детей.

Задачами исследования являются:

1) методические задачи: подбор комплекса психодиагностических методик, модификация (при необходимости) существующих методик в соответствии с целью данного исследования;

2) исследовательские задачи: выявление особенностей эмоциональной сферы родителей детей с ОВЗ по сравнению с эмоциональной сферой родителей здоровых детей, анализ полученных данных;

Базой эмпирического исследования будет выступать: ментальный центр на базе отделения реабилитации детской поликлиники № 11 Воронежской городской поликлиники № 4, Детский сад комбинированного вида № 167 и детский сад № 104.

Объем выборки исследования конструируется в соответствии с критериями внутренней валидности и репрезентативности, выборка составит 50 человек, из которых 25 — родители здоровых детей, а 25 — родители детей с ОВЗ соответственно.

Для сбора эмпирической информации будут применяться следующие психодиагностические методики: методика экспресс-диагностики состояния стресса К. Шрайнера позволяет выявить особенности переживания стресса: степень самоконтроля и эмоциональной лабильности в стрессовых условиях; методика оценки психической активации, интереса, эмоционального тонуса, напряжения и комфортности Л. А. Курганского и Т. А. Немчина; методика дифференциальной диагностики депрессивных состояний В. Зунге — опросник, разработанный для дифференциальной диагностики депрессивных состояний и состояний, близких к депрессии, для скрининг-диагностики при массовых исследованиях и в целях предварительной, доврачебной диагностики; шкала нервно-психического напряжения Т. А. Немчина для изучения людей в условиях высокой физической и эмоциональной нагрузки.

Подводя итоги можно сказать, что рождение ребенка с ОВЗ создает трудную жизненную ситуацию, меняет весь образ жизни семьи, вызывая эмоциональную напряженность родителей. Зачастую родители детей с ОВЗ испытывают колоссальный стресс и депрессию, хотя именно личностные характеристики родителей во многом определяют степень социализации и адаптации в жизни ребенка, т.е. его будущее. Выявление особенностей эмоциональной сферы родителей детей с ОВЗ позволит определить, насколько они могут обладать особыми качествами, необходимыми для поддержания ребенка, его воспитания и социального сопровождения в течение всей его жизни. Вопрос помощи и психологической поддержки родителям детей с ОВЗ остается открытым и мало изученным. Очевидно, что изучение особенностей эмоциональной сферы родителей детей с ОВЗ необходимо и актуально в практическом плане помощи семьям, имеющим детей с ОВЗ.

Перспективой дальнейших исследований по данной проблеме является практическое воплощение и реализация предложенной программы выявления особенностей эмоциональной сферы родителей детей с ОВЗ. При выявлении данных особенностей планируется изучение вариантов медико-психолого-педагогической помощи родителям детей с ОВЗ и семье в целом.

Литература

1. Левченко И. Ю. Психологическая помощь семье, воспитывающей ребенка с отклонениями в развитии : метод. пособие / И. Ю. Левченко, В. В. Ткачева. — М. : Просвещение, 2008. — 240 с.
2. Образовательный сайт Академик. — Режим доступа : http://official.academic.ru/5370/Дети_с_ограниченными_возможностями_здоровья.
3. Ткачева В. В. Психолого-педагогическое изучение семьи, воспитывающей ребенка с отклонениями развития / В. В. Ткачева // Психолого-педагогическая диагностика. — М. : Академия, 2003. — С. 280—290.

АНАЛИЗ ФЕНОМЕНА СОЦИАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА С ЗАДЕРЖКОЙ ПСИХИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

М. В. Алексеева, студентка 3 курса

Научный руководитель — канд. психол. наук, преп. О.А. Иванова

Проблема социализации детей с отклонениями психического развития является одной из наиболее актуальных в современном обществе. Особенно остро этот вопрос встает в связи с новым Законом об образовании, предполагающим инклюзию атипично развивающихся детей в систему массового образования, а также связанной с этим необходимостью диагностики уровня их психического развития, в том числе социального интеллекта как важнейшего фактора социальной адаптации. Очевидно, что изучение особенностей социального интеллекта дошкольников с задержкой психического развития может способствовать формированию рекомендаций в психолого-педагогической помощи атипично развивающимся детям дошкольного возраста, а также разработке программ, направленных на развитие эффективности межлич-

ностного взаимодействия, достижение оптимизации процесса социально-личностного развития и успешной интеграции в социум данной категории детей.

Социальный интеллект изучался с позиций различных подходов. При этом объединяющим моментом стало понимание его как целостной системы по накоплению, систематизации и анализу индивидом собственного социального опыта, а так же опыта окружающих его людей. Всё это служит качественной основой развития успешной личности. Одним из общепринятых в современной психологии считается определение, данное Э. Трондайком, согласно которому, социальный интеллект понимается как дальновидность в межличностных отношениях и фактор успешности социальной адаптации. Он представляет собой способность индивида понимать и предсказывать поведение других людей в различных жизненных ситуациях, а также умение распознавать чувства, намерения и эмоции по их вербальным и невербальным признакам [2].

Социальный интеллект в дошкольном возрасте следует рассматривать как потенциальную возможность для развития способности ребенка разбираться в ситуациях межличностного общения и устанавливать причинно-следственные связи между действиями отдельных лиц и результатом их поведения, понимания другого человека, мира человеческих взаимоотношений, развитие навыков анализа своего поведения и поступков окружающих людей [4]. Согласно В. С. Мухиной, М. И. Бобневой, в качестве механизмов развития социального интеллекта выступают процесс становления самосознания и процесс развития саморегуляции, которые активно формируются именно в дошкольном возрасте в ходе социализации ребенка, под воздействием различных условий социальной среды [2].

На наш взгляд, при задержке психического развития затруднено социальное развитие ребенка, причины которого связаны с полиморфным характером нарушений при данном отклонении. Понятие «задержка психического развития» (ЗПР) употребляется по отношению к детям со слабо выраженной недостаточностью центральной нервной системы — органической или функциональной. В отечественной науке понятие «задержка психического развития» является психолого-педагогическим и характеризует,

прежде всего, отставание в развитии психической деятельности ребёнка: в развитии психики в целом или отдельных ее функций (моторных, сенсорных, речевых, эмоционально-волевых). Термин «задержка» подчеркивает временной характер отставания, т.е. несоответствие уровня психического развития возрасту [1].

Анализ исследований социального интеллекта у детей с отклонениями в развитии показывает, что у дошкольников с ЗПР существуют особенности протекания процесса социально-личностного развития и социализации. Социальные представления детей с задержкой психического развития носят фрагментарный и неустойчивый характер, отражающий недостатки усвоения и актуализации социального опыта. У данной категории детей замедлен темп формирования системы социальных отношений, представлений и знаний о них, а также ослаблены социальные возможности личности, характерна низкая потребность в общении, сочетающаяся с дезадаптивными формами взаимодействия — отчуждением, избеганием или конфликтом. [3].

У детей с ЗПР имеются проблемы в социальных отношениях, проявляющиеся еще в раннем дошкольном возрасте, которые могут быть связаны с недостаточной сформированностью нравственно-этической сферы (дети слабо ориентируются в нравственно-этических нормах поведения) и сферы социальных эмоций (дети не готовы к «эмоционально теплым» отношениями со сверстниками, могут быть нарушены эмоциональные контакты с близкими взрослыми). В экспериментальных исследованиях социального интеллекта у старших дошкольников с ЗПР выявляется низкий уровень социальной компетентности, в которой объективируются преимущественно социальные параметры личности ребенка: отношение к окружающему миру, к другим людям, к себе. Так же эти данные свидетельствуют о том, что при задержке психического развития в дошкольном возрасте функционирование познавательной сферы не соответствует возрастным нормам и является значительным препятствием на пути познания социальной действительности, что, в свою очередь, ограничивает возможности усвоения социального опыта, формирование соответствующих возрасту ребенка социальных представлений, и обуславливает низкий уровень социального интеллекта в целом [2].

Подобные данные говорят о необходимости целостного изучения социального интеллекта детей дошкольного возраста с ЗПР. В связи с этим нами была предложена программа исследования, целью которого является проверка гипотезы о существовании специфических особенностей социального интеллекта детей дошкольного возраста с задержкой психического развития по сравнению с типично развивающимися детьми такого же возраста, а именно: дети с ЗПР менее адекватно распознают эмоциональные состояния других, проявляют более низкий уровень ориентации в социальной действительности, обладают более низким уровнем эмпатии и способности понимать действия другого человека и его причины по сравнению с нормально развивающимися детьми.

В контексте научной программы было проведено эмпирическое исследование, при этом использовались следующие психодиагностические методики: методика «Эмоциональные лица» Н. Я. Семаго — для оценки способностей адекватного распознавания ребёнком эмоционального состояния; модифицированные Ю. Н. Романовой вопросы теста Векслера (субтест «Понятливость», субтест «Картинки») — для выявления ориентации ребенка в социальной действительности; модифицированный вариант методики «Незаконченные рассказы» (Т. П. Гаврилова) — для оценки развития эмпатии и способности понимать действия другого человека и его причины.

Результаты эмпирического исследования позволяют сказать, что социальный интеллект, формируясь и развиваясь в дошкольном возрасте, определяет успешность социального взаимодействия с другими людьми и в более старшем возрасте. По этой причине существует необходимость раннего выявления его особенностей у детей с отклонениями в развитии. Очевидно, что обозначенная нами проблема актуальна в практическом плане помощи семьям, имеющим детей с задержкой психического развития.

Перспективой дальнейших исследований по данной проблеме является практическое воплощение и реализация предложенной программы выявления особенностей социального интеллекта детей с задержкой психического развития. При выявлении данных особенностей планируется изучение вариантов медико-психолого-педагогической помощи данной категории детей и воспитывающим их семьям.

Литература

1. Лубовский В. И. Специальная психология : учеб. пособие // В. И. Лубовский. — Саратов : Академия. — 2005. — 464 с.

1. Масыгина О. Ю. Развитие социального интеллекта дошкольников : методологический подход; психологические механизмы; модель развития / О. Ю. Масыгина // Психологические науки: теория и практика : материалы междунар. науч. конф. (г. Москва, февраль 2012 г.). — М. : Буки-Веди, 2012. — С. 106—110.

1. Фатихова Л. Ф. Характеристика социального интеллекта детей с различными отклонениями в развитии / Л. Ф. Фатихова, Е. Ф. Сайфутдиярова // Специальное образование. — 2013. — № 3. — С. 87—97.

1. Чеснокова О. Б. Изучение социального познания в детском возрасте / О. Б. Чеснокова // Познание. Общество. Развитие / под ред. Д. В. Ушакова. — М. : ИП РАН, 1996. — С. 54—76.

РЕАЛИЗАЦИЯ ЭМОТИВНОЙ ФУНКЦИИ РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ НЕСЛЫШАЩИМИ ПОДРОСТКАМИ

К. В. Нежевенко, студентка 4 курса

Научный руководитель — д-р пед. наук, проф. Н. И. Вьюнова

Формирование эмоциональной сферы детей и подростков выступает одним из условий успешности их социальной адаптации и взаимодействия с окружающим миром. Важнейшей детерминантой эмоционального развития и эмоциональных состояний личности на всех этапах ее развития является реализация эмотивной (аффективно-коммуникативной) функции общения (А. А. Бодалев, Б. Ф. Ломов, А. В. Мудрик) [1].

Данные исследований в области сурдопедагогики и сурдопсихологии свидетельствуют о том, что у учащихся с нарушением слу-

ха имеются значительные трудности в понимании явлений эмоциональной сферы, установлении причинно-следственных отношений возникновения эмоций, а также в овладении эмоционально-оценочной лексикой (Н. Е. Граш, О. А. Красильникова, О. И. Кукушкина, Т. Ю. Кулигина, М. И. Никитина, В. Петшак, Е. Г. Речицкая, Т. В. Розанова, В. А. Синяк и др.). В исследованиях ученых данные вопросы рассмотрены в основном для младшего школьного возраста. Специального экспериментального изучения состояния эмотивной функции речевого общения подростков с нарушением слуха не проводилось.

Вместе с тем, развитие эмоциональной сферы подростков требует учета специфики данного возрастного периода, заключающейся в большой эмоциональной возбудимости, повышенной тревожности, устойчивости эмоциональных переживаний по сравнению с младшим школьным возрастом, противоречивости чувств, развитом чувстве принадлежности к группе и др. [3]. В этот период особое значение принимает способность к вербализации эмоций, т.к. посредством речи подросток может выразить свои эмоции, чувства, настроения, мысли, сформулировать свое эмоционально-ценностное отношение к миру, что необходимо в его становлении как личности. Необходимость учета общих и специфических особенностей развития эмоциональной сферы подростков в условиях нарушенного слуха обуславливает актуальность изучения состояния эмотивной функции речевого общения неслышащих подростков [2].

Цель нашего исследования: выявить состояние эмотивной функции речевого общения у подростков с нарушением слуха. Достижение данной цели предполагает решение следующих задач:

— выявить сформированность у подростков с нарушением слуха умения реализовывать аффективно-коммуникативные намерения;

— выявить особенности использования неслышащими подростками речевых средств для реализации эмотивной функции речевого общения с учетом условий заданной коммуникативной ситуации.

Диагностическая процедура включала предъявление испытуемым коммуникативных ситуаций, требующих реализации эмотивной функции речевого общения. Каждая ситуация пред-

полагала реализацию испытуемым определенной коммуникативной задачи с учетом описанных условий (например: выражение радости, благодарности, сопереживания, возмущения и т.д.).

В исследовании приняло участие 45 учащихся с нарушением слуха 7—10 классов и 49 нормально слышащих учащихся 5—8 классов.

Качественный и количественный анализ результатов экспериментального исследования показал, что значительная часть неслышащих подростков испытывают трудности в понимании и правильном выделении коммуникативной задачи в предложенных ситуациях с учетом условий коммуникативной ситуации (например, выразить пожелания в ситуации поздравления и т.п.). Это может быть обусловлено, с одной стороны, трудностями речевого развития, с другой — особенностями эмоциональной сферы неслышащих, а также ограниченным социальным опытом и опытом общения, недостаточной степенью ориентировки в условиях коммуникативной ситуации. В таблице 1 представлено соотношение типов речевых реакций слышащих и неслышащих испытуемых в предложенных коммуникативных ситуациях.

Т а б л и ц а 1

Типы речевых реакций испытуемых в предложенных ситуациях

№	Коммуникативная ситуация	Тип (содержание) речевой реакции	Количество испытуемых (в %)	
			с нарушением слуха	нормально слышащих
1	Как ты поздравил друга с победой в соревновании? Что ты ему пожелаешь?	Поздравление	51	30
		Пожелание	18	80
		Одобрение	11	33
		Выражение радости и поддержки	—	18
2	Как подбодрить товарища, у которого пропала собака?	Утешение, подбадривание	27	65
		Сочувствие, сожаление	16	—
		Предложение помощи	27	57

№	Коммуникативная ситуация	Тип (содержание) речевой реакции	Количество испытуемых (в %)	
			с нарушением слуха	нормально слышащих
3	Родители подарили тебе новый телефон. Как ты выразишь свою радость?	Выражение благодарности	80	96
		Выражение радости и/или других эмоций	27	65
4	Твой друг ломает ветку дерева. Что ты ему скажешь?	Регуляция действий (запрет)	49	69
		Возмущение	13	65
5	Твой одноклассник боится делать прививку? Что ты ему скажешь?	Поддержка, утешение	58	94

Исследование показало, что неслышащие подростки затрудняются в использовании речевых средств для реализации аффективно-коммуникативных намерений. Для подростков с нарушением слуха, в сравнении с их слышащими сверстниками, характерно использование ограниченного набора речевых средств для реализации аффективно-коммуникативной функции речевого общения, недостаточно представлено использование эмоционально-оценочной лексики (табл. 2).

Таблица 2

Примеры использования речевых средств для реализации аффективно-коммуникативных намерений слышащими и неслышащими подростками

№	Тип (содержание) речевой реакции	Количество испытуемых (в %)	
		с нарушением слуха	нормально слышащих
1	Одобрение	Молодец	Молодец. Так держать
2	Выражение радости (за кого-либо) и поддержки	—	Очень рад за тебя. У тебя все получится

№	Тип (содержание) речевой реакции	Количество испытуемых (в %)	
		с нарушением слуха	нормально слышащих
3	Утешение, подбадривание	Спокойно, успокойся, не волнуйся, не переживай, не плачь, не бойся	Не волнуйся, не переживай, не плачь, не бойся, не расстраивайся, не беспокойся, не вешай нос, не печалься, не унывай.
4	Выражение радости и/или других эмоций (в ситуации вручения подарка)	Я рад (доволен). Мне радостно	Я всегда мечтал о таком телефоне. Я вас люблю, вы самые лучшие
5	Возмущение	Не ломай ветку. Нельзя ломать. Зачем (ты ломаешь дерево)?	Не ломай ветку. Ему же больно. Дерево тоже живое. Что ты делаешь? Зачем ты это делаешь?

В таблице 3 представлен лингвистический анализ речевых средств, используемых неслышащими и слышащими подростками для реализации эмотивной функции речевого общения.

Таблица 3

Анализ использования неслышащими и слышащими подростками речевых средств для реализации эмотивной функции речевого общения

Способы вербального выражения эмоций	Речевые средства, используемые подростками с нарушением слуха	Речевые средства, используемые нормально слышащими подростками
1	2	3
<i>Лексические способы:</i> — эмоционально-окрашенная лексика;	<i>Существительные:</i> ужас; мужик, молодец; уважение	<i>Существительные:</i> достижение; дурак, баба, мошенник, молодец

1	2	3
— оценочная, эмоционально-оценочная лексика	<p><i>Глаголы:</i> ругала, устала</p> <p><i>Прилагательные:</i> плохой, хитрый</p> <p><i>Наречия:</i> хорошо, жалко, обидно, скучно, вредно, вежливо, обязательно</p> <p><i>Междометия:</i> ого</p> <p><i>Частицы:</i> ладно.</p>	<p><i>Глаголы:</i> заботятся, чувствовал, понравился, испугалась, не растерялась; потерпи, стремись; вылезу</p> <p><i>Прилагательные:</i> замечательный, прекрасный; классный, хороший, лучшие, огромное, глупый. Недоволен, рад, осторожен, уверен, расстроен</p> <p><i>Наречия:</i> стыдно, опасно, медленно, обязательно, вредно, полезно, глупо, ничего, супер, похорошему, круто, нечестно, равнодушно</p> <p><i>Междометия:</i> Ура! Блин. Да. Просто. Окей. Нет слов.</p> <p><i>Частицы:</i> все равно, же, даже, ну, ладно, конечно. Ну, блин. Ну, ладно. Ну, пожалуйста.</p> <p><i>Фразеологические сочетания:</i> писк моды; все в порядке, хотели как лучше, не больно ни капельки, нюни распустил.</p>
<i>Словообразовательные способы</i>	Дружок.	Часок
<i>Сложноподчиненные предложения</i>	—	Я уверена, что ты этого достоин. Я рад, что вы подарили мне телефон
<i>Речевая интонация</i> — восклицания	Хорошо!	Вы правы! Так держать! Продолжай в том же духе! У тебя всё получится! Прекрати! Не трусь! Жизнь на этом не кончается.
— обращения — риторические вопросы	Дружок. Зачем?	Имена собственные. А если тебе вот так руку сломать? Тебе не стыдно? Зачем ты это делаешь?

Таким образом, наше исследование позволило выявить, что состояние эмотивной (аффективно-коммуникативной) функции рече-

вого общения у подростков с нарушением слуха характеризуется низким уровнем сформированности коммуникативно-речевых умений и ограниченным набором речевых средств для ее реализации.

Перспективным является изучение представленности у подростков с нарушением слуха словаря эмоций разной модальности, рассматриваемой во взаимосвязи со спецификой эмоционального реагирования в различных эмоциогенных ситуациях, а также обоснование и разработка содержания и научно-методического обеспечения работы по формированию аффективно-коммуникативной функции речевого общения у подростков с нарушением слуха в системе коррекционных занятий.

Литература

1. *Мудрик А. В.* Общение : функции / А. В. Мудрик // Психология общения. Энциклопедический словарь / под общ. ред. А. А. Бодалева. — М. : Когито-Центр, 2011. — 473 с.
2. *Речицкая Е. Г.* Развитие эмоциональной сферы детей с нарушенным и сохранным слухом : метод. пособие / Е. Г. Речицкая, Т. Ю. Кулигина. — М. : Книголюб, 2006. — 207 с.
3. *Ильин Е. П.* Эмоции и чувства / Е.П. Ильин. — СПб. : Питер, 2001. — С. 403—404.

СИНДРОМ ДЕФИЦИТА ВНИМАНИЯ И ГИПЕРАКТИВНОСТИ И ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ ЛАБИЛЬНОСТЬ

М. А. Колесникова, студентка 4 курса

Научный руководитель — канд. пед. наук, ст. преп. С.В. Попова

Под синдромом дефицита внимания и гиперактивности понимают перинатальное поражение головного мозга, не приводящее к выраженным нарушениям моторики и интеллекта, но вызывающее четкие неврологические и психопатологические нарушения.

В основе СДВГ лежит нарушение коры и подкорковых структур, но сам по себе синдром не является медицинским диагнозом в прямом смысле этого слова, скорее это только констатация факта наличия легких нарушений в работе мозга, причину и суть которых еще предстоит выяснить для того, чтобы начать лечение. При СДВГ к неврологическим симптомам относят нарушение ассоциативных движений, подергивание различных групп мышц, тремор пальцев рук, нарушение сухожильных рефлексов и координации движений, а к психопатологическим нарушения — нарушение внимания, гиперактивность, эмоциональную лабильность, повышенную утомляемость и нарушение восприятия [1].

По статистике от 3 до 10 % детей страдают СДВГ и в большинстве случаев (~ 60 %) синдром сохраняется в более взрослом возрасте.

Рассматривая тенденцию развития самого синдрома и его симптома-комплекса многие авторы выделяют триаду симптомов, которые используют для обозначения СДВГ и как диагностический критерий. Ярко выраженные симптомы при СДВГ это — гиперактивность («чрезмерная двигательная расторможенность»), импульсивность или эмоциональную лабильность («слабый контроль над побуждениями») и дефицит внимания («неспособность удерживать внимание на продолжительный отрезок времени») характерны для детей младшего возраста. К подростковому возрасту, повышенная двигательная активность в большинстве случаев исчезает, а импульсивность и дефицит внимания сохраняются. Характерологические изменения формируются с учетом возбуждения и торможения процессов в коре головного мозга.

Отечественные и зарубежные исследователи выделяют две причины этиологии синдрома дефицита внимания и гиперактивности. Одна причина напрямую связана с генетическим фактором и врожденными аномалиями биохимических процессов обмена гормонов, таких как дофамин и норадреналин. Они трактуют СДВГ как заболевание и, как следствие, лечение должно быть преимущественно медикаментозным (прием амфетаминов и реже антидепрессантов). Другой подход предполагает полиэтиологичность синдрома, то есть, воздействие экзогенных факторов, например, нарушения в развитии ЦНС в перинатальном или постнатальном периодах. Генетический фактор в таком случае

считается необязательным критерием, который может привести к развитию синдрома. Но вне зависимости от этиологии основная триада симптомов остается неизменной «ребенок с СДВГ поражает своей непосредственностью, активностью и непоседливостью» [1, с. 105].

Если мы будем рассматривать патогенез СДВГ, то важным фактором будет именно возрастное распределение. В. Н. Ярлыков писал, что по мере роста и развития головного мозга ребенка СДВГ компенсируется: гиперактивность купируется, но импульсивность и дефицит внимания могут перерасти во «взрослые» психические расстройства [2]. У подростков с СДВГ отмечают задержку эмоционального развития, что проявляется в несоответствии эмоциональных реакций и внешнему возбудителю. Они вспыльчивы, нетерпимы к неудачам, обидчивы, несдержанны и агрессивны и это приводит к развитию неадекватного реагирования на жизненные ситуации и эмоциональные трудности. Сталкиваясь с неудачами или нестандартными жизненными ситуациями подростки с дефицитом внимания и гиперактивностью предпочитают их избегать. Несмотря на высокий уровень эмоционального реагирования, они отказываются рисковать и совершать поступки, которые приведут к возможным последствиям и порицанию со стороны (Н. Н. Заваденко отмечала высокую потребность у подростков с СДВГ в положительном подкреплении для выработки положительных навыков и агрессивную реакцию на негативную оценку у взрослых). Однако, прослеживается тенденция развития у подростков с СДВГ девиантных наклонностей, таких как пристрастия к алкоголю, правонарушениям и наркотикам. Подобного рода алогичность внутренних страхов и внешний проявлений символизирует высокий уровень развития эмоциональной лабильности у подростков с СДВГ [3, с. 46].

Опираясь на исследования И. С. Депутат, Ю. С. Джос, Л. Ф. Старцевой, М. Н. Панкова, Н. Н. Рысина и Е. Ю. Сидоровой мы считаем, что именно особенности эмоционального реагирования или же эмоциональная лабильность является основной причиной социальной дезадаптации при СДВГ. И разрабатывая программу работы с детьми и подростками с СДВГ, основной целью считаем работу именно с эмоциональной сферой, которая в свою очередь будет стабилизировать взаимодействие с социальной средой.

Литература

1. *Фесенко Е. В.* Синдром дефицита внимания и гиперактивности у детей / Е. В. Фесенко, Ю. А. Фесенко. — СПб. : Наука и Техника, 2010. — 384 с.

2. *Ярлыков В. Н.* К вопросу клиники, этиологии и лечения синдрома дефицита внимания с гиперактивностью у детей по данным петербургских психиатров / В. Н. Ярлыков // СДВГ и родственные формы когнитивных нарушений, эмоциональных дисфункций и поведенческих расстройств : материалы конф. «Мнухинские чтения», 19 мая 2006. — СПб., 2006. — С. 46—49

3. *Депутат И. С.* Психоэмоциональные особенности детей и подростков с синдромом дефицита внимания и гиперактивностью / И. С. Депутат, Ю. С. Джос, Л. Ф. Старцева [и др.] // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер. : Медико-биологические науки. — 2013. — № 3. — С. 45—55.

ИГРОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ ПРОИЗВОЛЬНОЙ ПАМЯТИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ С ЗАДЕРЖКОЙ ПСИХИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

В. О. Понявина, студентка 4 курса

Научный руководитель — канд. пед. наук, доц. Е.В. Кривотулова

Согласно данным НИИ дефектологии РАО примерно 80 % случаев систематической школьной неуспеваемости обусловлены различными состояниями интеллектуальной недостаточности, включая умственную отсталость и так называемую задержку психического развития. По данным Министерства образования Российской Федерации, за последние 10 лет количество детей с нарушением интеллекта снизилось на 14—15 %, а количество детей с задержкой психического развития увеличилось в 2 раза. К 2000 году число дошкольников с ЗПР составляло 25 % от детской популяции.

Задержка психического развития в современной научной литературе определяется как «нарушение темпа психического развития, проявляющееся в замедленном темпе созревания эмоционально-волевой сферы, в интеллектуальной недостаточности (умственные способности ребенка не соответствуют его возрасту)» [2]. Исследования отечественных психологов К. С. Лебединской, Н. Г. Манелис, показывают, что наряду с эмоционально-личностной незрелостью (игровая деятельность, как правило, преобладает над учебной) у таких детей отмечается и несформированность отдельных высших психических функций, памяти, внимания, мышления, речи и т.д., особенно функций произвольности данных процессов, а также левополушарных гностических функций [5].

Проблеме особенностей памяти школьников с задержкой психического развития посвящено не так много психолого-педагогических работ. Так, например, данной проблемой занимались такие авторы как: Т. В. Егорова, В. И. Лубовский, Т. А. Власова, В. Л. Подобед, М. С. Певзнер. Выделим ряд особенностей развития мнемических способностей у детей младшего школьного возраста с задержкой психического развития. По мнению Т. А. Власовой отклонения в развитии памяти являются характерными признаками для всех детей с задержками психического развития, так как у данной группы детей наблюдается недоразвитие левого полушария мозга в височной доле, которого, как известно, находится гиппокамп отвечающий за процессы памяти. У таких детей имеются недостатки как произвольного, так и непроизвольного запоминания, но непроизвольное запоминание развито намного лучше, так же как у детей более младшего возраста [5]. И именно снижение уровня произвольности мнемических процессов, по мнению Т. А. Власовой, М. С. Певзнер, является одной из главных причин трудностей детей с задержкой психического развития в школьном обучении. Недостаточность произвольной памяти у детей с задержкой психического развития младшего школьного возраста в значительной степени связана со слабостью регуляции произвольной деятельности, недостаточной ее целенаправленностью, несформированностью функции самоконтроля. Психологически эти дети не готовы и не способны к долгим волевым усилиям, которые от них требует новая для них учебная деятельность; у них преобладают

дошкольные, игровые интересы, данные дети могут не реагировать на замечания педагогов, не выполнять учебные задания, не могут усидеть за партой в течение урока. Как известно, игра — это основной вид деятельности детей дошкольного возраста, но в младшем школьном возрасте игровая деятельность также занимает важную роль в жизни ребенка. По словам В. А. Сухомлинского, «Игровая деятельность — это доступный для ребенка путь развития потребностей, прежде всего в общении и познании» [4]. По мнению отечественных классиков педагогической психологии Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева, Д. Б. Эльконина, игра может являться не только эффективным средством коррекции эмоционально-личностной сферы, но и средством коррекции познавательных способностей учащихся. Дети с задержкой психического развития, при явном преобладании игровой деятельности над учебной, в ходе самой игры имеют однообразный сюжет из-за слабости воображения, ребенок действует механически, повторяя то, что делают взрослые, но при этом не выстраивая сюжета. Поэтому в ходе игровой деятельности данной группы детей необходим контроль и поддержка педагога. Исследования психолога Л. С. Славиной показали, что в процессе игры ребенок с задержкой в развитии способен выполнить такой объем умственной работы, какой ему совершенно недоступен в обычной учебной ситуации. Игра психологически комфортна, в ней мобилизуются интеллектуальные силы ребенка, тем самым облегчается выполнение заданий [3]. Изучением игр, влияющих на развитие мнемических способностей, занимались такие авторы, как: З. М. Богуславская, Е. О. Смирнова, Г. А. Урунтаева. В ходе игры младшие школьники с задержкой психического развития сосредотачиваются и запоминают больше, чем в ходе выполнения не игровых заданий, так как их сознательная цель — запомнить, сосредоточить внимание. Условия игры требуют от них сосредоточения на игровой ситуации. Игровая деятельность, влияющая на развитие мнемических способностей, по мнению Е. О. Смирновой, проходит три основных этапа: мнемические действия ребенка строго организованы взрослым, дети сами способны выстраивать игровую деятельность, самостоятельно классифицировать, распределять предметы на основании общих признаков, ребенок овладевает умением выполнять познавательные действия в уме [5].

Игры могут быть настольными, подвижными, тетрализованными. Перед психологом-педагогом, учителями стоит задача в правильном и уместном сочетании школьной и игровой деятельности. Основная задача игровой деятельности — помочь детям с задержкой психического развития включиться в учебно-воспитательный процесс за счет коррекции недостаточно сформированных интеллектуальных функций. По мнению Г. А. Урунтаевой, одним из лучших способов тренировки памяти у детей дошкольного возраста служат игры, для младших школьников игра занимает, такую же первостепенную роль. В процессе игры ребенок запоминает информацию, которая становится для него интересной, расширяя тем самым объем памяти. Все упражнения строятся по одному принципу: у ребенка необходимо развивать ассоциативное мышление, для развития произвольной памяти. Все упражнения должны быть даны ребенку в качестве игры. Нельзя заставлять ребенка обучаться мнемическим приемам, игра — дело добровольное, если ребенку будет достаточно интересно, то он будет заинтересован как в игровой, так и в учебной деятельности.

Эмпирическое изучение влияния игровой деятельности на развитие произвольной памяти младших школьников с задержкой психического развития мы проводили на базе КОУ ВОУ «ЦЛПДО» (30 человек). Респондентами выступили учащиеся 1—2 классов.

Определяя гипотезу, мы исходили из предположения о влиянии игровой деятельности на уровень развития произвольной памяти младших школьников с задержкой психического развития.

По результатам методики «Узнавание фигур» (тест Н. А. Бернштейна) у младших школьников с задержкой психического развития в контрольной группе 60 % — низкий уровень произвольной образной памяти, 25 % — средний уровень, 15 % — высокий уровень. Полученные результаты сравнивались с экспериментальной группой учащихся у которых 55 % детей имели низкий уровень 35 % — средний уровень, 10 % — высокий уровень. Анализ результатов исследования по методике «Запоминание 10 слов» (А. Р. Лурия): в контрольной группе 55 % — имеют низкий уровень произвольной слуховой памяти, 25 % — средний уровень, 20 % — высокий уровень; в экспериментальной группе: 30 % — низкий уровень, 50 % — средний уровень, 20 % — высокий уровень. Анализ результатов исследования по моди-

фикации методики Т. Д. Марцинковской «Методика десяти предметов», направленной на выявление уровня произвольной зрительной памяти, показал, что в контрольной группе у 45 % — низкий уровень, 40 % — средний уровень, 15 % — высокий уровень; в экспериментальной группе у 30 % — низкий уровень, 50 % — средний уровень, у 20 % — высокий уровень развития произвольной зрительной памяти. Данные результаты говорят о низком уровне сформированности произвольной памяти учащихся с задержкой психического развития.

После констатирующего этапа исследования с учащихся с задержкой психического развития экспериментальной группы была проведена серия развивающих игр, направленных на коррекцию произвольной памяти. Развивающий этап исследования проходил с декабря по февраль. Повторная диагностика в контрольной и экспериментальной группах показала позитивную динамику в экспериментальной группе.

Таким образом, подтвердилась гипотеза исследования об эффективности развития произвольной памяти младших школьников с задержкой психического развития посредством игровой деятельности.

Литература

1. *Запорожец А. В.* Проблемы психологии детской игры / А. В. Запорожец. — М. : Просвещение, 1976. — С. 3—8.
2. *Коррекционная педагогика и специальная психология : словарь : учеб. пособие / сост. Н. В. Новоторцева.* — СПб. : КАРО, 2006. — 144 с.
3. *Лебедева С. О.* О возможностях развития образной памяти / С. О. Лебедева // Дошкольное воспитание. — 1985. — № 8. — С. 52—54.
4. *Лебединская К. С.* Нарушения психического развития у детей / К. С. Лебединская, В. В. Лебединский. — М. : Просвещение, 1985. — 35 с.
5. *Слепович Е. С.* Умственное воспитание детей с ЗПР в процессе дидактической игры / Е. С. Слепович. — Минск, 1986.

«ГОТОВНОСТЬ К РИСКУ» КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

Е. О. Першина, магистрант 1 курса
catyapershina@yandex.ru

Научный руководитель — д-р пед. наук, проф. Н. И. Вьюнова

За последнее время нашу страну потрясло множество катастроф, стихийных бедствий, межнациональных и межрегиональных конфликтов, рост преступности и насилия. Эти события дают понять, насколько важна психологическая готовность сотрудников Министерства чрезвычайных ситуаций к риску, к работе в экстремальных условиях, оценить их способности преодолевать последствия влияния повышенных нагрузок на психику, их умение успешно противостоять воздействию разнообразных стрессогенных факторов, сохраняя при этом высокую работоспособность.

Прежде чем говорить о готовности к риску как самостоятельной единице, на наш взгляд, необходимо разобраться в том, а что же такое сам *риск*?

На сегодняшний день в науке существуют различные определения и понятия слова «риск», мы будем опираться на работы А. П. Алыгина, который под *риском* понимает деятельность, связанную с преодолением неопределенности в ситуации неизбежного выбора, в процессе которой имеется возможность количественно и качественно оценить вероятность достижения предполагаемого результата, неудачи и отклонения от цели.

Риск мобилизует различные интеллектуальные, волевые, физические ресурсы человека. Это свидетельствует не только о деструктивном влиянии риска, но и о положительном.

Одним из структурных компонентов риска является *готовность к риску*. Имеющиеся в литературе определения понятия «готовность к риску» [5] весьма туманны и не четко дифференцированы с другим понятием — «склонность к риску». Некоторыми авторами готовность к риску понимается как свойство надситуа-

тивной активности субъекта и как предпосылка принятия интеллектуальных решений. Г. Айзенк понимает готовность к риску как склонность к поиску сильных ощущений, т.е. как личностное свойство. В качестве личностного свойства рассматривают готовность к риску и немецкие психологи, но имеют они в виду то, что в англоязычной литературе называется склонностью к риску [6]. Т. В. Корнилова рассматривает готовность к риску как свойство личностной саморегуляции, проявляемое человеком при принятии решений и выборе стратегий действия в условиях неопределенности. В то же время она пишет: «В представлениях о психологической регуляции принятия решений присутствуют понятия готовности к риску и склонности к риску, взаимоотношения которых не точно очерчены и включают также отнесенность к концептам рискованного поведения и поведенческого принятия риска. Понятие "склонность к риску" более характерно для переводов англоязычных работ, оно включило представление о диспозиционном личностном риске как индивидуальном свойстве, различающем поведение людей в однотипных задачах. Понятие «готовности к риску» более адекватно фиксирует прямой перевод с немецкого языка *risikobereitschaft*. Существенно, что в большей степени оно связано с оценкой иных индивидуальных различий, чем называемые в связи со склонностью к риску. Готовность к риску как личностное свойство отнесено здесь к умению субъекта принимать решения в условиях неопределенности как недостаточности ориентиров. Для такой характеристики важным моментом становится соотнесение с понятием рациональности принятия решения.

Итак, важнейшим проявлением свойств интеллектуально-личностной регуляции принятия решений, является готовность субъекта к решениям в условиях неопределенности, предполагающая принятие риска» [3, с. 58].

Первые психологические представления о склонности к риску как личностном свойстве были сформулированы в Германии и в США Г. Ховт и Я. Стонером. Они полагали, что человек, стремящийся рисковать в одной ситуации, будет стремиться рисковать и в других ситуациях [5].

Такой же позиции придерживались Мерц и Ю. Козелецкий, относя склонность к риску к личностным особенностям, понимая ее как «страсть к преодолению границ», и делил людей на «смельчаков» и «перестраховщиков». Особенностью таких людей является то, что они проявляют риск «бескорыстно». Это значит, что они выбирают опасные варианты поведения, хотя это с точки зрения стоящей перед ними задачи бесполезно, так как поставленная цель может быть достигнута и безопасным путем.

Как мы видим, вопрос о понятии «готовности к риску» и его соотношение с понятием «склонность к риску» весьма запутан. Это так же следует из приводимой цитаты, раскрывающей точку зрения В. А. Петровского: «Не ситуативная и не диспозициональные личностные склонности определяют акты принятия риска. Самодвижение деятельности личности, активность субъекта в определении диапазона постановки цели, выход за пределы задаваемых требований — вот источник актуалгенеза рискованных решений, целей и действий» [2, с. 101].

Жажда острых ощущений это диспозиционная характеристика, как и установка «риск — благородное дело». А ориентировочная реакция это ситуативная «склонность». И вообще, термин «восхождение к риску» есть не что иное, как принятие решения о том, предпринять рискованное действие или отказаться при разных мотивационных детерминантах (врожденное влечение к опасности, «вкус к риску» как приобретенная зависимость испытывать прилив адреналина, и риск как ценность, что, по сути, отражает склонность человека к позерству, браваде).

Изучив склонность к риску с точки зрения социально-психологической адаптации, можно отметить, что такие компоненты структуры адаптации, как адаптивность, принятие себя, эмоциональный комфорт, принятие других, внутренний контроль, являются условиями для принятия решения о риске. Другими словами, готовность к риску зависит от уровня адаптации: чем он выше, тем выше и склонность к риску. Чем более человек адаптирован в социальном мире, чем комфортнее он ощущает себя в нем, тем более он склонен к риску. Готовность к риску

как психологическое состояние проявляется при наличии эмоционального комфорта. Позитивное эмоциональное состояние является условием принятия решения рискнуть.

Уверенность в себе, в правильности принимаемых решений также отражается на готовности человека к риску. Немаловажен и тот факт, что при выраженном внутреннем контроле высокой оказывается и склонность к риску. Связь склонности к риску и принятия других подтверждает наше мнение о том, что доверие к социальному окружению оказывает влияние на человека в ситуации риска. Действительно, доверяя мнению других, положительно относясь к окружающим, человек в некоторых жизненных ситуациях более склонен к риску, нежели при отсутствии такого доверия.

То, что понятия «склонность к риску» и «готовность к риску» используются как синонимы, нам представляется ошибочным: готовность к риску это не личностная диспозиция, т. е. склонность к риску, стремление к опасности (которое лишь облегчает принятие риска), а интеллектуально-волевое состояние «здесь и сейчас». Это понимание ситуации, как рискованной и принятие риска (готовность пойти на риск с учетом своих возможностей).

В свою очередь, «готовность к риску» мы понимаем как свойство личностной саморегуляции, проявляемое человеком при принятии решений и выборе стратегий действия в условиях неопределенности. Риск представляет собой ситуацию выбора между двумя возможными вариантами действий: менее привлекательным, но более надежным и более привлекательным, но менее надежным, т. е. исход которого проблематичен и связан с возможными неблагоприятными последствиями. Главным образом понятие «риск» раскрывается в аспекте активного предпочтения субъектом опасного варианта действия безопасному. Готовность к риску подразумевает, что сотрудники Министерства чрезвычайных ситуаций, при принятии решения и выборе стратегий поведения в условиях неопределенности, будут рисковать, то есть предпочитать выбор опасного варианта действий.

Литература

1. *Алыгин А. П.* Риск и его роль в общественной жизни / А. П. Алыгин. — М. : Мысль, 1989. — 188 с.
2. *Алыгин А. П.* Риск: сущность, функции, детерминация, разновидности, методы оценки / А. П. Алыгин. — М. : Мысль, 1990. — 232 с.
3. *Беликов А. Ю.* Теория рисков : учебное пособие / А. Ю. Беликов. — Иркутск : Изд-во ИГЭА, 2001. — 105 с.
4. *Головин С. Ю.* Словарь практического психолога / С. Ю. Головин. — Минск : Харвест. — 1998. — 800 с.
5. *Ильин Е. П.* Психология риска / Е. П. Ильин. — СПб., 2012. — 267 с.
6. *Корнилова Т. В.* Методологические основы психологии / Т. В. Корнилова. — СПб. : Речь, 2006. — 320 с.

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ САМОРАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ

Т. П. Дробченко, магистрант 1 курса
tatiana.drobchienko@mail.ru

Научный руководитель — канд. пед. наук, доц. Л.А. Кунаковская

Динамичные изменения, происходящие в настоящее время во всех сферах жизни общества, предъявляют повышенные требования к активности, самостоятельности и ответственности человека в вопросах саморазвития. Современный человек постоянно находится в ситуации выбора той или иной альтернативы, оценки своих потребностей, мотивов, целей и способов их достижения. Чтобы продуктивно решать жизненные задачи, необходимо обладать развитыми субъектными качествами, сформированной способностью к саморазвитию.

В создавшихся условиях проблема саморазвития личности приобретает особую актуальность и становится важнейшим на-

правлением современных научных исследований. Ее активно разрабатывают ведущие ученые стран мирового сообщества (А. Маслоу, К. Роджерс, Р. Торренс, Г. Олпорд и др.). В отечественной науке проблема саморазвития личности исследуется на междисциплинарном уровне, привлекая внимание крупнейших теоретиков и практиков (К. А. Абульханова-Славская, Л. И. Божович, А. А. Бодалев, А. Н. Леонтьев, Л. Н. Куликова, С. Л. Рубинштейн, И. А. Шаршов и др.).

Несмотря на наличие исследований по данной проблеме, исчерпывающей трактовки понятия «факторы саморазвития личности» не представлено ни в философской, ни в психолого-педагогической литературе, что порождает неоднозначность и произвольность интерпретаций термина и создает неопределенность целей исследователя.

В психологическом аспекте саморазвитие личности — это социокультурный процесс сознательного формирования личностно-значимого смысла деятельности по развитию индивидуальных способностей под влиянием внешних и внутренних факторов воздействия.

Понятие «саморазвитие», наполняясь педагогическим содержанием, становится все более значимым для современного гуманистического образовательного процесса, выступает как базовая характеристика для целей, содержания и средств личностно-ориентированного образования, рассматривается через приобщение к творчеству в различных его проявлениях. Такой вывод следует из анализа трудов П. П. Блондского, Л. Н. Куликовой, К. Д. Ушинского, В. А. Сухомлинского, В. И. Андреевой [1, 5].

Наиболее полно, с нашей точки зрения, дается в исследованиях Л. Н. Куликовой, которая определяет саморазвитие личности как «осознаваемое целенаправленное ее «самодостраивание» сообразно собственной «Я-концепции», ценностям и личностным смыслам, включающее развитие своего интеллекта, чувств, способностей, потребностей, интересов, вкусов, опыта и продуктивности деятельности, компетентности в общении, укрепление и обогащение собственных социальных связей, совершенствование своего физического облика и здоровья [5].

Саморазвитие человека происходит под влиянием внутренних и внешних факторов от неосознаваемого процесса до сознательной целенаправленной деятельности как во внутреннем, так и

внешнем мире, с нахождением и реализацией своего собственного смысла жизни, осуществлением собственной программы внешнего и внутреннего самостроительства и достижением определенных результатов.

Фактор — (от лат. factor — делающий, производящий) — причина, движущая сила какого-либо психического изменения, явления [2].

Все воздействия и влияния, которые сказываются на саморазвитии личности, называют факторами саморазвития личности. На саморазвитие и становление личности влияют социальные и биологические факторы, или некоторые исследователи выделяют внешние и внутренние факторы. По Н. Г. Григорьевой саморазвитию личности способствует 2 группы факторов: биопсихологические — обусловлены внутренним состоянием индивида и выражаются в 71 убеждениях, чувствах, стремлениях, поступках человека; культурные — обусловлены состоянием окружающей среды и проявляются в предоставлении свободы, оптимальном сочетании социализации и индивидуализации, в наличии взаимоуважения и соперничества, в создании атмосферы доброжелательности и творчества [4]. По результатам исследования Ю. В. Мокеровой, наиболее значимыми факторами саморазвития личности являются: особенности общества и ценность саморазвития личности; ценностная направленность самого индивида; биографический контекст, индивидуальные условия жизнедеятельности индивида в их темпоральной протяженности прошлое-настоящее-будущее [6].

Обобщая вышесказанное, можно сказать, что факторы саморазвития личности делятся на две группы: внутренние факторы, связанные с психологическими особенностями самой личности, и внешние факторы, связанные с влияниями среды, способствующими либо препятствующими саморазвитию личности. При этом внутренние факторы являются более значимыми: «воспитание играет роль в развитии личности только при условии, если оно оказывает положительное влияние на внутреннее стимулирование ее активности в работе над собой. Именно эта активность и собственное стремление растущего человека к своему личностному совершенствованию в конечном итоге и определяют его развитие» [6].

К внутренним факторам саморазвития относят рефлексию (самоанализ, самопознание), самоуважение, положительная самооценка, самопринятие, способность к надситуативной активности, развитые волевые качества, интернальность личности, способность к творческому восприятию, пониманию и преобразованию действительности и самого себя в ней, опыт активной творческо-преобразующей деятельности, разрешения проблемно-конфликтных ситуаций, отсутствие избыточной психологической защиты и паттернов непродуктивного поведения.

К внешним факторам саморазвития можно отнести условия жизнедеятельности, в которых удовлетворены потребности более низкого уровня, наличие возможности свободного выбора, отсутствие частых неразрешимых проблемно-конфликтных ситуаций, приводящих к развитию защитных механизмов], внешняя стимуляция активности и одобрение (со стороны родителей, педагогов и т.д.), приводящие к формированию положительной самооценки, отсутствие социального влияния и группового давления, отвергающего бытийные ценности и личностные цели субъекта [6].

Интегрировать и систематизировать множество факторов, влияющих на процесс саморазвития личности, мы считаем возможным при использовании системного подхода, применение которого позволило нам не только выделить ключевые факторы саморазвития личности старшеклассника, но и найти главные тенденции взаимодействия этих факторов с учетом внутренних (чисто психологических) и внешних (окружение, организация обучения) влияющих факторов.

Так же, необходимо отметить, что в современной педагогической и психологической науке серьезное внимание уделяется проблеме взаимодействия факторов (условий среды и личностных предпосылок), определяющих осуществление саморазвития, возможностям организации поддерживающей среды, «работающей» на саморазвивающуюся личность.

Исходя из вышесказанного, можно отметить, что саморазвитие представляет собой осознаваемый, целенаправленный процесс, сообразно личностным ценностям, включающее развитие познавательных процессов, мотивационной сферы, социального взаимодействия.

На саморазвитие личности влияют различные факторы: внешние и внутренние, биологические и социальные. Изучив факторы саморазвития личности, затем можно организовывать соответствующие условия, способствующие более успешному процессу саморазвития. Данный вопрос является перспективой нашего исследования.

Литература

1. Андреев В. И. Педагогика творческого саморазвития / В. И. Андреев. — Казань : Изд-во Казанского ун-та, 1996. — 567 с.
2. Бережная И. Ф. О корректном употреблении понятий «факторы» и «условия» в педагогических исследованиях / И. Ф. Бережная // Актуальные проблемы обучения и воспитания школьников и студентов в образовательном учреждении : сб. науч. статей. — 2009. — Вып. 2 — С. 9—17.
3. Битянова Н. Р. Проблема саморазвития личности в психологии / Н. Р. Битянова. — М. : Московский психолого-социальный институт : Флинта, 1998. — 48 с.
4. Блинова В. Л. Психологические основы самопознания и саморазвития педагога / В. Л. Блинова, Ю. Л. Блинова. — 2-е изд., испр. и доп. — Казань : ТГГПУ, 2009. — 367 с.
5. Куликова Л. Н. Проблемы саморазвития личности / Л. Н. Куликова. — 2-е изд., испр. и доп. — Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2001. — 342 с.
6. Мокерова Ю. В. Противоречия становления потребности саморазвития личности в современных условиях : социологический анализ : автореф. дис. ... канд. социол. наук. / Ю. В. Мокерова. — Екатеринбург, 2006. — 24 с.

Научное издание

ВЕСТНИК
СТУДЕНЧЕСКОЙ НАУЧНОЙ СЕССИИ
ФАКУЛЬТЕТА ФИЛОСОФИИ
И ПСИХОЛОГИИ

Выпуск 11

Ответственный редактор *Бубнов Юрий Александрович*

Компьютерная верстка *Е. В. Черновой*

Подписано в печать 21.12.2016. Формат 60 × 84/16. Усл. печ. л. 16,9
Тираж 40 экз. Заказ 680

Издательский дом ВГУ
394018 Воронеж, пл. Ленина, 10
Отпечатано в типографии Издательского дома ВГУ
394018 г. Воронеж, ул. Пушкинская, 3